

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№1
2023

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

научный журнал

№ 1/2023

дата публикации: 03.03.2023 г.

Является сетевым СМИ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.

ISSN 2587-7666

Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

Журнал внесён в перечень ВАК по следующим специальностям:

Экономические: 5.2.1. Экономическая теория

Социологические: 5.4.2. Экономическая социология

Политические: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Главный редактор П.А. Ореховский
Ответственный секретарь А.И. Волынский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов	Н.А. Макашева <i>зам. гл. редактора</i>
О.И. Ананьин	В.С. Мартьянов
М.Р. Байсингер (США)	В.Ю. Музычук
А.Е. Варшавский	Р.М. Нуреев
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	А.Н. Олейник (Канада)
Г.Д. Гловели	Н.М. Плискевич <i>зам. гл. редактора</i>
Р.С. Гринберг	Л.И. Полищук
В.Е. Дементьев	В.М. Полтерович
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	Т.Ф. Ремингтон (США)
Л.В. Зеленоборская	А.Я. Рубинштейн
Р.И. Капелюшников	М.Е. Симон
С.Г. Кирдина-Чэндлер	Н.Е. Тихонова
О.Б. Кошовец	М.Ю. Урнов
А.М. Либман (ФРГ)	Б.А. Хейфец
В.И. Маевский	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.

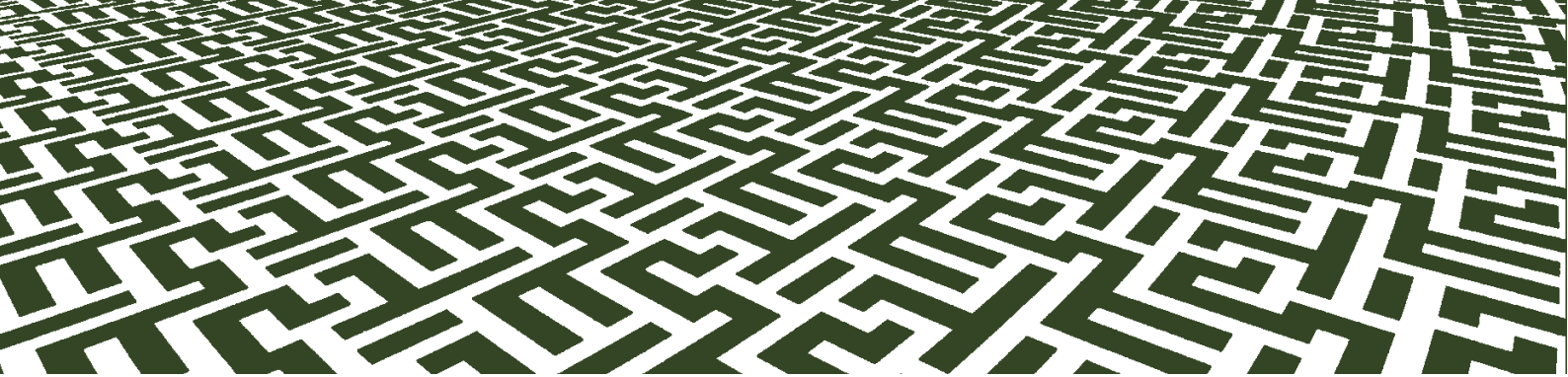
Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

тел./факс: 8(499) 724-15-41

e-mail (издателя): ieras@inecon.ru

e-mail (для авторов статей): editorqet@gmail.com

© Вопросы теоретической экономики, 2023

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

I S S U E S O F
E C O N O M I C
T H E O R Y

- **Economic Theory**
- **From Theory to Economic Policy**
- **History of Thought**
- **Interdisciplinary Studies**
- **Economic History**
- **Surveys & Reviews**

Nº1
2023

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW

ISSUES OF ECONOMIC THEORY
scientific journal

№ 1/2023

publication date: 03.03.2023

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov	N.A. Makasheva <i>Deputy Chief Editor</i>
O.I. Anan'in	V.S. Martyanov
M.R. Beissinger (USA)	V.U. Muzychuk
A.E. Varshavskiy	R.M. Nureyev
M.I. Voyeikov <i>Deputy Chief Editor</i>	A.N. Oleinik (Canada)
G.D. Gloveli	N.M. Pliskevich <i>Deputy Chief Editor</i>
R.S. Grinberg	L.I. Polishchuk
V.E. Dementiev	V.M. Polterovich
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	T.F. Remington (USA)
L.V. Zelenoborskaya	A.Y. Rubinshtein
R.I. Kapelyushnikov	M.E. Simon
S.G. Kirdina-Chandler	N.E. Tikhonova
O.B. Koshovets	M.Y. Urnov
A.M. Libman (FRG)	B.A. Kheyfets
V.I. Mayevskiy	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@gmail.com
© Issues of Economic Theory, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А.В. Оболонский

Не Вебером единым: исторические модели государственной бюрократии (достоинства и недостатки) 7

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Л.И. Цедилин

Понимание экономической безопасности в России: официальная доктрина и альтернативные подходы 21

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

Г.Д. Гловели, Е.А. Минаева

Критическое и некритическое смитианство Генриха Шторха, или Десница и шуйца «системы естественной свободы» 32

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов, И.Д. Сурхаев

Взаимовлияние средств голосования и социально-политических отношений в перспективе от доиндустриального к постиндустриальному обществу 46

Н.М. Плискевич

Институциональные рубцы в «пограничных» обществах (Часть 2. Институциональные рубцы в истории российской трансформации и изменения ценностных ориентаций) 60

А.Н. Татарко, В.Н. Муха

Ценностный базис институционального и социального доверия в Краснодарском крае 83

Д.М. Логинов, М.А. Янковская

Массовые практики социальной активности студенческой молодежи 100

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

А.А. Мальцев

Как Клио превратилась в Клиолятора, или Метаморфозы экономической истории во второй половине XX – начале XXI веков 114

М.С. Круглова

Банки, финансы и реформы в Нанкинское десятилетие (1928–1937): синтетическая экономическая политика 127

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.П. Заостровцев

Постигающие историю: обзор концепций развития (О книге Д.Я. Травина «Как государство богатеет... Путеводитель по исторической социологии») 142

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

A. Obolonsky

Not by Max Weber alone: Historical Types of State Bureaucracy (the Advantages and Shortcomings) 7

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

L. Tsedilin

Understanding Economic Security in Russia: Official Doctrine and Alternative Approaches 21

HISTORY OF THOUGHT

G. Gloveli, E. Minaeva

The Critical and Non-Critical Smithianism of Heinrich Storch, or The Right and Left Hands of the «System of Natural Freedom» 32

INTERDISCIPLINARY STUDIES

R. Nureev, Yu. Latov, I. Surkhaev

Interference of voting means and political relation in perspective from pre-industrial to post-industrial society 46

N. Pliskevich

Institutional Scars in «Frontier» Societies (Part 2. Institutional Scars in the History of Russian Transformation and Changes in Value Orientations) 60

A. Tatarko, V. Mukha

The Value Basis of Institutional and Social Trust in the Krasnodar Region 83

D. Loginov, M. Yankovskaya

Student Youth' Social Activity Mass Practices 100

ECONOMIC HISTORY

A. Maltsev

How Clio into a Cliolator, or A Metamorphosis of Economic History in the Second Half of the XX – Beginning of the XXI centuries 114

M. Kruglova

Banking, Finance and Reform in the Nanjing Decade (1928–1937): A Synthetic Economic Policy 127

SURVEYS & REVIEWS

A. Zaoztrovtssev

Those Who Comprehend History: a Review of Development Concepts (On D.Ya. Travin's book "How the State Gets Rich... A Guide to Historical Sociology") 142

А.В. Оболонский

*д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

НЕ ВЕБЕРОМ ЕДИНЫМ: ИСТОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ (ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ)

Аннотация. Статья представляет собой краткий концептуальный обзор определяющих характеристик основных исторических и современных моделей государственной бюрократии: исторических (веберовской, имперско-автократической, марксовой критической антимодели) и современных (моделей «клиентского» государства: New Public Management и Good Governance). Необходимость в появлении новых моделей связана с современными вызовами как организационно-технологического, так и социального характера. Принципиально меняется характер отношений человека и государства, что порождает новые общественные ожидания и требования. Анализируются черты, достоинства и недостатки каждой из моделей, как по ходу текста, так и в специальной таблице, их интегрирующей. Таблица эта основана на многолетних обсуждениях данной проблематики в рамках учебных семинаров автора со студентами Высшей школы экономики.

Ключевые слова: *бюрократия, веберизм, имперская модель, марксова антимодель, новый публичный менеджмент, постбюрократическое общество.*

JEL: B10, B20, D70, D73, H10, H70, H83.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_7_20.

Одна из издержек присущего современной науке избыточного её дробления на огромное множество узких дисциплинарных направлений — так называемый «эффект туннельного видения». Он выражается в том, что многие, даже ведущие в своей узкой области специалисты вынуждены из-за нарастающего вала литературы по их непосредственной тематике сознательно ограничивать своё знакомство с происходящим за рамками их конкретной научной специализации. Следствие этого — не только неполнота знания об общем уровне и новых достижениях научной мысли в сфере, связанной с их работой, но и в более широкой научной области, порой даже о том, что сделано применительно к их непосредственному объекту изучения в рамках других научных дисциплин. Между тем абсолютное большинство социальных объектов по своей сути имеют комплексный характер, и когда их аналитическое дробление переходит с научно-организационного на содержательный, познавательный уровень, смысловые потери становятся, на мой взгляд, неизбежными. А порой — и существенно девальвирующими саму ценность научного анализа, производимого такими узкими специалистами. Не углубляясь в данном случае в проблематику структуры научного знания, отмечу лишь, что как раз междисциплинарные работы относятся к числу средств преодоления когнитивной разобщённости учёных, представляющих разные науки.

Исходя из сказанного, автор предлагает вниманию читателя журнала концептуальный обзор определяющих характеристик основных исторических и современных моделей государственной бюрократии — классической веберовской, имперской, марксовой антимодели и вообще левых взглядов на проблему бюрократии, а также современных подходов.

С моей точки зрения, данная довольно широкая проблемная область, недостаточно отрелексирована в работах многих экономистов, хотя для получения многомерной, научно достоверной картины объекта это в ряде случаев представлялось бы необходимым. После такого краткого введения перейдём непосредственно к теме статьи.

Веберовская модель, её расцвет и кризис

XX в. в государственном управлении большинства развитых стран прошёл, как говорится, «под знаком Макса Вебера». Его концепция рациональной бюрократии, принципы организации работы государственного аппарата, критерии его комплектования, правила построения служебной карьеры чиновников стали, с некоторыми вариациями, «альфой и омегой» для механизмов исполнительной власти большинства стран Европы и Северной Америки. Правда, за океаном в этом контексте больше ссылаются не на Вебера, а на Вудро Вильсона, который в бытность профессором, т.е. задолго до своего избрания на пост Президента США, а хронологически даже раньше Вебера, сформулировал хотя и другую, менее научно обоснованную, но, по сути, близкую версию организационных принципов построения системы управления. Так что, не углубляясь в проблему авторских приоритетов, я при преподавании курса бюрократии студентам называл это концепцией Вебера-Вильсона. Или, кратко, просто *веберовской*.

Напомню ее основные элементы. По Веберу они таковы:

- иерархичность организационной структуры, зафиксированная на постоянной основе и на базе принципов должностной субординации;
- нормативно установленная компетенция и полномочия каждого организационного уровня;
- письменное закрепление всех формальных действий и постоянное хранение соответствующих документов;
- требование к компетентности должностных лиц не только в вопросах, связанных с курируемой ими сферой администрирования, но также и в области норм и процедур деятельности бюрократической организации в целом.

Основные принципы бюрократической организации по Вильсону:

- наличие единого центра управления в любой системе как необходимое условие её эффективности;
- структурное сходство всех современных правительств;
- профессионализм служащих, отделение управления от политики.

Таким образом, подходы Вебера и Вильсона логически едины и как бы дополняют друг друга, просто акцентируя разные моменты той же концептуальной модели. При частных различиях, в самом общем плане концепцию Вебера-Вильсона можно свести к трём главным идеологическим постулатам. Первый: бюрократия — имманентно наилучшая форма организации дел для любого сложного сообщества. Второй: не вмешиваясь в политику, она эффективно воплощает в жизнь любую политическую линию. Третий: она независима от влияния субъективных человеческих факторов.

Не будем здесь затрагивать обширную дискуссию относительно степени соответствия названных постулатов политической и административной реальности. Например, их соответствие знаменитым принципам Паркинсона, которые читателям, разумеется, хорошо известны, а также сюжеты о том, как административный «хвост» вертит политической «собакой». Это — не тема данной статьи. К тому же в таблице, помещённой в её конце, они будут затронуты с точки зрения их плюсов и минусов, наряду с другими историческими концепциями бюрократии (подробнее об этом и о некоторых других затрагиваемых в статье описательных моментах см., например, [Государственная служба... 2009; Оболонский, 2016]).

Здесь же стоит отметить, что данная концепция оказалась универсальной, подходящей для любых политических режимов, от демократических до тоталитарных. Правда, для последних — в усечённом виде: принцип аполитичности чиновничества был заменён принципом его партийности, т.е. на практике полного повиновения партийному лидеру (фюреру) или партийному руководству. Думается, что её столь долгое безраздельное господство было обусловлено факторами общего характера. К их числу отнесём, во-первых, потребности определённого этапа индустриального развития, для которого иерархическая и максимально стандартизированная система управления была оптимальной; во-вторых, с господствовавшей в то время общей тенденцией государственного интервенционизма, усилением роли государства; в-третьих, с её соответствием в целом характерному для времени функциональному подходу к человеку прежде всего как к орудию для выполнения неких общих задач, как к «винтику» в индустриальной, политической, военной или иной организационной машине.

Вебер не дожил до гитлеризма и, разумеется, ни в коей мере не разделяет ответственность за его преступления. Однако, глядя на те события в абстрактном гносеологическом плане, приходится признать, что некоторые черты его построений оказались созвучны господствовавшему тогда антииндивидуалистическому духу времени. Так, его базовая посылка относительно необходимости блокировки влияния субъективного (т.е., говоря другим языком, человеческого) фактора вошла в унисон с общим антигуманистическим духом межвоенной и отчасти послевоенной эпохи, при котором человек — лишь песчинка, «винтик», средство для достижения неких, якобы более «высоких» надличностных целей.

Но ничто не вечно. Начиная со второй половины века, постепенно стало нарастать осознание неполной адекватности веберовской классики новым реалиям. В этой связи характерно название книги крупного американского политолога Винсента Острома «Интеллектуальный кризис в американской государственной службе», впервые вышедшей ещё в 1973 г. [Ostrom, 1973] и неоднократно переиздававшейся. Можно назвать и ещё более ранние работы Роберта Мертона, Питера Блау, Герберта Саймона и др. А в качестве их «предтечи» — Людвига фон Мизеса. Ещё в 1930-е гг., во времена торжества крайних форм государственного интервенционизма и эксплуатации державнического псевдопатриотизма, он предостерегал от «угрозы, исходящей от бюрократии», от «расширения сферы бюрократического управления», поскольку «смирительная рубашка бюрократической организации парализует инициативу индивида», и «что правительство не может сделать человека богатым, но оно может сделать его бедным» [Мизес фон, 2006]. Правда, для некоторых, например для того же Мертона, это было лишь побочной темой в отличие от француза Мишеля Крозье, написавшего специальную, правда, небольшую, книжку «Феномен бюрократии» [Crozier, 1964]. А с 1980-1990-х гг. начались и достаточно серьёзные реформы модели «идеальной бюрократии», ибо даже далеко не худшие в управленческом отношении государства столкнулись с по меньшей мере двойным кризисом по отношению к себе — кризисом доверия и кризисом эффективности.

В плане *кризиса эффективности* нарастает неадекватность существующих, устоявшихся управленческих институтов и их персонала современным и тем более перспективным потребностям и вызовам. Привычные веберовские принципы, 100 лет считавшиеся не просто идеалом, а единственно возможными «на все времена», всё чаще не срабатывают. И люди это видят. Но в то же время не оставляет своих амбиций и традиционалистский государственный интервенционизм, попытки представить государство главным «мотором» общественного развития. В том числе разрастается международная бюрократия. Подобное столкновение во многом различных управленческих парадигм лишь усугубляет дело.

В плане *кризиса доверия* эмпирически зафиксированное во многих странах падение эффективности государств вызывает всё большее раздражение граждан. Ибо люди стано-

вятся не просто более требовательными к государству и персонифицирующим его для них чиновникам, а в корне меняется сам подход. Необходимость в появлении новых моделей связана с новыми вызовами как организационно технологического, так и социального характера. Принципиально *меняется характер отношений человека и государства, что порождает новые ожидания и требования. Произошла десакрализация государства в общественном сознании*, растёт настороженная неприязнь к нему. Уроки тоталитаризма даром не прошли. *Престиж государства существенно понизился*. Об этом свидетельствуют эмпирические данные по многим странам. В некоторых отношениях люди просто перестают доверять государству. И порой приходится признать — не без основания. В неприятии государственного патернализма, неизбежно порождающего в той или иной степени отчуждение человека от государства, во многом и состоит социальный смысл «поствеберизма». А в субъективном, человеческом плане можно сказать, что, если для Вебера деперсонализация была способом заблокировать худшие качества людей, «человеческого ресурса», то для поствеберизма характерно обратное — поворот к человеку, максимальное использование позитивного, творческого потенциала личности, апелляция к лучшим свойствам человеческой натуры, рассмотрение управления не с технократических, а с социально-гуманитарных позиций. Словом, в административной науке и в практике управления ряда стран набрало силу движение, которое можно условно объединить под лозунгом «вперёд от Вебера».

Разумеется, веберовская модель не была целиком отброшена. Но произошло не просто её дополнение, но и модификация некоторых принципов, ещё недавно казавшихся незыблемыми. А многие традиционные функции госслужбы перешли к так называемым полуправительственным организациям и даже к бизнесу. Это направление получило название «New Public Management» («новый публичный менеджмент»), кратко NPM, и некоторое время считалось едва ли не панацеей. И действительно возникли несомненно повысившие удобства потребителей технологические усовершенствования типа единых центров предоставления госуслуг, так называемые правила «одного окна». Однако затем пришло «охлаждение», связанное с избыточным разгосударствлением, коммерциализацией функций, считавшихся неотъемлемой прерогативой государства. И хотя финансовая эффективность вроде бы повысилась, но наряду с этим в качестве непредвиденных последствий сформировался слой «привилегированных контракторов», почти монопольно получающих наиболее выгодные государственные заказы, расширилась так называемая «серая зона» с неизбежным появлением новых коррупционных схем, и т. д. Да и ожидавшегося масштабного сокращения бюрократии не произошло. Но при этом на рынке труда государственная служба во многом утратила свою прежнюю репутацию престижной и выгодной пожизненной работы. В результате наметилась тенденция падения профессионального качества кадров государственных служащих: уход лучших с их заменой либо безынициативными, часто малоквалифицированными «пассивистами», либо дельцами менеджерского толка в дурном смысле слова, поскольку они рассматривают свои позиции в госаппарате прежде всего через призму коррупционных схем.

В попытках заблокировать эти негативные стороны «нового госуправления», сохраняя при этом его достоинства, предпринимались различные меры. В частности, серьёзный акцент был сделан на моральном регулировании поведения государственных служащих и контроле за ним: были разработаны и внедрены этические кодексы и созданы институциональные механизмы контроля за их соблюдением.

А уже во втором десятилетии нашего века появилась новая концепция — «Good Governance» (GG), которая, по идее, должна больше сблизить управленцев с получателями государственных услуг. Если в парадигме NPM государственное управление рассматривалось как система сервисных функций по предоставлению государственных услуг уполномоченными на то структурами и должностными лицами, то логика GG исходит из иного – непо-

средственного вовлечения граждан и разного рода их объединений в управленческие процессы, вплоть до передачи им ряда функций, до сих пор всегда бывших монополией органов государства. Правда, в практическом, инструментальном плане пока изменилось не так много. Больше появилось риторики типа «управления участников» — «participatory governance». К тому же в следовавших один за другим кризисах последних двух десятилетий, не говоря уж о нынешней супер кризисной ситуации, стало как-то не до реформ в данной сфере. Обо всем этом немало написано и сказано. (Из наиболее полных работ на русском языке см.: [Оболонский, 2011; Барабашев, 2016].) Некоторые детали процессов реформ будут обозначены ниже, ближе к концу статьи, хотя в данном случае это далеко не главная наша тема.

А здесь хочу предложить вниманию читателя оценку элементов разных исторических моделей государственной службы с достоинствами и недостатками каждого из них. При этом объектом рассмотрения послужат и элементы довеберовских её парадигм. Эти их плюсы и минусы сведены в одной таблице, которая выкристаллизовалась в ходе десятилетних обсуждений её отдельных имманентных черт и деталей с несколькими поколениями студентов факультетов государственного и муниципального управления и факультета социальных наук Высшей школы экономики во время семинарских занятий.

Имперская модель

Первой из исторических моделей государственной службы, представленных в таблице ниже, не случайно стоит её *имперская* модель. И дело не только в её временном стаже, насчитывающим больше двух тысячелетий, но также и в том, что она в разных вариациях характерна практически для всех недемократических государств, а те или иные её черты мы можем наблюдать в разных странах и сегодня. В европейском же ареале её стаж можно отсчитывать от первого века Римской империи, с тех пор как воля принцепса стала сильнее закона. А в крайнем виде, к тому же с чеканными формулировками и концептуальным обоснованием, она возникла ещё в IV в. до н. э. в Китае. И имеет к тому же вполне конкретного автора — советника правителя царства Цинь по имени Шан Ян. Написанный им текст под названием «Книга правителя области Шан», думаю, можно считать исторически первым развёрнутым логическим изложением концепции деспотического государства, а в юридическом смысле — основой легистской концепции закона не как взаимно связывающих сторон правоотношения, а системы приказов и распоряжений сверху вниз по властной вертикали. Чёткости изложения и откровенности формул манипулирования подданными можно, как говорится, позавидовать. Например, в главе под характерным заголовком «Как ослабить народ» идея эта выражена предельно лапидарно: «Когда народ слаб, государство сильное, когда государство сильное, народ слаб. Поэтому государство, идущее истинным путем, старается ослабить народ» (цит. по [Переломов, 1981. С. 128]). В числе способов достижения этой цели Шан Ян описывает такие свои «изобретения», как строгость наказаний независимо от реальной тяжести проступка или преступления, система круговой поруки, основанная на всеобщем доносительстве, вплоть до детальной регламентации обустройства могил усопших государственных деятелей в зависимости от их ранга. Обеспечить стабильность и эффективность системы предписывалось бюрократической вертикали. Установленный в ней порядок, с одной стороны, обеспечивал относительное благополучие императорских чиновников, причём основанное не столько на официальном жалованье, сколько на их способности выжать максимум из податного населения, с другой — устанавливал их полную зависимость от монаршей милости и немилости, в том числе вследствие их практически всеобщей, выражаясь современным языком, коррупционности. Ведь каждый из них, используя служебное положение для личного обогащения, причём порой весьма немалого, мог рассчитывать на благоденствие лишь до тех пор, пока

император по какой-то причине не решал с ним расправиться. А изощрённость «китайских казней», как известно, вошла в поговорку. И по мановению монаршей руки недавний распорядитель судеб и имущества тысяч подданных мог оказаться, например, привязанным к грядке быстро растущего бамбука.

Опуская здесь ряд других механизмов, все же нельзя не упомянуть такое изобретение, как принцип *атомизации бюрократии*, т. е. запрет на неформальные связи в чиновничьей среде, включая ограничения на личную дружбу, на службу родственникам в пределах одной провинции, даже на браки с женщинами из числа местных жителей. При этом отбор в чиновники происходил на основе экзаменов, что даёт некоторым основания отнести китайскую госслужбу ни много ни мало как к предтечам веберовской модели. Основания, как очевидно, явно неадекватные, если не сказать больше, поскольку по своей сути она ей противоположна.

Но её живучесть действительно уникальна. Ведь просуществовала она более двадцати трех веков. Да и современная КНР лишь отчасти, на мой взгляд, от неё избавилась. Разумеется, система модифицировалась, но её фундаментальные, системообразующие признаки на протяжении тысячелетий мало изменились. Даже коммунистический «император» Мао не только использовал её на практике, но и не стеснялся публично об этом говорить. На одном из съездов КПК он прямо сказал, что никто не в состоянии запомнить все законы и статьи конституции, и «мы, как правило, ими не руководствуемся... а поддерживаем порядок, не прибегая к гражданскому и уголовному законодательству, а сочетая Маркса и Цин Ши Хуана» [Переломов, 1981. С. 21].

Разумеется, распространение имперской модели не ограничивалось ни Китаем, ни даже Востоком, хотя в других ее наименованиях — «восточная», «азиатская» – географический аспект присутствует. Но именно в Поднебесной она нашла наиболее яркое, законченное своё воплощение и полное «научное» описание. Поэтому я и изложил главные её черты на китайском примере. В целом подробнее об имперской модели [Государственная служба..., 2009; Рубин, 1970].

К тому же, если отвлечься от региональной привязки, то можно с некой долей условности просто назвать её *автократической*. Ведь до определённого времени она, хоть и в более мягких формах, преобладала почти во всех сколько-нибудь крупных государствах любых регионов, в том числе и в Европе. Правда, в европейских монархиях дело не доходило до китайских крайностей. Да и не все из названных механизмов обеспечения системы повиновения монарших подданных в Европе вообще привились. И, конечно, в теоретическом плане ничего сравнимого с книгой Шан Яна здесь написано не было. В какой-то весьма ограниченной мере можно её сопоставить с книгой Никколо Макиавелли «Государь». Однако по разработанности и изощрённости рычагов управления флорентиец явно уступает китайскому легистскому классическому. К тому же в Европе даже самые автократические правители так или иначе, но осуществляли, помимо чисто властных, и иные публичные функции — то, что на современном языке именуется предоставлением государственных услуг. Классический пример — Римская империя, от которой, полагаю, и можно проследить традицию западной версии имперской службы.

Марксова антимодель

Обратимся теперь к противоположности, к *антитезе* любых вариантов бюрократической «идиллии» как таковым, включая и имперско-автократическую, и веберовскую модели. Вообще критические инвективы в адрес бюрократии, политические, научные, художественные упражнения относительно её дефектов, как подлинных, так и мнимых — тема почти дежурная. Но мы здесь ограничимся её разоблачением устами Карла

Маркса, поскольку она представляется наиболее фундаментальной, будучи обращена не к внешним атрибутам, а к, по его мнению, имманентной сути бюрократии. К тому же она отнюдь не утратила актуальности, по крайней мере, в некоторых отношениях. Так что, думаю, её можно отнести к категории «вечнозелёной классики». Если Вебер в своей трактовке бюрократии выступает как ценностно нейтральный позитивист, то Маркс с его открытым ценностным отрицанием универсальной социальной полезности государства стоит в своем отношении к бюрократии на прямо противоположных позициях. В этом он полный нигилист. Бюрократия в его описании выглядит абсолютным злом.

Данную проблематику Маркс рассматривал, главным образом, в своих ранних работах — «К критике гегелевской философии права», «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции», «Письма из “Deutsch Franzese Jar Bucher”», т. е. в первых двух томах собрания сочинений [Маркс, Энгельс, 1955]. А весьма полный анализ марксовской антиутопии бюрократии представлен в работе Виктора Макаренко [Макаренко, 1985].

Итак, бюрократия для раннего Маркса — зло абсолютное, неисправимое. Даже простой перечень её пороков выглядит почти как приговор. Вот их краткое перечисление:

- подмена общественного интереса частным интересом власти и конкретного чиновника, т.е. «присвоение государства»;
- органическая неспособность чиновничества решать подлинные проблемы, стоящие перед обществом, т.е. отсутствие у него государственного разума;
- отрыв от действительности, её извращенное восприятие, предвзятость;
- возрастающий по мере продвижения к верхам бюрократической иерархии произвол;
- корпоративное своекорыстие этой иерархии; карьеризм как модус вивенди; безосновательные притязания на монопольную компетентность
- формализм.

В целом бюрократия, по оценке Маркса, *организм-паразит*, отчуждённый от общества и принципиально не способный ни быть носителем общественного разума, ни интегрировать общественный интерес. А марксова категория *отчуждения*, думается, во многом и составляет мировоззренческую основу его, да и вообще левой, критики бюрократии.

Что и говорить — обличения Маркса впечатляют. Несмотря на то, что основаны они на анализе довольно ограниченного материала — бюрократии нескольких германских государств первой половины XIX в., ей не откажешь ни в глубине, ни в немалой обобщающей значимости. Не случайно, глядя на современную реальность как близкую, так и далекую, в них находишь много болезненно узнаваемого. Они применимы, правда, в разной степени практически к любым современным бюрократиям. В целом, думается, можно сказать, что Маркс заложил основу левой критики бюрократии со всеми её точными и справедливыми инвективами, а также определёнными перехлёстами. Ведь если её принять за «истину в последней инстанции», то представляется не вполне понятной её глобальная распространённость и долговременность. Ведь никаких иных механизмов для решения больших и малых государственных дел человечество не выработало, во всяком случае до недавнего времени. Да и сам Маркс в более поздних работах сильно умерил свой антибюрократизм. Например, в «Уроках Коммуны» уже говорится не о немедленном разрушении бюрократической структуры как одной из целей революции, а о необходимости сохранения чиновничьего аппарата на переходный период, лишь сократив его, удешевив и поставив под общественный контроль. Правда, в России на какое-то время возобладал как раз крайний вариант антибюрократизма, отражавший позицию раннего Маркса. Его, хотя и без ссылок, фактически инкорпорировали анархические «нигилисты» разного толка. Их неприятие российского деспотического государства распространилось вообще на любое государство как таковое. Наиболее ярко это выразил Пётр Кропоткин.

И здесь, пожалуй, стоит затронуть вопрос о парадоксе левого отношения к государству.

Левый парадокс

В Европе ближайшие последователи Маркса — деятели II Интернационала — пошли ещё дальше позднего Маркса. Отказавшись от риторики об отмирании государства, они заменили её идеей мирного овладения государственной машиной для использования в интересах всего общества. В России же Владимир Ленин в своём фирменном стиле менял взгляды на 180 градусов в зависимости от политической ситуации и нужд: если летом 1917 г. в работе «Государство и революция» он выступил почти как крайний антигосударственник, то, когда спустя всего несколько месяцев власть оказалась в руках большевиков, основой их курса стало максимально возможное огосударствление всего и вся, а в области кадровой политики — занятие большевиками всех ведущих позиций плюс установление жёсткого политического контроля над аппаратом через комиссаров, плюс приём на службу неисчислимого количества малоквалифицированных так называемых «совбарышень». Итоги, как известно, были плачевны. И Ленин, надо признать, увидев процесс бюрократического перерождения своих «кадров», в конце жизни попытался — впрочем, безуспешно — остановить этот процесс. Загнать джинна обратно в бутылку невозможно, в результате в СССР произошла беспрецедентная по масштабам тотальная бюрократизация всех сфер общественной жизни. Да и вообще один из горьких уроков «реального социализма» состоит в том, что итогом практических попыток реализации марксовской антибюрократической утопии стало появление худшего порождения бюрократического государства — нового класса как фактического распорядителя всем национальным богатством.

Впрочем, здесь просматривается *имманентная противоречивость вообще всей левой идеологии — непримиримо жёсткая критика государственной бюрократии до своего прихода к власти и резкое расширение опоры на бюрократические рычаги при её получении*. Примером тому может служить практика социал-демократических правительств.

В 50–60-е гг. XX в. антибюрократическую фразеологию Маркса взяли на вооружение неомарксисты: сначала М. Джилас, затем Г. Маркузе, Ж.-П. Сартр и другие – радикальные экзистенциалисты и даже неофрейдисты. В числе лозунгов парижских студенческих протестов 1968 г. было: «соединить Маркса и Фрейда», «баррикаду и постель». Так, крупный постфрейдист Э. Фромм обосновывал антибюрократическую идеологию с позиций гуманизма. Он писал, что «активное и ответственное участие в делах общества требует замены бюрократического способа управления гуманистическим», видя главную опасность именно в том, что Вебер считал едва ли не главным достоинством бюрократии — в деперсонализации отношений между чиновником и гражданином: «Как только человек сводится к простому номеру в каком-то списке, настоящие бюрократы могут совершать по отношению к нему самые жестокие поступки, и не потому, что ими движет жестокость... а потому, что они не испытывают никаких человеческих чувств по отношению к своим подопечным... их совестью является выполнение долга, люди как объекты сочувствия и сострадания для них не существуют» [Фромм, 1990. С. 191].

В рамках происходящей в последние десятилетия и ещё не завершённой выработки новой парадигмы государственного управления активизировалась критика бюрократии как таковой, особенно со стороны молодых интеллектуалов и разного толка антиглобалистов. Впрочем, главный объект их критики — бюрократия международная, в первую очередь брссельская и нью-йоркская. С одной стороны, в их нападках немало поверхностной риторики и демагогии, хотя есть и много вполне разумного и справедливого, но с другой — сам подход к оценке бюрократии не только с точки зрения разного рода критериев эффективности, но и с позиций «простой» человечности, гуманизма представляется важным и конструктивным. И в этом видится определённая, и немалая, актуальность и ценность марксова критического наследия.

Новые времена

Так или иначе, но наступили времена, когда веберовская модель рациональной бюрократии, как отмечалось выше, перестала считаться незаменимым идеалом. Популярность приобрели разговоры о поствеберизме, даже о «*постбюрократическом обществе*», и резонирующие с ними жалобы чиновников, что, дескать, трудно управлять в «антиправительственную эру». Идеологема конца «большого государства» нашла отражение не только в публицистике, но и в науке. Новую актуальность приобрела старая либеральная классика времен «государства – ночного сторожа», сентенция Вильгельма фон Гумбольдта: «государство даже в лучшем случае есть зло неизбежное, в худшем же – зло нестерпимое». В общественном сознании снизилась легитимность государства в его современных формах. Особенно упал уровень доверия к чиновничеству, к его способности эффективно реагировать на вызовы времени. В общем мировоззренческом смысле за этими тенденциями стоит изменение отношений человека и государства. Гражданин рассматривается более не как управляемый, не как объект, а как своего рода клиент государственных учреждений. А клиент, как известно, «всегда прав». Отсюда повышенную актуальность приобрели вопросы административной юстиции, гарантий прав граждан в отношениях с государством, их участия в принятии управленческих решений, доступа к информации, прозрачности административной организации, «отзывчивости» чиновников, механизмов общественного контроля.

А наиболее радикальная критика бюрократического общества исходит от либертарианцев, научно идеологическим центром которой является Институт Катона. Например, Брайан Догерти считает, что «технологические достижения создали мир, в котором правительства могут стать больше не нужны», а государство называет «великой фикцией, используя которую каждый старается жить за счёт другого» [Doherty, 2006. P. 4]. Любопытно, что он аттестует себя продолжателем в технотронный век позиций Л. фон Мизеса, Ф. фон Хайека, М. Фридмана. Есть немало и других авторов либертарианского направления мыслей, высказывающих жёсткие инвективы в адрес «рентного паразитизма» государственных структур и связанных с ними лиц, порой доходящие до заключения, что в современном мире вообще не осталось функций, которые способно выполнять только государство. Правда, их практические рекомендации всё же не носят анархистского характера, а скорее ближе к индивидуализму и самоорганизации как наиболее адекватной, по их мнению, форме существования современного общества.

Но даже отвлекаясь от либертарианских крайностей, следует признать факт определённого падения авторитета государственных институтов в современном мире. Это подтверждается данными социологических опросов по ряду стран, причём даже тех из них, где государство исторически всегда пользовалось высоким авторитетом и играло роль значительно большую, чем в странах с иной, англо-саксонской, традицией ограниченного государства. Я имею в виду, прежде всего, Францию и Германию. Но пионерами практических перемен стали как раз страны англо-саксонские. Реформы в других странах менее масштабны и системны. Хотя в некоторых тоже достаточно существенны. Правда, масштаб реальных перемен и в них не соответствует не только либертарианской радикальной фразеологии о наступлении постбюрократического общества, но и более умеренным концепциям поствеберовского государства.

Не углубляясь в детали изменений, суммируем их общий смысл понятиями менеджера, «контрактного» или «агентского» государства. Многие традиционные государственные функции и услуги перешли в полукommerческую плоскость. В итоге, хотя и в меньшей мере, чем ожидалось, повысилась его чисто функциональная, инструментальная эффективность. Чего нельзя сказать об эффективности социальной. Избыточная в ряде случаев ориентация на финансовую, бюджетную сторону дела породила ряд непред-

виденных негативных эффектов. Поскольку в общем плане они представлены в прилагаемой к статье таблице, то здесь сделаю упор на недостатки, особенно характерные для стран транзита. К их числу относятся:

- избыточная коммерциализация управленческих функций, в том числе тех, которые по своим объективным характеристикам мало для этого пригодны;
- рост коррупции в связи с расширением «серой зоны», т. е. сферы личного усмотрения чиновника в слабо или вовсе неурегулированной законом сфере;
- укрепление положения категории «привилегированных» получателей выгодных государственных заказов;
- подрыв чувства корпоративного достоинства, профессиональной чести государственных служащих, связанный, в частности, с перемешиванием кадров пожизненных чиновников с людьми иного типа и ориентаций, пришедшими из бизнеса с его критериями успеха, ценностями и психологией;
- падение авторитета государства как «идеального работодателя» в связи с потерей стабильности назначений на государственные должности, а также более низким уровнем их оплаты на рынке труда.

Словом, избыточная маркетизация государственного управления, чрезмерное подчинение подходов и критериев оценки действий его представителей правилам, присущим рыночным механизмам, привело, по мнению многих специалистов в области управления, к определённой девальвации государственной службы как института общественного служения и удару по авторитету чиновников как людей, работа которых состоит в максимально возможном удовлетворении общественных потребностей, а не просто особой категории коммерческих агентов. Да и престиж государства в целом тоже в итоге, как минимум, не укрепился.

Ещё один непредвиденный важный негативный момент, по мнению ряда учёных, состоит в том, что клиентская модель взаимоотношений государства и человека выхолащивает в обществе гражданский дух, вступая в противоречие с морально-психологическими основами гражданского общества. Это предполагает активную и ответственную позицию членов общества и социальную роль гражданина, стремление повлиять на общественную жизнь, а не просто ограничение ролью потребителя государственных услуг в своего рода «супермаркете» (подробнее см., например, [Sulliman, 2003; Зидентон, 2001]).

Видимо, в качестве попытки ответа на этот новый вызов стало складываться уже упомянутое выше Good Governace, главный пафос которого – преодоление отчуждения гражданина от государства, его непосредственное вовлечение в управленческие процессы, их децентрализация и дальнейшая демократизация. Собственно значимых организационных, институциональных изменений в этом направлении пока произошло не так много. Ведущим представляется изменение отношения к субъективному, человеческому фактору. Так, возлагаются большие надежды на изменение мотиваций людей, посвящающих себя государственной службе в духе постматериалистических теорий мотивации, связываемых, в частности, с именами Р. Инглхарта и Д. Макклоски. Мотивационная парадигма профессиональной административной работы в корне отлична от парадигмы компетентностной, поскольку в её основе лежат не материальные выгоды субъекта, а прежде всего моральное удовлетворение от служения общественным интересам. Конечно, речь не идёт о полном бескорыстии. Но опросы, например, американских студентов показывают, что сугубо материальная мотивация явно отходит на второй план.

Вместо классического американского (да и не только) клише «покажите мне платёжный чек», новое поколение говорит «покажите мне работу». Вот как выглядят предпочтения вступающих на рынок труда выпускников колледжей: 84% из них в числе приоритетов при принятии решения о будущей работе называют ее интересность; 70% – возможность помогать людям; 66% – возможность приобретения новой квалификации; 62% – сочетание твор-

ческой работы с отсутствием опасности ее потерять; 60% – наличие перспектив карьерного продвижения; 49% – необходимость выплачивать долг за учёбу; 49% – уважение со стороны общества; и лишь 32% – заработок. Данные целого ряда опросов студентов старших курсов и выпускников [Light, 2008] в целом дают одинаковую картину. Более того, в некоторых его таблицах значимость фактора заработка падает еще ниже – до 27%! Коротко говоря, *при выборе работы на рынке труда произошёл радикальный ценностный сдвиг: от приоритета материальных к приоритету нематериальных, в том числе – моральных, факторов*. По мнению авторов статьи с характерным названием «Публичная служба будущего», опубликованной в специальном выпуске ведущего американского журнала по данной тематике «Public Administration Review», впереди нас ждёт новая эра возрождения публичной жизни [Perry, Buckwalter, 2009]. Новое поколение – «поколение миллениума» – не против государства как такового, но определённо не желает мириться с тем, чтобы их жизнь определяли бюрократы, обслуживающие в первую очередь свои собственные потребности. Поэтому они предпочитают не государственные структуры, а НКО (non commercial organizations), волонтерскую деятельность, коммунальные службы (community service), в которых по определению сильны самоуправленческие начала, иные формы гражданской вовлечённости (civic engagement). Именно в этих формах человеческий капитал сможет полноценно и эффективно реализоваться в сфере публичной деятельности. Исторический оптимизм авторов простирается до выдачи аванса поколению миллениума как «новому величайшему поколению». Анализ причин произошедшего ценностного сдвига – не тема данной статьи. Мы здесь лишь фиксируем сам этот факт.

Возвращаясь же на более приземлённый уровень, можно констатировать, что *«маятник» возвращается от крайностей NPM, но не к классическому веберизму, а к чему-то синтетическому, очертания которого лишь ещё формируются*. В каком-то смысле учёные и практики в области государственного строительства напоминают сегодня средневековых алхимиков, стоящих у разогретой колбы и подбрасывающих в неё разные снадобья, продельывающих с её содержимым всевозможные манипуляции, но не знающих результатов процесса, а лишь строящих о них различные предположения.

Пока, правда, во всём этом, пожалуй, больше общегуманитарной риторики, чем практических мер. Но всё же, например, можно сказать, что подкрепляется начавший ранее формироваться общий курс на повышение внимания к культурным, в частности, этическим морально-психологическим аспектам государственного управления и службы. Можно даже сказать, что формируется **этическая парадигма государственной службы**.

Впрочем, даже сама по себе риторика представляется достаточно важным фактором, ибо она поддерживает определённые ценности и определяет общий дух государственной системы. В ряде же стран ей далеко не ограничились, а предприняли конкретные шаги институционального характера по превращению морально-этических принципов в юридические нормы и созданию призванных обеспечить их практическое соблюдение организационных контрольных механизмов. Например, в Англии был издан документ под названием «Семь принципов публичной сферы». Для обеспечения их выполнения был образован Комитет по стандартам публичной жизни, цель которого была сформулирована как восстановление доверия к лицам, занимающим государственные должности (подробнее см. [Этика публичной политики..., 2003]), издан Кодекс министра. Было также создано независимое агентство – Комиссия по гражданской службе, формируемая, главным образом, не из чиновников, а из авторитетных представителей гражданского общества, и при этом обладающая решающим голосом при назначениях на должности в государственном аппарате. Концепция этого во многом уникального подхода – *частичная передача функции формирования кадров чиновников из рук профессиональных аппаратчиков к другой стороне отношений, к потребителям государственных услуг*. (Подробнее о британском опыте см. [Оболонский, Барабашев, 2013].)

Таблица
Модели государственной бюрократии: достоинства и недостатки

Вебер (+)	Вебер (-)	Маркс (+)	Маркс (-)	Имперско-автократическая (+)	Имперско-автократическая (-)	New Public Management и Good Governance (+)	New Public Management и Good Governance (-)
<p>1) высокая квалификация кадров</p> <p>2) четкая регламентация их полномочий, прав, обязанностей</p> <p>3) безличность выполнения служебных функций</p> <p>4) ясная субординация</p> <p>5) аполитичность</p> <p>6) ясность карьерной перспективы</p> <p>7) стабильность статуса служащего</p> <p>8) честность и добросовестность чиновников</p> <p>9) объективность кадрового отбора</p> <p>10) ориентация на верховенство закона и других норм</p> <p>11) высокая общественная полезность</p>	<p>1) избыточный формализм</p> <p>2) застойность, ригидность</p> <p>3) слабая мотивация на результат</p> <p>4) блокирование инициативности</p> <p>5) медленность карьерного продвижения</p> <p>6) склонность к разрастанию и бюрократизации</p> <p>7) высокая затратность.</p> <p>8) бюрократический корпоративизм</p> <p>9) недостаток горизонтальных связей</p>	<p>Формулирование альтернативных принципов управления, включая:</p> <p>1) общественный контроль над чиновничеством</p> <p>2) ответственность чиновников перед гражданами</p>	<p>Описание и критика бюрократической системы за её:</p> <p>1) неэффективность</p> <p>2) подмену общественных интересов групповыми и частными</p> <p>3) коррумпированность</p> <p>4) имманентную лживость официальных данных</p> <p>5) негативную селекцию кадров</p> <p>6) карьеризм</p> <p>7) сращивание политики и исполнительной власти</p> <p>8) бюрократический паразитизм</p>	<p>1) устойчивость</p> <p>2) высокая компетентность кадров</p> <p>3) взаимозаменяемость чиновников.</p> <p>4) запрет неформальных и семейных связей в среде чиновников</p> <p>5) высокий социальный статус професии чиновника</p>	<p>1) имманентная коррупционность</p> <p>2) ориентация исключительно наверх</p> <p>3) отношение к населению лишь как к объекту карьерной незащищённости работников</p> <p>5) их полная зависимость от высшей власти</p> <p>6) неравенство перед законом, зависящее от статуса</p> <p>7) избыточная привлекательность на рынке труда, обескровливающая другие сферы деятельности</p>	<p>1) ориентация на общественное благо, на службу гражданам</p> <p>2) клиентоориентированность</p> <p>3) расширение горизонтальных связей.</p> <p>4) удешевление цены госуслуг</p> <p>5) повышение функциональной эффективности.</p> <p>6) повышение социальной эффективности (у GG)</p> <p>7) способность быстрее адаптироваться к изменениям времени</p> <p>8) поощрение инициативности</p> <p>9) повышение внимания к публичной этике, её формализация</p> <p>10) увеличение веса критерия оценки по результатам</p>	<p>1) отток лучших кадров в другие сферы («утечка мозгов»)</p> <p>2) удар по авторитету государства как «идеального нанимателя»</p> <p>3) упадок престижа гражданской службы, девальвация её статуса</p> <p>4) упадок моральных ценностей</p> <p>5) коррупционность вследствие расширения «серой зоны» и сферы личного усмотрения исполнителя</p> <p>6) избыточная зависимость чиновника от работодателя</p> <p>7) расширение возможностей злоупотребления полномочиями</p>

Источник: составлено автором.

В США с их традицией скрупулезного правового регламентирования были изданы многостраничные «Нормы этического поведения служащих органов исполнительной власти», существует Комитет по правительственной этике и Комиссия по защите равенства возможностей работников, а вопросы найма на государственную службу в значительной мере децентрализованы. Правда, надо заметить, что американская гражданская служба переживает сейчас не лучшие времена. В Канаде ввели целых два документа – Кодекс ценностей и этики государственной службы и Кодекс конфликта интересов и регулирования обязательств после ухода с госслужбы для руководителей госорганов, а также довольно жёсткую систему контроля за их соблюдением.

Россия тоже, в принципе, не осталась в стороне от этих веяний, во всяком случае – на нормативном уровне. Что нашло отражение и в Указе Президента, изданном еще в 2002 г., и в Законе «О государственной службе Российской Федерации» 2004 г., и в других документах. К сожалению, воплощение их норм в жизнь во многом завязло в традиционной бюрократической рутине. (Подробно данная проблематика рассмотрена в [Оболонский, 2011].)

Одной из задач данного очень краткого очерка современных тенденций, было подведение читателя к прилагаемой таблице как к продукту «коллективного разума» преподавателя и нескольких поколений студентов, специализировавшихся в управленческой проблематике. Таблица представляет попытку систематически описать плюсы и минусы каждой из исторических и современных моделей бюрократии. Ведь любые социальные изобретения (независимо от того, спонтанно ли они сложились или же были спроектированы сознательно) имеют, как правило, и достоинства, и недостатки. Рацио веберовской модели не сумело предотвратить государственный тоталитаризм, а современные конструкции управленческих систем не оказались панацеей от бюрократической экспансии раздувшихся государственных служб. Происходят поиски нового баланса. Пожалуй, для характеристики его современного состояния подойдут слова из новой книги Д. Травина: «...в понимании проблем развития общества мы правой ногой опираемся на Вебера, а левой – на Хайека» [Травин, 2022. С.288]. Но при этом также не следует недооценивать угрозу бюрократического «реванша», о чём нас предупреждает извечный принцип максимизирующего бюрократа. Ведь при полном воплощении такого сценария в жизнь законы Паркинсона окажутся почти невинными игрушками.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Барабашев. А.Г. (2016). Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии [Barabashev A. (2016). Crisis of bureaucratic state and its influence on the major paradigms of state and bureaucracy] // *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 3. С. 163–194.
- Государственная служба: комплексный подход (2009) / Отв. ред. А.В. Оболонский [Public service. The complex approach. (2009). Chief editor A.Obolonsky] – М.: Дело.
- Зидентоп Л. (2001). *Демократия в Европе* [Siedentop L. (2001). Democracy in Europe]. – М.: Логос.
- Мизес фон Л. (2006). *Бюрократия* [Mises fon L. (2006).Bureaucracy]. – М.: Социум.
- Макаренко В.П. (1985). *Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса* [Makarenko V. (1985).The analysis of bureaucracy in the early works of Karl Marx]. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955). *Сочинения*. Т. 1, 2 [Marx K., Engels F. (1955). Works, Vol. 1,2]. – М.: Государственное издательство политической литературы.
- Оболонский А.В. (2011). *Кризис бюрократического государства. Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии* [Obolonsky A. (2011).The Crisis of Bureaucratic state. Public Service Reforms: the International Experience and Russian realities]. – М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Оболонский А.В. (2016). *Этика публичной сферы и реалии политической жизни* [Obolonsky A. (2016). Ethics of the Public Sphere and the Realities of Political Life]. – М.: Мысль.

- Оболонский А.В., Барабашев А.Г. (2013). *Как расчистить авгиевы конюшни нашей бюрократии: два взгляда* [Obolonsky A., Varabasev A. (2013). How to Clean out the Augean Stable of our Bureaucracy: Two Views] // *Вестник Института Кеннана в России*. Вып. 23. С. 53-65.
- Переломов Л.С. (1981). *Конфуцианство и легизм в политической истории Китая* [Perelomov L. (1981). Confucianism and Legism in the Political History of China]. – М.: Наука.
- Рубин В.А. (1970). *Идеология и культура древнего Китая (четыре силуэта)* [Rubin V. (1970). The Ideology and Culture of the Ancient China]. – М.: Наука.
- Травин Дм. Я. (2022). *Как государство богатеет... Путеводитель по исторической социологии* [Travin D. (2022). How states becoming rich... The guide in historical sociology]. – СПб.: Изд-во Института Гайдара.
- Фромм Э. (1990). *Иметь или быть?* [Fromm E. (1990). To Have or to Be?]. – М.: Прогресс.
- Этика публичной политики. Из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы* (2003). [Ethics of Public Policy. Institute of Law and Public Policy (2003)]. – М.: Институт права и публичной политики.
- Crozier M. (1964). *Bureaucratic Phenomenon*. – Chicago: University of Chicago Press.
- Doherty B. (2006). *Radicals for Capitalism: a freewheel history of modern American movement*. – Washington.
- Light D. (2008). *A Government Ill Executed. The Decline of the federal service and how to reverse it*. — Cambridge (Mass): Harvard University Press.
- Ostrom V. (1973). *The Intellectual Crisis in American Public Administration*. – Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press.
- Perry I, Buckwalter N. (2009). The Public Service of the Future// *Public Administration Review*. December, special issue. Pp.238-245.
- Sulliman E. (2003). *Dismantling Democratic States*. – Princeton: Princeton University Press.

Оболонский Александр Валентинович

aobolonsky@hse.ru

Alexander V. Obolonsky

Doctor of Sciences (Law), Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (Moscow)

aobolonsky@hse.ru

NOT BY MAX WEBER ALONE: HISTORICAL TYPES OF STATE BUREAUCRACY (THE ADVANTAGES AND SHORTCOMINGS)

Abstract. The article offers short conceptual review of the basic characteristics of the main types of state bureaucracy, both historical and contemporary. For historical - Weberian, imperially autocratic, Marxian opposing anti-model; for contemporary - models of “client-oriented state” and Good Governance. Need in creation of modern models of governance evolved because the new challengers, both ethnological, organizational and social ones. The character of relationships between people and state changed principally. New public expectations and demands have born. Advantages and shortcomings of each of model are analyzed both inside of the text and also summarized in a special table, which is the product of many years’ discussions around these problems in frames of seminars being conducted with the students of Higher School of Economics.

Keywords: *bureaucracy, Weberism, imperial model, Marxian antimodel, new public management, good governance, post-bureaucratic society.*

JEL: B10, B20, D70, D73, H10, H70, H83.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Оболонский А.В. Не Вебером единым: исторические модели государственной бюрократии (достоинства и недостатки) // *Вопросы теоретической экономики*. 2023. № 1. С. 7–20. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_7_20.

FOR CITATION: Obolonsky A. Not by Max Weber alone: Historical Types of State Bureaucracy (the Advantages and Shortcomings). // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2023. No. 1. Pp. 7–20. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_7_20.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Л.И. Цедилин

*к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

ПОНИМАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ: ОФИЦИАЛЬНАЯ ДОКТРИНА И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ¹

Аннотация. Значимость экономической безопасности (ЭБ) для многих стран мира и для крупнейших экономических союзов и группировок в настоящее время уже весьма высока и в обозримой перспективе станет только возрастать. Российские исследовательские разработки по этой теме оказываются наиболее подробными, а сама тематика представляется наиболее проработанной именно в российском научном дискурсе. После публикации в 1994 г. статьи академика Л.И. Абалкина экономическая безопасность в России связывалась в первую очередь с защитой государственных интересов. Принятая в 2017 г. концепция ЭБ также постулирует приоритет обеспечения экономического суверенитета государства. В то же время в международно-правовых документах по этой проблематике речь идёт об обеспечении защиты граждан от шоков и угроз экономического характера. Римская декларация продовольственной безопасности предлагает в качестве главного критерия доступность благ в соответствующей области, что могло бы стать основным методологическим принципом при разработке универсальной формулы обеспечения экономической безопасности.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, экономическая политика, государственные интересы, интересы граждан, дефициты, продовольственная безопасность, доступность благ.*

JEL: B41, F52, F53, F63.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_21_31.

Экономическая безопасность (ЭБ) как понятие относительно недавно появилось в современном научном обороте, и вряд ли можно со всей определённой уверенностью утверждать, что оно входит в число общепризнанных и одинаково понимаемых. Более того, данный термин активно используется в научном обороте и в публицистике, главным образом в России. Тогда как в других странах он не входит, с одной стороны, в число нормативных экономических понятий, с другой – употребляется зачастую для иного в сравнении с Россией контекста. Так, в многотомном экономическом лексиконе Габлера (ФРГ) нет толкования и объяснения термина *Wirtschaftssicherheit*, отсутствует разъяснение термина *economie security* и в Словаре современной экономической теории Макмиллана. И если, например, набрать это сочетание слов в поисковой строке какого-либо интернет-сервера на английском, то возникающая отсылка приведёт либо к определению из российской википедии, либо к статьям о защите фирм и компаний от разного рода угроз.

¹ Мнение части членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

Отсутствие термина ЭБ в международном обороте, в частности, в лексиконе международного права, не следует считать выражением нерелевантности или относительной незначительности самой проблематики в международном контексте. Значимость ЭБ для многих стран, равно как и для крупнейших экономических союзов и группировок, в настоящее время уже весьма высока и в обозримой перспективе станет лишь возрастать.

Как можно теперь уже однозначно утверждать, многочисленные российские исследовательские разработки по указанной теме оказываются едва ли не наиболее подробными, а сама тематика представляется наиболее проработанной именно в российском научном дискурсе. Однако представляется, что определение, равно как и содержание понятия, вряд ли следует считать окончательно сформировавшимся на данный момент времени. И несмотря на принятие в недавнем прошлом определённых нормативных актов и/или документов, закрепляющих основные положения доктрины, и господствующие представления, целесообразно, на мой взгляд, продолжить исследования и дискуссию, прежде всего с учётом большей значимости антропоцентричного вектора анализа.

Российская дискуссия о содержании термина «экономическая безопасность»

В России до конца 80-х гг. XX в., т.е. до начала радикальных экономико-политических преобразований, понятие «экономическая безопасность» редко употреблялось как в научном обороте, так и в публицистике. Однако именно в советский период было заложено то содержательное наполнение, которое впоследствии стало по существу определяющим и, в конечном счете, каноническим. Безопасность социалистической, по существу тотально огосударствлённой, экономики в советское время понималась как важная составная часть государственной безопасности в целом. Такое понимание следует и из определения, которое даётся государственной безопасности, в частности, в Большой советской энциклопедии. В статье БСЭ, описывающей этот термин, сказано: «Охрана Г. б. социалистических стран включает совокупность мер политического, экономического, военного и правового характера, направленных на выявление, предупреждение и пресечение деятельности анти-социалистических сил, империалистических разведок, стремящихся подорвать и ослабить социалистический государственный и общественный строй, нарушить территориальную неприкосновенность соответствующей страны» [Карпушин, 1971. С. 151]. То есть речь идёт о государственной безопасности как о целевой функции, а в число мер её обеспечения входят и экономические.

Соответственно, ЭБ в советский период рассматривалась исключительно с государственных позиций, притом что исследованиями в области ЭБ занимались главным образом силовые — в современной терминологии — структуры. Речь шла в основном о борьбе с хищениями социалистической собственности и с экономическими диверсиями, т.е. с попытками подрыва экономики социалистического государства. На рубеже 80-90-х гг. XX в. в связи с развернувшимися процессами «перестройки» уже в советском обществе стало складываться новое восприятие понятия «безопасность» вообще. Хотя термин «государственная безопасность» стал реже употребляться, в публицистике и в научном обороте всё чаще начали использоваться такие терминологические обороты, как «безопасность личности», «национальный интерес», «безопасность общества». Группа, сформировавшаяся вокруг академика Ю.А.Рыжова — тогда председателя Комитета Верховного Совета СССР по науке, народному образованию, культуре и воспитанию, в начале 1990 г. приступила к работе над обоснованием концепции обеспечения безопасности с учётом новой реальности, изменений, произошедших в стране и сложившегося соотношения сил в мире. В основу концепции закладывается идея обеспечения прав человека и безопас-

ности личности. Приоритеты получают защита жизни и гарантия прав собственности. Под обеспечением безопасности государства понимается не только защита суверенитета, территориальной целостности страны, нерушимость её границ, но и охрана конституционного строя, защита интересов граждан и общества внутри страны и за рубежом.

Возглавлявший группу разработчиков альтернативной по отношению к советской концепции безопасности академик Рыжов — учёный, работавший в сфере авиации и космонавтики, — по сути, прошёл по пути, проложенному академиком А.Д. Сахаровым. Если сферой научных интересов обоих были естественные науки, а научные разработки имели отношение прежде всего к обеспечению безопасности в военной сфере и находили применение в соответствующих секторах ВПК, то, в конечном итоге, оба они сочли необходимым заняться проблемами обеспечения безопасности человека и положения личности в обществе и государстве. Как отмечал сам академик Рыжов, к концу 1970-х гг. у него «стали накапливаться основания задумываться о причинах нарастающего отставания страны в социальном, экономическом и технологическом отношениях» [Рыжов, 2011. С. 134]. К тому времени у него «сложились регулярные контакты с представителями элиты научного и конструкторского сообщества, обеспечивающего ВПК в авиационно-ракетной и космической сферах». Беседы с ними привели к тому, что они уже тогда «ощутили приближение заката этой славной эпохи науки и техники» [Там же]. Под влиянием этих бесед с коллегами и в результате своих размышлений академик Рыжов, признанный авторитет в области технических, а не гуманитарных наук, приходит к выводу о необходимости исходить из интересов человека при построении модели национальной безопасности. Эта модель предполагает изменение приоритетов — вместо ставшей традиционной в советский период иерархии «государство – общество – человек» предлагается иная последовательность – «человек – общество – государство».

ЭБ на том этапе обсуждения проблем безопасности пока не рассматривается как самостоятельная категория. В контексте настоящей работы представляет, однако, интерес отношение к концепции Рыжова других разработчиков теории экономической безопасности, которая стала основой её канонической интерпретации: «Над так называемой научной концепцией безопасности начали работать ещё в 1990 г. Группа разработчиков концентрировалась вокруг академика Ю.А. Рыжова. Ею была предложена концепция, где доминировала ориентация на приоритет общечеловеческих ценностей. Созданная, как стало ясно позднее, с позиций политического романтизма, она являлась скорее инструментом давления на тогдашнее руководство СССР и не выдержала испытания временем» [Сенчагов, 2005. С. 20]. Иными словами, «ориентация на общечеловеческие ценности» отвергается как чужеродный элемент, служащий к тому же инструментом давления на власть.

Экономическая безопасность как научная категория и объект исследования в публичном дискурсе возникает в 1994 г., когда в журнале «Вопросы экономики» была опубликована статья Л.И. Абалкина, где впервые даётся определение ЭБ. Она трактуется как «совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, её стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и совершенствованию» [Абалкин, 1994. С. 5]. Предлагаемое определение базируется на примате государственных интересов в деле обеспечении ЭБ, но при этом в определении не идёт речь о защите от внешних и внутренних угроз.

В том же 1994 г. началась работа группы учёных и специалистов под руководством академика РАЕН В.К. Сенчагова по созданию Концепции экономической безопасности Российской Федерации на основе задания Совета Безопасности РФ. Следует отметить, что Вячеслав Константинович Сенчагов, занимавший в советском правительстве высокую должность Председателя Государственного комитета СССР по ценам, сыграл важнейшую роль при определении подходов к пониманию ЭБ и наполнению этого понятия совершенно конкретным содержанием. Он принимал непосредственное участие в разработке

нормативных документов по проблематике ЭБ, написал ряд статей по теме, возглавлял авторский коллектив, подготовивший фундаментальное учебное пособие «Экономическая безопасность России. Общий курс» [Экономическая..., 2005]. Принципиально важным в этой связи представляется его однозначно государственный подход к определению и содержанию ЭБ, в его статьях и разработках «частные интересы» вообще не упоминаются, в качестве ключевых понятий фигурируют «геополитическая стратегия», «вызовы и угрозы», «национальная сила» и «безопасность государства» и т.п.

Экономическая безопасность по Сенчагову — «это такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внешних и внутренних процессов» [Сенчагов, 2008. С. 30]. Можно интерпретировать это понимание следующим образом: неважно, как и насколько в национальной экономике удовлетворяются потребности человека, главное для гарантирования экономической безопасности — это обеспечение национальных интересов, следование генеральным курсом и наличие достаточного оборонного потенциала.

Надо признать, что проблема удовлетворения потребностей человека — индивида или гражданина и полноправного члена общества, не является релевантной практически ни для одного (за редким исключением) российского автора, обращавшегося в 1990-е гг. к содержанию самого понятия ЭБ. Показательным подтверждением данного факта выглядит, например, определение д.э.н. А.Е. Городецкого: «Экономическая безопасность означает надёжную и обеспеченную всеми необходимыми средствами и институтами государства (включая силовые структуры и спецслужбы) защищённость национально-государственных интересов в сфере экономики от внутренних и внешних угроз, экономических и прямых материальных ущербов» [Городецкий, 1995. С. 44].

Государство, его интересы, его безопасность, и соответственно, прежде всего показатели макроэкономического развития, стали определяющими критериями при анализе обеспечения ЭБ. На законодательном уровне это понимание экономической безопасности было закреплено в Федеральном законе «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» от 7 июля 1995 г., где экономическая безопасность определяется как «состояние экономики, обеспечивающее достаточный уровень социального, политического и оборонного существования и прогрессивного развития Российской Федерации, неувязимость и независимость её экономических интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям»².

Во второй половине 1990-х гг. к обсуждению проблемы определения и содержания ЭБ подключились два экономиста, впоследствии работавшие в разное время советниками Президента РФ по экономическим вопросам — С.Ю. Глазьев, занимавший эту должность с августа 2012 г. по октябрь 2019 г., и А.Н. Илларионов, бывший советником с апреля 2000 г. по декабрь 2005 г. Глазьев одним из первых разработал систему оценки состояния экономической безопасности страны с использованием индикативных показателей, превышение которых означало бы возникновение критической ситуации [Глазьев, 1997; Глазьев, Локосов, 2012]. В предложенной им системе весьма важным представляется использование показателей индивидуального потребления и ВВП на душу населения. Что касается собственно понимания ЭБ, то она, по мнению Глазьева, представляет собой «состояние экономики и производительных сил общества с точки зрения возможностей самостоятельного обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, поддержания необходимого уровня национальной безопасности государства, а также должного уровня конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобальной конкуренции»

² См.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8043/ (дата обращения 11.01. 2023).

[Глазьев, 1999. С. 113]. Важнейшим в этом определении является, на мой взгляд, акцент на самодостаточности, т.е. необходимости опоры на собственные силы для обеспечения устойчивого развития.

Илларионов в полемической статье подвергает сомнению обоснованность использования ряда критериев из набора Глазьева [Илларионов, 1998]. На основе собственных расчётов он приходит к выводу о том, что если следовать методике Глазьева, то в мире не удастся найти хотя бы одну страну, которая бы отвечала всем 20 критериям ЭБ, предлагаемым его оппонентом. Сам Илларионов определённо считает важнейшим критерием уровня ЭБ показатель ВВП на душу населения, закрепляя эту свою позицию в сформулированном им определении. Он предлагает понимать под экономической безопасностью страны «такое сочетание экономических, политических и правовых условий, которое обеспечивает устойчивое в длительной перспективе производство максимального количества экономических ресурсов на душу населения наиболее эффективным способом» [Илларионов, 1998. С. 48]. Одним из важнейших факторов, предопределяющих уровень экономического развития страны и, соответственно, её ЭБ, Илларионов считает экономическую политику, выделяя пять её составляющих: государственное предпринимательство (чем больше степень участия государства, тем ниже темпы развития страны), а также бюджетную, денежную, валютную и внешнеторговую политику государства. В целом Илларионов считает, что благодаря либерализации экономической жизни можно добиться наибольших успехов, что, по его мнению, подтверждает опыт многих стран.

Указ о стратегической экономической безопасности

В мае 2017 г. был принят Указ Президента РФ № 208 «О стратегической экономической безопасности Российской Федерации на период 2030 г.». Этот документ, помимо прочего, призван был утвердить единообразное понимание самого понятия ЭБ и наполнить это понятие совершенно определённым содержанием. Согласно формулировке, данной в преамбуле документа, речь идёт в первую очередь об обеспечении государственных интересов, имеющих безусловный приоритет: «“Экономическая безопасность” — состояние защищённости национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство её экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»³. В следующем после преамбулы разделе определяются вызовы и угрозы экономической безопасности – 25 пунктов. Большую часть угроз и вызовов можно отнести к так называемым внешним шокам (хотя в самом тексте Указа нет разделения на внешние и внутренние факторы). К внешним факторам, влияющим на состояние ЭБ, из перечисленных в разделе можно отнести, в частности, следующие (ниже привожу их в сокращении):

- стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики;
- использование дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики РФ;
- повышение конфликтного потенциала в зонах экономических интересов РФ;
- усиление колебаний конъюнктуры мировых товарных и финансовых рынков;
- изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления, развитие энергосберегающих технологий и снижение материалоёмкости, развитие «зелёных технологий»;

³ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. Источник: <https://base.garant.ru/71672608/#friends> (дата обращения: 27.12.2022).

- деятельность создаваемых без участия Российской Федерации межгосударственных экономических объединений;
- отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий;
- ограниченность масштабов российского несырьевого экспорта, связанная с его низкой конкурентоспособностью;
- усиление международной конкуренции за кадры высшей квалификации.

Перечень внутренних факторов риска, обуславливающих возникновение угроз для экономической безопасности, заметно меньше по числу позиций. В частности, указывается на такие угрозы, как:

- исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития, резкое снижение роли традиционных факторов обеспечения экономического роста;
- несбалансированность национальной бюджетной системы;
- недостаточно эффективное государственное управление;
- высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере;
- сохранение значительной доли теневой экономики;
- усиление дифференциации населения по уровню доходов;
- снижение качества и доступности образования, медицинской помощи и, как следствие, снижение качества человеческого потенциала;
- недостаточность трудовых ресурсов;
- неравномерность пространственного развития Российской Федерации;
- установление избыточных требований в области экологической безопасности.

Показателен, на мой взгляд, тот факт, что загрязнение окружающей среды, как и другие экологические проблемы, не упомянуты в перечне угроз для экономической безопасности, тогда как чрезмерность «зелёных» требований акцентируется дважды: в контексте опасности сокращения спроса на энергоресурсы и развития «зелёных» технологий (внешний фактор) и установления внутренних избыточных экологических требований.

В следующем разделе Документа определяются цели, основные направления и задачи государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности. Цели государственной политики по обеспечению безопасности в сфере экономики ранжируются в следующем порядке:

- укрепление экономического суверенитета Российской Федерации;
- повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз;
- обеспечение экономического роста;
- поддержание научно-технического потенциала развития экономики на мировом уровне и повышение её конкурентоспособности;
- поддержание потенциала отечественного оборонно-промышленного комплекса на уровне, необходимом для решения задач военно-экономического обеспечения обороны страны;
- повышение уровня и улучшение качества жизни населения.

Повышение уровня жизни населения стоит в перечне последним, уступая государственным приоритетам, в том числе во внешнеполитической и в оборонной сфере. Не упоминается и такая, как можно было представить себе, основополагающая цель, как «сбережение народа». Хотя, во всяком случае, пока никто не оспаривал правильность и актуальность этой сформулированной А.И. Солженицыным максимы⁴. Инструментами

⁴ Разумеется, борьба с бедностью, озабоченность демографической ситуацией и иные социальные проблемы постоянно находятся в поле зрения государственной политики. Однако здесь мне хотелось бы сделать акцент на том, что они практически выпадают из сферы внимания авторов данного документа.

государственной политики, требуемыми для претворения указанных целей, служат в первую очередь рычаги административного воздействия, меры по поддержке частного предпринимательства не упомянуты. В последнем содержательном разделе Документа перечисляются критерии оценки экономической безопасности, предложенные в своё время С.Ю. Глазьевым.

В целом документ даёт достаточно полное представление о внешних шоках и угрозах для экономической безопасности государства, предлагаются подходы и инструменты решения проблем, а также их предотвращения. Сложившаяся в настоящее время неблагоприятная ситуация позволяет считать правильным и своевременным указание на саму возможность их возникновения и некоторые их источники. «Предупреждён — значит вооружён!» Однако всё же доминирование государственно-экономического подхода не может не вызывать принципиальных возражений. Как оказалось, приоритет сформулированных властью государственных интересов всё же не является необходимым и достаточным условием для обеспечения экономической безопасности всех и каждого. Тем более, как показывает прежде всего опыт развития нашей страны в прошлом веке, интересы государства, определённые на разных уровнях власти, могут не совпадать с интересами отдельных групп и слоёв и даже с интересами большинства населения. Экономическая история XX в., и прежде всего история советского периода, изобилует примерами такого несовпадения. Как представляется, авторы документа всё же не всегда объективно трактовали результаты экономической политики советского прошлого или, возможно, интерпретировали их односторонне. Этот тезис заслуживает детального обоснования и отдельного рассмотрения, укажу здесь лишь на незащищённость населения от тяжёлых последствий ряда экономико-политических решений. Достаточно напомнить в этой связи о голоде, унёсшем миллионы жизней, ставшим прямым следствием сплошной коллективизации и мобилизации ресурсов для ускоренной индустриализации⁵. Следует также упомянуть и обнищание населения, произошедшее в результате практиковавшейся на протяжении большей части советского периода опоры на собственные силы, и просчёты в аграрной политике, приведшие к критической зависимости от импортных поставок зерна и других видов продовольствия уже в поздний советский период. Поэтому в числе возможных угроз следовало бы указать не только на «недостаточно эффективное государственное управление» (тем более, что у этого определения нет чётких критериев), но и на особую опасность — в контексте экономической защищённости — ошибок и просчётов во внутренней государственной политике.

В связи с этим следует также отметить, что совершенно обойдена вниманием в представленной, утверждённой на высшем уровне концепции проблема дефицита — нехватки доступных для широких слоёв населения благ. Между тем возникновение дефицита можно считать одним из основных симптомов экономического неблагополучия. Однако привлечение понятия «дефицит» в качестве одной из важнейших угроз экономической безопасности предполагает иной, менее политизированный и более социально ориентированный подход к анализу приоритетов и к сущностному определению термина «экономическая безопасность».

⁵ Говоря об ошибках руководства СССР, хотя бы для минимума объективности следовало бы упомянуть о многочисленных периодах голода в Индии, Ирландии, наконец, о голоде в первых американских колониях — Джеймстауне и Плимуте, вызванных действиями властей Великобритании (о последнем см., например: Беттелл Т. Собственность и процветание. — М.: ИРИСЭН, 2008. С. 53–87). Ошибки в осуществлении экономической политики не являются монополией советских коммунистов или британских консерваторов. Если концепция экономической безопасности должна предусматривать наличие полностью рационального и эффективного правительства, такую концепцию следует признать не только романтической, но и утопичной. — *Прим. ред.*)

Критерий доступности благ как базовый элемент альтернативной международной концепции

Считается, что термин «экономическая безопасность» ввёл в политический лексикон президент США Ф.Д. Рузвельт, по указу которого в 1934 г. был создан Федеральный комитет по экономической безопасности и Консультативный совет при нём. Главной задачей комитета стала борьба с безработицей, однако непосредственно стратегическая цель – защита национального суверенитета — перед ним не ставилась. Комитет занимался «экономической безопасностью» отдельных лиц (individuals) и во главе его был поставлен министр труда [Фомин, 2009. С. 119].

Как отмечалось выше, столь же основательно, как в постсоветской России, проблематика ЭБ в США и в других странах Запада не исследовалась. В немногих публикациях на данную тему под этим термином понималась не безопасность государства, а защищённость граждан от шоков экономического характера. Так, в изданной в 1992 г. монографии американского автора Уильяма Т. Уоллера «Economic Security and the State In book: The Stratified State» («Стратифицированное государство») в главе «Economic Security and the State» («Экономическая безопасность и государство») речь идёт о роли государства в создании системы социальной защиты граждан. Автор, в частности, считает, что «экономическая безопасность предполагает определённый обществом прожиточный минимум реального дохода для всех людей, конструктивную политику, направленную на поддержание макроэкономической стабильности, и условия для индивидуального и социального развития» [Waller, 2019. P. 153].

Если в национальных исследовательских проектах большей части других стран тема ЭБ пока не является центральной, то международные аспекты экономической безопасности неоднократно становились предметом рассмотрения и дискуссий. Например, в рамках ООН в 1980-е гг. по проблематике ЭБ принимались резолюции на 39-й (1984 г.), 40-й (1985 г.) и 42-й (1987 г.) сессиях. В резолюциях говорится о необходимости обеспечения принципа справедливости и о социальных аспектах экономического развития. Однако чёткого нормативного определения ЭБ резолюции не содержат. В докладе Секретариата ООН 1987 г., посвящённом этой теме, указывается, что международная экономическая безопасность представляет собой сложную концепцию, с трудом поддается точному определению и должна рассматриваться в широком контексте. Вместе с тем, в 1994 г. в международный оборот вводится ряд формулировок и подходов, предложивших, как и тогда же в России, определённое понимание термина и его содержания. Ежегодный доклад ООН 1994 г. «Отчёт по человеческому развитию» целиком посвящён проблеме экономической безопасности, причём эксперты ООН уже совершенно определённо рассматривают проблему под углом обеспечения человеческой безопасности. Она, как указывается в докладе, означает, во-первых, свободу от таких постоянных угроз, как голод, болезни, репрессии. Во-вторых — защиту от внезапного и болезненного нарушения порядка в повседневной жизни в семье, на рабочем месте или в обществе. Угрозы подобного рода могут существовать при любом уровне национального дохода и при любом уровне развития общества. Подчёркивается, что безопасность человека — это возможность людей делать свой выбор свободно и безопасно, будучи при этом в относительной уверенности, что те возможности, которыми они обладают сегодня, не будут ими утрачены завтра [Отчет ООН..., 1994. С. 24]. После опубликования Отчёта 1994 г. примат прав и потребностей человека закрепляется, по существу, во всех документах ООН по теме экономической безопасности.

Эксперты ООН, однако, так и не предложили нормативного определения экономической безопасности на международном уровне, тем более для уровня отдельных национальных экономик. Главная причина, как отмечалось выше, заключается в сложности самого этого явления. Даже при его описании, не говоря уже о сущностном анализе, при-

ходится иметь дело с множеством слоёв, смыслов и пониманий. Тем более, что в современных условиях самостоятельное значение приобретают отдельные аспекты безопасности в сфере экономики, такие как, например, технологическая, энергетическая, медицинская, но прежде всего продовольственная безопасность.

На международном уровне, однако, был всё же найден консенсус по пониманию и, соответственно, определению и содержанию такой важнейшей составляющей экономической безопасности, как продовольственная безопасность. В 1996 г. в Риме была проведена Всемирная конференция по продовольствию, главным итогом которой стало принятие Декларации всемирной продовольственной безопасности. Её принятие означает переход проблемы на международно-правовой уровень. Обеспечение продовольственной безопасности теперь не представляет собой исключительно внутреннюю национальную компетенцию, оно превращается в международное обязательство правительства каждой страны, её акцептующей. Эти международные обязательства, как следует из определения в Декларации понятия продовольственной безопасности, предполагают обеспечение свободного доступа к одному из основных благ — продовольствию: «Продовольственная безопасность — это состояние экономики, для которого характерно, чтобы населению страны в общем и в отдельности каждому гражданину гарантировалось обеспечение доступа к продуктам питания, чистой питьевой воде, а также иным пищевым продуктам в качестве ассортимента в объёмах, необходимых и достаточных для социального развития личности, обеспечения здоровья и расширенного воспроизводства населения» [*Rome Declaration...*, 1996. P. 1].

В этом определении принципиально важными видятся два компонента. Во-первых, констатируется приоритет интересов потребителя, а целями обеспечения продовольственной безопасности провозглашаются социальное развитие личности, обеспечение здоровья и предотвращение депопуляции («обеспечение расширенного воспроизводства населения»). Во-вторых, как можно понять, первостепенной задачей властей объявляется обеспечение свободного доступа к жизненно необходимым ресурсам. Причём происхождение этих ресурсов принципиального значения не имеет – за счёт ли собственного производства в стране или за счёт импорта, но потребности должны быть покрыты. И если власти не обеспечивают удовлетворения потребностей, они становятся виновными в нарушении взятых международных обязательств в части обеспечения продовольственной безопасности.

Подход к определению принципов продовольственной безопасности и наполнению его содержанием в соответствии с ними можно было бы предложить в качестве универсального принципа и при установлении критериев экономической безопасности как на национальном, так и на международном уровне. Обеспечение прав граждан в экономической сфере за счёт предоставления свободного доступа к благам — товарам и услугам, «необходимым и достаточным для свободного развития личности», — так может выглядеть в соответствии с принципами, сформулированными в Римской декларации, главная задача государственной власти в области обеспечения экономической защищённости граждан и страны в целом.

Следует отметить, что применение предлагаемой формулы для определения уровня экономической защищённости предполагает некую коррекцию сложившихся представлений, например, о линейной зависимости, между макроэкономическими показателями. Прежде всего речь идёт о ВВП на душу населения и уровне экономической безопасности. Такой критерий, как степень доступности медицинских услуг, например, приводит богатейшую страну мира – США – к уровню стран из середины списка ООН по уровню экономической безопасности в целом. Также, видимо, корректируются представления об обеспечении превосходства (либо паритета) в военной сфере: отвлечение требуемых для достижения военного превосходства/паритета ресурсов может существенно отразиться на показателях, которые становятся определяющими в случае приоритетности личного

потребления и обеспечения доступности благ для граждан. Можно также предположить, что список наиболее защищённых в экономическом отношении стран возглавят небольшие страны с развитой, социально ориентированной, рыночной экономикой. Но как бы то ни было, критерии личной защищённости граждан, выработанные на основе международного сотрудничества, должны быть, по меньшей мере, уравнены по значимости с этатистскими критериями обеспечения ЭБ.

Российская доктрина экономической безопасности сформирована под воздействием традиционных — для советского периода — представлений о соотношении прав и интересов личности и государства. По существу, на протяжении почти всего XX в. в России главным мерилom и исходной точкой были государственные приоритеты в изложении представителей власти. В строгом смысле слова в России никогда не было культа личности как такового, но был культ государственной личности, т.е. культ носителя власти, по заданию которого и формулировались ценностные критерии и правила для всех подданных. Задаваемая сверху иерархия ценностей вряд ли способствовала модернизации общественных отношений и даже модернизации в сугубо технократическом понимании. Поскольку, наряду с общегуманитарным, и технический, и научный прогресс вступал в противоречие с господствующей идеологией [Плискевич, 2020. С. 148].

Как представляется, при разработке национальной доктрины вряд ли следовало обходить вниманием подходы и наработки отечественных деятелей науки, таких как академики А.Д. Сахаров и Ю.А. Рыжов. И вряд ли целесообразно было игнорировать концептуальные положения документов международных институций, определённо ставящие интересы личности на первое место. Настаивание на исключительной правоте укоренившихся взглядов и представлений об ЭБ будет скорее способствовать развитию изоляционистских и автаркических тенденций, чем общественному прогрессу в общепринятом понимании.

В рамках небольшого исследования нет возможности рассмотреть в достаточной степени основательно все содержательные аспекты сложной и многогранной проблемы обеспечения экономической безопасности. Пока же можно лишь предложить продолжение дискуссии по вопросам использования разных подходов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абалкин Л. И. (1994). Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение [Abalkin L. I. (1994). Economic security of Russia: threats and their reflection] // *Вопросы экономики*. № 12. С. 4-16.
- Глазьев С.Ю. (1997). *Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века* [Glazyev S.Yu. (1997). Genocide. Russia and the New World Order. The strategy of economic growth on the threshold of the XXI century]. – М.: Терра.
- Глазьев С.Ю. (1999). Безопасность экономическая [Glazyev S.Yu. (1999). Economic security] // *Политическая энциклопедия*. Т.1. – М.: Мысль. С.113-117.
- Глазьев С.Ю., В.В. Локосов. (2012). Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием [Glazyev S.Yu., Lokosov V.V. (2012). Assessment of extremely critical values of indicators of the state of Russian society and their use in the management of socio-economic development] // *Вестник РАН*. Т. 82. № 7. С.587-604.
- Городецкий А. (1995). Вопросы безопасности экономики России [Gorodetsky A. (1995). Security issues of the Russian Economy] // *Экономист*. 1995. № 10. С.44-50.
- Илларионов А. (1998). Критерии экономической безопасности [Illarionov A. (1998). Criteria of economic security] // *Вопросы экономики*. №10. С. 35-58.
- Карпушин П.М. (1971). Государственная безопасность [Karpushin P.M. (1971). State Security] // *Большая Советская энциклопедия*. 3-е изд. Т. 7. – М.: Советская энциклопедия. С. 151-153.
- Отчёт по человеческому развитию. Программа Развития ООН (1994). [Human Development Report. United Nations Development Program] – Нью-Йорк: Оксфорд Университи Пресс.
- Плискевич Н.М. (2020). Социальное государство в современной России [Pliskevich N.M. (2020) The Social State in modern Russia] // *Вопросы экономики*. №12. С. 141-152.
- Рыжов Ю.А. (2011). Национальная безопасность [Ryzhov Yu. A. (2011). National security] // *Россия на рубеже веков 1991-2011*. – М.: РОССПЭН. С.134-147.

- Сенчагов В.К. (2008). Методология обеспечения экономической безопасности [Senchagov V.K. (2008) Methodology of ensuring economic security] // *Экономика регионов*. №3. С.28-39.
- Указ Президента РФ № 208 (2017) «О стратегической экономической безопасности Российской Федерации на период 2030 г.» [Decree of the President of the Russian Federation No. 208 «On the strategic economic security of the Russian Federation for the period of 2030»]. Источник: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf> (дата обращения: 20.01.2023).
- Фомин А. (2010). Экономическая безопасность государства [Fomin A.. Economic security of the state] // *Международные процессы*. № 3. С.118-133.
- Экономическая безопасность России. Общий курс: Учебник* (2005) [Economic security of Russia: General course (2005)] / Под ред. В.К. Сенчагова. 2-е изд. – М.: Дело.
- Rome Declaration on Food Security. World Food Summit? 13-17 November, 1996 (1996). – Rome, Italy. https://en.wikisource.org/wiki/Rome_Declaration_on_World_Food_Security. (access date: 11.01.2023).
- Waller W.T. (2019). *Economic Security and the State In book: The Stratified State*. – N.Y.: Routledge.

Цедилин Леонид Иванович

lcedilin@yandex.ru

Leonid Tsedilin

Ph.D. (Economics), Leading Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

lcedilin@yandex.ru

UNDERSTANDING ECONOMIC SECURITY IN RUSSIA: OFFICIAL DOCTRINE AND ALTERNATIVE APPROACHES

Abstract. The importance of economic security for many countries of the world and for the largest economic unions and groupings is already very high and will only increase in the foreseeable future. Russian research developments on this topic turn out to be the most detailed, and the topic itself seems to be the most elaborated in the Russian scientific discourse. After the publication in 1994 of Academician Abalkin's article under economic security in Russia, ensuring economic security was primarily associated with the protection of state interests. The EB concept adopted in 2017 also postulates the priority of ensuring the economic sovereignty of the state, although international legal documents on this issue deal with ensuring the protection of citizens from shocks and threats of an economic nature. The Rome Declaration of Food Security suggests as the main criterion the availability of goods in the relevant area, which could become the main methodological principle in the development of a universal formula for ensuring economic security.

Keywords: *economic security, economic policy, state interests, citizens' interests, deficits, food security, accessibility of goods.*

JEL: B41, F52, F53, F63.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цедилин Л.И. Понимание экономической безопасности в России: официальная доктрина и альтернативные подходы // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. 2023. С. 21–31. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_21_31.

FOR CITATION: Tsedilin L. Understanding Economic Security in Russia: official doctrine and alternative approaches // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. 2023. Pp. 21–31. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_21_31.

Г.Д. Гловели

*д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

Е.А. Минаева

*студентка, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

КРИТИЧЕСКОЕ И НЕКРИТИЧЕСКОЕ СМИТИАНСТВО ГЕНРИХА ШТОРХА, ИЛИ ДЕСНИЦА И ШУЙЦА «СИСТЕМЫ ЕСТЕСТВЕННОЙ СВОБОДЫ»

Аннотация. Статья рассматривает многогранное, но противоречивое наследие первого российского академика-политэконома Генриха (Андрея Карловича) Шторха в контексте институционализации политической экономики в России и Европе. Показаны противоречия в учении Шторха и как критика, и как истового последователя Адама Смита. Особое внимание обращено на формулировку Шторхом ранее Д. Рикардо принципа сравнительных преимуществ в международной торговле и на односторонность выводов из этого принципа.

Ключевые слова: физиократия, смитианство, «большая культура» земледелия (многопольный севооборот), основной капитал, внутренние блага, международная торговля, принцип сравнительных преимуществ, «десница и шуйца» рынка.

JEL: B13, B17, B31, B40, N13, F10.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_32_45.

«Промышленная система»: институционализация политэкономии

К началу XIX столетия общеевропейская слава трактата Адама Смита «The Wealth of Nations» была уже настолько велика, что только что учреждённое Министерство финансов Российской империи озаботилось изданием перевода знаменитой книги, с тех пор получившей на русском языке не вполне точное название «Богатство народов». А первый (и оставшийся единственным, 1802-1810) министр коммерции Российской империи граф Н.П. Румянцев был вынужден сдерживать слишком рьяных приверженцев «догмата совершенной свободы торговой», оговариваясь при этом, что учение Смита «по справедливости приемлется руководством в созерцании государственных сил» [Румянцев, 2011. С. 290]. Французы во главе с Ж.-Б. Сэем задали тон в популяризации учения Смита как подлинно научной политической экономии с чёткими дисциплинарными очертаниями; в Германии в соответствии со смитианством профессора в университетах стремились преобразовать преподавание и содержание «камеральных наук», а облечённые властью министры-реформаторы фон Штейн и фон Гарденберг — хозяйственный строй Пруссии. Россия же опередила все европейские государства в учреждении кафедр политической

экономии, которые заняли последователи Смита: сын именитого историка-«норманиста» Х.А. Шлёцер в Московском университете, бывший ректор университета в Галле Л.Г. Якоб — в новоучреждённом хлопотами В.Н. Каразина Харьковском университете, выпускник Венгерской Королевской академии и Венского университета М.А. Балугьянский — в также новоучреждённом Петербургском педагогическом институте (преобразованном позднее в Петербургский университет).

Михаил Андреевич Балугьянский (1769-1849), карпато-русин по происхождению, в статье «Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем» в «Статистическом журнале» министерства внутренних дел (СПб., 1806-1808, 4 номера) первым в русской печати прочертил каноническую схему развития европейской экономической мысли: меркантильная («коммерческая») система — «земледельческая система» (физиократия) — «система свободной промышленности», обоснованная А. Смитом. Надо заметить, что слово «промышленность», незадолго перед тем введённое в русский словесный обиход Н.М. Карамзиным как калька с французского «industrie» (восходящего к латинскому «industria»), обнимало собой тогда не только обрабатывающую («мануфактурную» и «фабричную») промышленность, но и транспорт («перевозочную промышленность»), и «торговую промышленность», и «земледельческую промышленность» (включая не только сельское хозяйство, но и другие сырьевые отрасли). А главной заслугой Смита признавалось открытие истины, что первопричиной всякого богатства является труд во всех этих сферах, более всего производительный при «естественном порядке вещей», или «совершенной свободе».

Таким был отправной пункт фундаментального 6-томного «Курса политической экономии», написанного в 1815 г. Генрихом (Андреем Карловичем) Шторхом (1769-1835). Уроженец Остзейского края, Шторх получил высшее образование и воспринял идею свободы промышленности в германских университетах. Ещё в конце XVIII в. он снискал в научных кругах Европы известность основательными работами по статистике Российской империи и её столицы и потому занял в Петербурге место, уникальное для всей Европы, — кресло академика по разряду политической экономии и статистики (1804). А через 10 лет по поручению императора Александра I участвовал наряду с М.А. Балугьянским и правоведом В.Г. Кукольником в преподавании юридических и экономических дисциплин младшим братьям царя великим князьям Николаю (будущему — Николаю I) и Михаилу. Для этих занятий Шторх составил свой обширный «Cours d'économie politique», изданный в Петербурге по-французски.

Характерно, что одновременно избранный во Французскую академию Ж.-Б. Сэй начал читать в Париже, в Консерватории искусств и ремёсел, свой публичный «Cours d'économie politique»; лекции имели блестящий успех, аудитория была всегда переполнена слушателями [Марков, 1929. С. 94]. Со Шторхом было по-другому: для двух августейших слушателей он только усугублял скуку от «несноснейших педантов» Балугьянского и Кукольника, толковавших о каком-то «мнимом естественном праве». «В прибавку к ним, — вспоминал, уже будучи императором, Николай I, — являлся ещё Шторх, со своими усыпительными лекциями о политической экономии, которые читал нам по своей печатной французской книжке. На уроке этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор, иногда — собственные их карикатурные портреты, а потом, к экзаменам выучивали кое-что вдолбляшку, без плода и пользы для будущего» [цит. по: Шильдер, 1903. С. 18].

Заметим, что этот неприятный «политэкономический осадок» у венценосца не помешал в его правление карьере Балугьянского и Шторха, дослужившихся до тайных советников. Однако не могло быть и речи о приближении российской действительности к образу «естественного порядка», противопоставленного политэкономами трём видам неволи: собственно рабству, закрепощению и правительственным монополиям. Поэтому осталось невозможным издание по-русски «Курса политической экономии» Шторха с его категоричным предпочтением крепостническому принуждению «естественного порядка вещей», где

каждая отдельная личность вполне свободна избрать себе наиболее подходящее занятие и переменить его, как только найдет это удобным». А курс политэкономии Балугьянского, читавшийся в Петербургском педагогическом институте, и вовсе остался только в виде одного рукописного конспекта [Косачевская, 1971. С. 61-63].

Тем не менее и во французской «первозданности» книга Шторха оказала влияние на ещё немногочисленных российских политэкономов, о чём свидетельствует хотя бы речь молодого профессора Демидовского училища высших наук в Ярославле Фёдора Бекетова [Бекетов, 1818]. Позднее один из самородков «золотого века» русской культуры Василий Андросов (1803-1841) в своём первом русском очерке истории экономических учений воздал должное Шторху, Балугьянскому и Шлёцеру как учителям первого поколения отечественных экономистов [Андросов, 1833. С. 147]. На Западе же довольно быстро появился немецкий перевод курса Шторха, изданный в Гамбурге (1816—1820) Карлом Генрихом Рау (1792-1870), основателем первого периодического издания по политэкономии. А затем французский текст петербургского издания был перепечатан Сэем в Париже (1823) с нападками на автора: и по теоретическим вопросам, и за манеру использовать обширные заимствования из Смита и самого Сэя. Скандал лишь добавил известности Шторху, резко ответившему главному смитианцу Европы на его родном языке, а само переиздание привлекло внимание к Шторху в лондонском Клубе политической экономии. Усердный истолкователь наследия А. Смита и Д. Рикардо Дж.Р. Мак-Куллох в первом обобщающем очерке формальной истории европейских экономических доктрин поставил трактат российского автора на первое место среди континентальных сочинений по политэкономии [McCulloch, 1824. P. 29].

Международное признание Шторха отразилось и в обширной «Истории политической экономии в Европе», написанной протее Сэя Жеромом-Адольфом Бланки (1798-1854) уже после кончины наставника и его российского оппонента. Бланки подчеркнул, что Шторх, искусно соединив начала политэкономии с собранным им самим сведениями о России, сумел «пролить много света на вопрос о рабстве в стране, в которой, по-видимому, труднее всего было говорить свободно об этом предмете» [Бланки, 1869. С. 154].

Четыре издания трактата Бланки (1837-1860) были зеркалом эпохи, когда достигнутое Англией явное превосходство в «производительности, капитале, конкуренции и кредите» и её «всемирная мануфактурная монополия» [Бланки, 1869. С. 204] привели к отождествлению английской либеральной школы с политэкономией как наукой, а вдохновлённого ею фритредерства — с успешной экономической политикой, обеспечивающей промышленный прогресс. «Промышленная система» Смита, Сэя и Рикардо утвердилась в качестве универсальной общеевропейской политэкономии. Тем не менее Бланки, первым употребивший термин «промышленная революция», считал уместным как оспаривать выводы Сэя и Рикардо, так и ставить вопрос о национальном характере различных школ политической экономии [Бланки, 1869. С. 195]. Русскую школу среди них Бланки, однако, не выделял, а «знаменитому Шторху» отвёл первое место в Европе среди представителей «эклектической политической экономии» [Бланки, 1869. С. 152–153].

«Эклектическая политэкономия» и «большая культура» земледелия

Хотя того уничижительного оттенка, который минувший век привнёс в слово «эклектизм», в XIX столетии не было¹, и подобная характеристика отчасти приложима к подходу

¹ Солидный словарь начала XX в. определял «эклетику» как «философа, не выставляющего нового принципа и не примыкающего к какой-либо философской школе, а выбирающего из различных систем то, что ему кажется истинным» (с добавлением, что «ни одна система не лишена эклектических элементов»). [Радлов, 1911. С. 272]. В СССР на судьбу этого понятия повлияло стремление блюсти букву В. Ульянова-Ленина, любившего обвинять в «эклетицизме» своих оппонентов.

Шторха², безосновательно суждение Бланки, что Шторх был «эклектик», поскольку искал истины как в «земледельческой системе» (т.е. в физиократии), так и в «промышленной» (т.е. в смитианстве). Начнём с того, что главная истина, которую находил Шторх в учении физиократов, — это общее с учением Смита категоричное осуждение меркантилистских стеснений и вывод, что любая хозяйственная деятельность «может процветать не иначе, как только под кровом совершенной свободы». Для Шторха это было столь же неоспоримо, как и превосходство системы Смита над физиократией. Но он указывал и на общие недостатки двух систем: смешение вопросов об источнике богатства и о мериле ценности и узкое понимание производительного труда. Шторх не последовал за таким «физиократическим остатком» учения Смита, как признание сельскохозяйственного труда пусть не *единственно*, но всё же *наиболее* производительным³.

Вместе с тем Шторх был современником возникновения *особых наук* о применяемых при разных промышленных производствах орудиях, сырье и способах обработки — *технологии*, — и о системах полеводства — *агрономии*. И, с одной стороны, во введении к своему «Курсу» Шторх сделал принципиально важное для дисциплинарного оформления политэкономии замечание, что она рассматривает разные виды промышленности относительно только возрастания или уменьшения богатства, но не процессы производства, которые составляют предмет *агрономии*, *технологии*, *науки о торговле* и т.д. С другой же стороны, Шторх, в отличие как от Смита, так и от физиократов, рельефно отобразил значение, которое имел для возрастания богатства революционный поворот в развитии европейского сельского хозяйства, осмысленный основателем научной агрономии Альбрехтом-Даниелем Тэером (1752-1828), а затем и другими германскими учёными, как переход к *плодопеременной* (или *плодосменной*) системе производства.

Именно этот переход, начавшийся в английском графстве Норфолк, вознёс крупное земледельческое хозяйство британских фермеров-арендаторов и «джентльменов-фермеров» и на несколько десятилетий сделал английское земледелие образцовым для всей Европы [Манту, 1937. С. 126]. Переход к многопольному севообороту с ротацией хлебных злаков, кормовых трав (прежде всего клевера) и корнеплодов (турнепса, брюквы и др.)⁴ сделал высокоприбыльными фермы, вытеснявшие наряду с архаичным паровым трёхпольем общинную собственность мелких держателей-земледельцев, ставших жертвами «вековой несправедливости огораживаний» [Gide, Rist, 1909. P. 168]. Прославленный норфолкский (ротация пшеницы, ячменя, клевера и турнепса) и другие многопольные севообороты с травосеянием и плодосменом позволили, с одной стороны, использовать всю площадь пашни, с другой стороны, запастись корма для круглогодичного стойлового содержания скота, который, в свою очередь, обеспечивал интенсивность удобрения и восстановление плодородия почвы. Таким образом, сложилась система интеграции и взаимного стимулирования двух главных отраслей сельского хозяйства, существенно увеличившая как урожайность в земледелии, так и селекционные возможности животноводства, что стало предпосылкой «отщепления» значительных масс населения от деревни и тем самым – промышленной революции. [Огановский, 1909; Махов, 2016. Гл. 7].

² Но гораздо более — к компилятивной манере российских авторов по политэкономии в последующие полвека (Степанова, Бутовского, Горлова и пр.).

³ «Земля составляет самую большую, самую важную и наиболее устойчивую часть богатства каждой обширной страны»; «никакой капитал не приводит в движение большего количества производительного труда, чем равный по размерам капитал фермера» [Смит, 2007. С. 274, 367].

⁴ Плодосменная система допускала увеличение числа полей и расширение набора культур — за счёт, например, картофеля и сахарной свеклы, что стало практикой в германских землях, особенно в Пруссии, где либеральная «революция сверху» Штейна – Гарденберга сопровождалась схожим с английским массовым обезземеливанием поселян и закреплением общинных угодий в частную собственность помещиков (юнкеров).

На рост производительности крупного фермерского хозяйства обратил внимание Ф. Кенэ в своих статьях «Зерно» и «Фермеры» для «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж.Д'Аламбера. Он противопоставил процветавшую «большую культуру» крупных английских ферм (*la Grand culture*) отсталой «мелкой культуре» феодального землепользования (*la Petite culture*) при Старом режиме во Франции [Кенэ, 1960. С. 70–77]. Но связи между процветанием «большой культуры» и нововведениями в полеводстве глава школы физиократов не показал. А Адам Смит, убеждённый в том, что главное богатство Англии — в сельском хозяйстве, вовсе не упомянул о «большой культуре» земледелия, ограничившись отрывочными сведениями о посевах новых культурных растений (клевер, турнепс, картофель, маис и др.).

Вместе с тем Смит утверждал, что «увеличение количества скота и улучшение земли должны идти рука об руку, одно никогда не может сильно обгонять другое» [Смит, 2007. С. 256]. Для подкрепления этого обобщения Шторх счёл необходимым более глубоко «вникнуть в сущность сельской экономики» [Шторх, 2008. С. 276], соединяя политэкономическую дедукцию с агротехнической индукцией. Он выстроил цепочку рассуждений о сельскохозяйственном прогрессе страны, достигаемом, если колебания хлебных цен относительно цен на мясо приводят к выравниванию прибылей от возделывания земли и от животноводства. Но это означает *соразмерность* количества пашни количеству удобрений, пропорциональных количеству скота [Шторх, 2008. С. 276]. И обеспечивает такую соразмерность именно то, что Кенэ назвал «большой культурой» земледелия (*la Grand culture*), а Тэер — плодосменной системой полеводства.

Ценообразование на хлеб и мясо воздействует на вложения капиталов и труда в соответствии со стремлениями хозяев ферм к более высоким доходам, и рыночное уравнивание прибылей от вложений в пахотное и пастбищное хозяйство будет означать соразмерность роста товарного земледелия и товарного животноводства, т.е. оптимизацию отраслевой структуры сельского хозяйства. Описанный Шторхом норфолкский севооборот с попеременным засеиванием без пускания земли под пар и обильным навозным удобрением был агротехнической конкретикой этой оптимизации.

Таким образом, Шторх приблизился к пониманию значения переворота в системах полеводства для формирования на западе Европы *интенсивного* и интегрирующего товарное земледелие с товарным животноводством сельского хозяйства, что стало предпосылкой структурных сдвигов в экономике в целом и опережающего роста отраслей инвестиционного комплекса [Онищук, 1995. С. 39–40]. И в сельскохозяйственном аспекте политическая экономия Шторха была не отступлением от смитианства к «земледельческой системе» Кенэ и не эклектическим соединением двух систем, а творческим развитием «промышленной системы» с преодолением пробелов как учения Смита, так и физиократии (и заметим особо — пробелов, оставшихся и в формационном подходе К. Маркса [Гловели, 2017. С. 46]).

Однако сам Шторх в своём «разумном скептицизме» по отношению к учению Смита на первый план выдвигал критику мнения о непроизводительном характере «труда, приложенного к производству внутренних благ» [Шторх, 2008. С. 36]. Мнения, по словам Шторха, столь же неосновательного, как и унижительный эпитет физиократов «бесплодный класс» для занятых ремеслом, мануфактурой и торговлей. Именно развитое в противовес Смиуту учение о внутренних благах («*les biens internes*») стало наиболее известной политэкономической концепцией Шторха [Бекетов, 1818. С. 17; *Ingram*, 1902. Р. 189; *Штейн*, 1924. С. 151–152; *Цвайнерт*, 2008. С. 73–80].

Критическое смитианство: полемика о производительном труде

Одна из наиболее известных в XIX в. историй политической экономии рассматривала воззрения Шторха в основной части, посвященной Адаму Смиуту и «системе естественной свободы» [*Ingram*, 1902. Р. 188–189]. В хрестоматийном трактате Й.А. Шумпетера оценены

как «критическое смитианство»: совпадение в основном с концептуальным аппаратом Смита при существенных разногласиях в анализе дохода [Шумпетер, 2001. С. 657–658]. Точнее было бы сказать — разногласиях в анализе *накопления капитала* в связи с принципиальным расхождением в трактовке производительного труда.

Главой «О накоплении капитала, или О труде производительном и непроизводительном» книги 2 автор «The Wealth of Nations» поставил своих последователей в неловкое положение. Ведь он отнёс их, как и самого себя и прочих «писателей всякого рода», к «классу непроизводительных работников». Наряду с другими из «некоторых самых серьёзных и важных» («государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами», священники, юристы, врачи), но и из «некоторых из самых легкомысленных профессий» (вплоть до паяцев) [Смит, 2007. С. 339]. Шторх во введении к своему «Курсу» недоумевал, «как философ с таким изысканным умом мог подвести под одну категорию царей и нищих, чиновника и фигляра, трудолюбивого ученого и праздного ленивца» [Шторх, 2008. С. 36]. А во введении ко второй части «Курса», озаглавленной «Теория цивилизации», отмечал неудовлетворительность критики в адрес Смита со стороны европейских политэкономов, начиная с Сэя и переводчика «The Wealth of Nations» на французский язык Гарнье. Они, не соглашаясь признать «некоторых самых серьёзных и важных» профессий (особенно свою собственную) непроизводительными, смешивали нематериальное богатство и нематериальные ценности [Шторх, 2008. С. 606].

Для прояснения этого вопроса Шторх разработал концепцию *национального благосостояния* (*prospérité nationale*), объединяющую *национальное богатство* (*richesse nationale*) как совокупность вещественных благ и *национальную цивилизацию* (*civilisation nationale*) как совокупность невещественных (внутренних) благ («*biens internes*»). Учение о «внутренних благах» было противопоставлено концепции Смита, исключившего из производительного труда все те элементы, которые прямо не способствуют производству богатств, и рассматривавшего *лишь* национальное богатство [Шторх, 2008. С. 606].

Суммировав соображения, по которым Смит исключил из общей суммы национального богатства ценности, не имеющие непосредственного вещественно-продуктового воплощения, Шторх выдвинул контраргументы в пользу производительного характера труда, создающего нематериальные ценности. Согласно Смицу производительный труд создаёт предметы сохраняемые, накапливаемые или годные для новой продажи, чтобы потом купить или достать одинаковое количество труда. Поскольку нематериальные услуги исчезают в момент их оказания, их нельзя скопить и потом продать, то предоставляющие их работники непроизводительны. Возражая Смицу, Шторх провёл различие между собственно услугами, оказываемыми человеком человеку, и *результатами* этих услуг — *внутренними благами*, которые сохраняемы, накапливаемы и могут образовывать капиталы. Врач, прописав больному рецепт, спасает ему жизнь. Эта услуга мгновенно исчезает. Но исцеление больного сохраняется в качестве длящегося результата действий врача. Спектакль оставляет часто более глубокий след, чем какое-нибудь съестное блюдо. Спасение адвокатом состояния своему клиенту имеет для того много большее значение, чем мебель или одежда, поставляемые ему ремесленниками и купцами. Наконец, разве не на всю жизнь сохраняются плоды обучения? Поэтому (и вопреки Смицу) труд врачей, юристов, писателей, учёных, художников, музыкантов, учителей, воспитателей и т.д. следует считать в такой же степени производительным, что и труд земледельца, ремесленника, фабричного рабочего и купца.

Отождествив «внутренние блага» со всеми нематериальными продуктами труда и природы, полезными для человека, которые могут составлять его «морально признаваемую собственность», Шторх с немецкой дотошностью систематизировал виды услуг, производящих эти блага как «элементы цивилизации». Он классифицировал их на первичные, состоящие из способностей, и вторичные, формирующие предварительные условия для сохранения и развития способностей [Шторх, 2008. С. 618–619].

Современные российские политэкономы склонны рассматривать учение Шторха о «внутренних благах» как отправной пункт русского «несмитианского направления» экономической мысли [Ольсевич, 2003. С. 37] и намного опередившее своё время осознание значения «человеческого, социального капитала, о чём экономисты в полный голос заговорили лишь во второй половине XX века» [Якутин, 2008. С. 125]. Такие подходы являются преувеличенными и упрощёнными.

С одной стороны, суженная трактовка производительного труда противоречит учению самого же А. Смита об основном капитале (*fixed capital*), в число четырёх компонентов которого Смит включил «приобретенные и полезные способности всех жителей или членов общества» [Смит, 2007. С. 294]. Этот компонент в XIX в. стали называть «персональным капиталом» [Ingram, 1902. P. 98], а во второй половине XX в. — отождествлять с «человеческим капиталом», или «капитальной ценностью приобретённых и полезных способностей всех членов общества» [Blaug, 1985. P. 53]. Причём исследовательская программа человеческого капитала изначально была озабочена проблемами экономической эффективности общего и специального образования и сравнением отдачи от инвестиций в обучение работников и от инвестиций в вещественные элементы основного капитала (оборудование и пр.) [Blaug, 2004. С. 223]. Поэтому учение Шторха о «внутренних благах», которые не только могут накапливаться как капитал, но и зачастую бывают более долговечными, чем продукты материального богатства, можно рассматривать не только как контраргументы в полемике со Смитом о производительном труде, но и как дополнение к учению Смита об основном капитале.

Более того: как своего рода «примирителя» А. Смита и Г. Шторха и одновременно как важное связующее звено между их концепциями и концепциями человеческого капитала можно рассматривать концепцию основных капитальных благ Н.Д. Кондратьева. Известно, что для определения материальной основы больших циклов конъюнктуры (длинных волн) Кондратьев предложил в структуре основного капитала отдельно выделить капитальные блага длительного служения, которые наряду с крупнейшими постройками, транспортными и мелиоративными сооружениями включают в себя и подготовку кадров квалифицированной рабочей силы [Кондратьев, 2002. С. 390, 452].

Но, с другой стороны, в учении Шторха о внутренних благах, равно как в более поздних рассуждениях западных и российских политэкономов о «нравственном капитале»⁵ и «невещественном капитале», стирался критический заряд, содержащийся в учении Смита о непроизводительном труде «некоторых самых уважаемых сословий общества» [Смит, 2007. С. 339]. Этот заряд восхитил старого знакомого Смита, его сверстника и тезку, и наряду с ним видного деятеля Шотландского Просвещения А. Фергюсона, писавшего после выхода «*The Wealth of Nations*» автору: «Несомненно, вы чувствительно задели церковь, университеты и гражданские власти» (цит. по: [Аникин, 1965. С. 213]). У Смита фритрэдёрство «было лишь частью большой антифеодальной программы экономической и политической свободы» [Аникин, 1985. С. 196–197].

Пропаганда в России «системы естественной свободы», включая и суждения Шторха о порочных общественных установлениях в виде рабства, крепостничества и монополий [Шторх, 2008. С. 660], чувствительно задевала традиционные сословные иерархии, но учение о внутренних благах полностью гармонировало с ними. К «вторичным внутренним благам» Шторх отнёс безопасность и досуг; первую обеспечивает, конечно, «труд государя и всех его доверенных лиц, гражданских и военных»; а второй, избавляющий «более значительных лиц» от «мелких жизненных забот», обеспечивают в том числе и домашние слуги,

⁵ Бланки претендовал на то, что он первым предложил понятие «нравственный капитал», воздавая хвалу исследованиям Шторха о «rente, доставляемой талантом и нравственными качествами» [Бланки, 1869. С. 154].

избыток которых был столь нелюбезен Смиуту. Что до церкви, то шторховскую классификацию «первичных внутренних благ» замыкает культ, *производимый* священнослужителями.

Как отмечает современный исследователь «идеи рынка», упразднить различия между производительным и непроизводительным трудом необходимо было, чтобы оправдать существующее общественное устройство, не допустить переворачивания традиционных представлений о социальных иерархиях и функциях [Розанваллон, 2007. С. 101–102]. Шторх занимал в традиционных российских иерархиях видное положение. И, будучи как смитианец приверженцем невмешательства государства в экономику, одновременно отмечал, что спрос на многие виды «внутренних благ» предъявляется исключительно правительством, которое «производит» и такое нематериальное благо, как «уважение» — раздачей всякого рода знаков отличия, личных и наследственных почестей и т.п. [Шторх, 2008. С. 633–634, 638]. Таким образом, «критическое смитианство» Шторха приобретало оттенок сословного консерватизма «истого чиновника» [Штейн, 1924. С. 154].

Некритическое смитианство: дорога к мейнстримному мифу

В том же 1815 г., когда был издан шторховский «Cours d'économie politique», начала выходить энциклопедия «Nuovo prospetto delle scienze economiche» миланского статистика Мельхиора Джойа (1767—1829). Она перечислила с десятков противоречий А.Смита самому себе в разных местах «Богатства народов», включая и противоположные мнения по поводу того, является ли умственный труд умножающей народное богатство силой или нет; доставляется или не доставляется земледелием наибольшая выгода для капиталов [Одоевский, 1975. С. 75]. Если первое из указанных противоречий способствовало «критическому» смитианству Шторха, то второе он усугубил, проявляя себя как творческий истый смитианец.

Как было отмечено выше, Смит действительно настаивал на предпочтительности помещения капиталов в сельское хозяйство. Но в противоречии с этим сам же акцентировал гораздо более медленный прогресс в земледелии, чем в мануфактурной промышленности и торговле, — поскольку земледелие по самой природе своей не допускает ни такого многообразного разделения труда, ни полного отделения друг от друга различных работ, как мануфактура, и превосходство передовых стран проявляется сильнее именно в тех отраслях, где глубже разделение труда, т.е. в мануфактурных [Смит, 2007. С. 71].

Шторх, следуя Смиуту в уподоблении международной специализации разделению труда между индивидами, порождаемому будто бы «природной склонностью к обмену», более обстоятельно, чем учитель, показал связь между «великим принципом разделения труда» и различиями в экономическом прогрессе народов. Однако вывод его был прямолинеен: если и процветающие, и отставшие нации хотят пользоваться выгодами всех отраслей хозяйства, бедный народ снабдит излишками своих сельскохозяйственных продуктов богатую нацию, которая взамен обеспечит его излишками своих усовершенствованных мануфактур и к тому же облегчит перевозку тех и других излишков [Шторх, 2008. С. 540–541].

А. Смит особо не утруждался примерами взаимовыгодности торговли между странами при «незамысловатой системе естественной свободы» и наличии естественных преимуществ, которыми обладает одна страна перед другой [Смит, 2007. С. 647, 445]. Наблюдений над обменом французских шелков (продукцией страны с климатом, подходящим для разведения тутовых деревьев) на продукцию английского сукноделия (обязанную изобильным угольям для пастбищного овцеводства) оказалось достаточно для обобщения: «Если какая-либо чужая страна может снабжать нас каким-нибудь товаром по более дешевой цене, чем мы сами в состоянии изготовлять его, гораздо лучше покупать его у нее

на некоторую часть продукта нашего собственного промышленного труда, прилагаемого в той области, в которой мы обладаем некоторым преимуществом» [Смит, 2007. С. 444].

Стандартная интерпретация этого вывода классика: «Смит указал на всё, что лежит в основе международной экономики: существует разделение труда, выходящее за национальные рамки в силу узости внутреннего рынка и создающее тем самым мировой рынок; обмен на мировом рынке товарами, в которых индивидуальные страны конкурентоспособны; мировой рынок стимулирует рост производительности в кооперирующихся странах; т.е. работает мировое хозяйство» [Киреев, 2003. С. 17]. К этому добавляется [Киреев, 2002. С. 22], что цитированная мысль Смита приводится всего двумя абзацами ниже знаменитого места о «невидимой руке», которая направляет к общему благу эгоистические решения индивидов, мотивированных лишь извлечением барыша.

Таким образом, на теорию международной торговли экстраполируется «миф Адама Смита» современного мэйнстрима. О «невидимой руке рынка», не только координирующей преследование частных интересов с достижением общественных целей, но и оптимизирующей отраслевую структуру экономики через механизм свободного ценового взаимодействия спроса и предложения. Без центрального руководства или коллективных решений, а только посредством перелива капиталов и труда под воздействием ценовых сигналов из отраслей, продукция которых избыточна, в отрасли, производящие продукцию с повышенным спросом.

Но мы присоединяемся к резонной оговорке, что на самом деле «такой радикальный подход не был присущ экономистам-классикам» [Ронкалья, 2018. С. 381]. И осмелимся добавить, что, вероятно, как раз Г. Шторх, хотя и не употреблял выражение «невидимая рука», более других приблизился к её аллокативной неоклассической интерпретации в своём описании того, как под воздействием колебаний цен на хлеб и мясо через выравнивание прибылей от вложений в пахотное и пастбищное хозяйство приближаются к соразмерности земледелие и животноводство.

Но это ещё не всё. В качестве смитианца, развивающего «великий принцип разделения труда», Шторх не ограничился тем, что сегодня называется «принципом абсолютных преимуществ» А. Смита, а сделал и шаг к формулировке принципа сравнительных преимуществ (или сравнительных затрат)⁶, обоснованного Д. Рикардо в «Началах политической экономии и налогообложения», вышедших двумя годами *позже* (1817) шторховского «Курса».

По словам Шторха: «Какое дело русскому человеку, что при помощи своих капиталов и машин англичане выпряли и выткали за один день столько хлопковой или шерстяной ткани, сколько им хватит для обмена на пеньку и сало, стоившие нам двух дней работы? Если при современном состоянии промышленности он не может обеспечить себя и за три дня материалами для изготовления этих тканей, то обе нации получают от этого обмена экономии, соответствующую экономии труда, обе смогут использовать сбережённый таким образом труд на производство большего количества тканей, соответственно пеньки или других продуктов» [Шторх, 2008. С. 542].

П. Самуэльсон, смолоду внесший наибольший вклад в формализацию принципа сравнительных преимуществ, именно его приводил в пример вывода экономической теории, который одновременно был бы истинным и нетривиальным [Банерджи, Дюфло, 2021. С. 104]. Но именно в противовес рикардианско-неоклассическому принципу обоснования взаимовыгодности международной свободной торговли выдвигались критические теории неэквивалентности обмена периферийных стран с передовыми странами «центра», «двойственной динамики» периферийного капитализма, «развития слаборазвитости» и т.д. Как отмечал И. Валлерстайн, его мир-системный подход при своём появлении в 1970-х гг.

⁶ Первым на это обратил внимание Й. Цвайнерт, но мимоходом [Цвайнерт, 2008. С. 72].

был вполне справедливо расценен критиками от макроэкономического мейнстрима как внушительная попытка опровержения при помощи исторических доказательств, казалось бы, незыблемого закона сравнительных преимуществ Давида Рикардо [Валлерстайн, 2015. С. XXII]. Популярная в современной России книга Э. Райнерта о промышленной политике также является «атакой» на рикардианский принцип, с противопоставлением ему структуралистских аргументов [Райнерт, 2011. С. 61–77].

В этом контексте внешнеторговая концепция Шторха, с одной стороны, может быть оценена как оригинальный вклад в классическую либеральную теорию международной торговли, с другой стороны, — как наглядная демонстрация односторонности некритического смитианства.

Десница и шуйца «системы естественной свободы»

В отличие от цитированной выше незамысловатой мысли Смита о выгодности обмена продукцией, связанной с естественными преимуществами каждой страны, Рикардо употребил силу своей дедукции для обоснования выгоды двусторонней свободной торговли между странами, если у одной из них естественных преимуществ нет. Аргументация была выстроена на трудовой теории ценности и условном числовом допущении: Португалия сравнительно с Англией тратит меньше часов труда (80 против 120) на производство торгуемой единицы не только вина, но и сукна (90 против 100). При таких условиях для Португалии бы выгоднее специализироваться в производстве товара, где большее преимущество (т.е. портвейна), а ткани покупать в Англии. Далее Рикардо выводил из сформулированного им принципа, что вино должно производиться во Франции и Португалии, хлеб возделываться в Америке и Польше, а оборудование и другие мануфактурные товары – изготавливаться в Англии; после чего порассуждал о торговле между Англией и Польшей при допущении, что последняя «усовершенствует свои мануфактуры» [Ricardo, 1817. Pp. 139, 154].

При этом Д. Рикардо знал, что Португалия *никогда не имела* преимуществ над Англией в сукноделии, что А. Смит приводил сведения об отсутствии в Польше⁷ какой-либо обрабатывающей промышленности и относил Португалию и Польшу (свободно торговавших, соответственно, вином и хлебом с Англией) к «самым нищенским странам Европы» [Смит, 2007. С. 72, 271]. В то же время за 40 лет, прошедших после выхода в свет «The Wealth of Nations», экономическое развитие Англии только подтверждало мнение Смита, что эта страна «предназначена самой природой быть средоточием заморской торговли, мануфактур, работающих на отдалённый рынок, и всех тех достижений и улучшений, которые обуславливаются этими последними» [Смит, 2007. С. 414].

Следующая же цитата из Смита показывает, что «отец-основатель» экономического либерализма прекрасно понимал неэквивалентный характер свободного обмена на мировом рынке между передовыми (торгово-промышленными) и отсталыми (аграрными) странами (разумеется, не в пользу последних):

«На небольшое количество мануфактурных изделий можно покупать большое количество сырого продукта. Поэтому торговая и промышленная страна, естественно, покупает на небольшую часть своих мануфактурных изделий большую часть сырого продукта других стран, тогда как, напротив, страна, не обладающая мануфактурами и торговлей, обычно вынуждена покупать за счёт значительной части своего сырого продукта совсем небольшую часть мануфактурных изделий других стран» [Смит, 2007, с. 639].

⁷ Заметим, кстати, что во времена Рикардо уже не было (после разделов Речи Посполитой) самостоятельного польского государства, ещё существовавшего в год появления «The Wealth of Nations».

Г. Шторх придавал внешней торговле исключительное значение, особенно для России с её недостаточными капиталами; поскольку внешняя торговля, в отличие от других отраслей, может обойтись без предварительного накопления капитала внутри страны. Решающими событиями русской истории для развития производительных сил страны Шторх считал установление коммерческих сношений с Англией после беломорской экспедиции Р. Ченслера и завоевание балтийских берегов Петром I [Шторх, 2008. С. 563].

В противоположность Рикардо, Шторх подошёл к принципу сравнительных затрат без абстракций, идущих вразрез с действительностью. Его рассуждения о целесообразности обмена английских тканей на русские сырые продукты полностью соответствовали характеру экспорта (24% — пенька и лён; 15 — сало; 18% — хлеб) и главным статьям импорта (33% — сукна и хлопчатобумажные ткани) тогдашней Российской империи [Кулишер, 1923. С. 300–301].

Отчётливо сознавая превосходство передовых наций более всего в удешевлённом производстве высококачественных мануфактурных изделий благодаря многообразию разделения труда, Шторх тем не менее осознавал преимущество промышленной Англии над аграрной Россией и в системе полеводства (норфолкский севооборот). Политэконом подчёркивал, что описывает норфолкский севооборот специально для оценки «расстояния, которое должна преодолеть Россия», чтобы достигнуть успехов передового земледелия [Шторх, 2008. С. 276, 768–770]. Из собранных им сведений о российских губерниях Шторх заключил, что в большинстве их хорошо унавоженные земли занимали не более трети или четверти, а то и двадцатой части угодий. А расширение площади пашни сопровождалось сокращением угодий для скота и его количества [Шторх, 2008. С. 563] — ни о какой отраслевой соразмерности сельского хозяйства в России вопрос не стоял.

Но из всего этого учёный делал вывод, что «сравнительное преимущество» России — именно в её отсталом (заметим — феодальном трёхпольном) земледелии! Поскольку-де российский зерновой хлеб приблизительно в тех же ценах и качестве, что и английский, тогда как английские мануфактурные товары гораздо дешевле русских при той же степени добротности. И в более общей форме — целесообразность для отсталых стран специализироваться исключительно на земледелии, покупая у богатых наций мануфактурные товары, производимые там в силу развитого разделения труда по гораздо более низким ценам.

Шторх считал невыгодным производить в России «ткани и утварь, которые мы получаем из Англии», и рекомендовал «уступление прав» передовым нациям не только во внешней торговле, но и в *переработке* российского сырья — льна, древесины, железа. Наконец, автор «Cours d'économie politique» порицал соединение в русских деревнях хлебопашества с домашними промыслами, уже привлекшее внимание русских экономистов (в том числе и самого Шторха). Шторх полагал, что это не более чем результат «искажённого понятия о выгодах» у невежественных русских крестьян, не понимающих преимуществ разделения труда. При этом, как либеральный политэконом, Шторх был категорически против искусственного поощрения крупных промышленных предприятий посредством покровительственного тарифа или других протекционистских мер.

Американский историк Р. Мак-Грю, автор единственной специальной статьи о Шторхе в англоязычной литературе, охарактеризовал его как сторонника экономической трансформации («модернизации») Российской империи, не видевшего иных политических рамок, кроме самодержавия. При этом, однако, будучи приверженцем *laissez faire*, Шторх не допускал мысли об активной роли самодержавного государства в стимулировании хозяйственных инноваций, считая оправданными лишь те изменения в экономике, которые «продвигали принципы естественной свободы» [McGrew, 1976. P. 60]. Точнее было бы сказать, что Шторх уповал только на свободную торговлю в процессе приближения России к «большой культуре» земледелия (капиталистическому фермерству) и к накоплению капитала для собственной крупнопромышленной переработки сырых материалов. При

этом Шторх полагал, что внешняя торговля обеспечивает каждому народу «неоценимые выгоды» вне зависимости от степени достигнутого им благосостояния [Шторх, 2008, С. 563]. Односторонность такой позиции и привела к выводам, которые могут показаться утрированными: «благоразумие» международной специализации на *отсталом* земледелии, поскольку мануфактурная промышленность *отстала гораздо больше*.

Спустя более полувека после кончины Генриха (Андрея Карловича) Шторха российские политэкономы А.И. Чупров (1842-1908) и И.И. Янжул (1846-1915), пересматривая концепцию свободной конкуренции, спорили о наличии теологического подтекста в метафоре «невидимой руки» у А. Смита [Чупров, 1918. С. 128-129]. Известные профессора не вспомнили, однако, о русских словах «десница» и «шуйца», восходящих к церковнославянскому языку и иногда подразумевавших противопоставление благотворности правой руки (десницы) и обманчивости, лукавства в действиях левой руки (шуйцы). Противоречия рыночной конкуренции («системы естественной свободы»), включая противоречия между преимуществами вовлечения в международную торговлю и ею же обусловленными деформациями структуры экономик отсталых стран, как и отражения этих противоречий в экономических доктринах, могут быть уподоблены негармоничным действиям десницы и шуйцы. Как в нашем случае — «критическое» и «некритическое» смитианство первого российского академика-политэконома.

ЛИТЕРАТУРА

- Андросов В.И. (1833). О предметах и современном состоянии экономии политической [Androsov V.I. (1833). On the Subjects and the Current State of Political Economy] // *Телескоп*. № 14. С.129-168.
- Аникин А.В. (1985). *Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса* [Anikin A.V. (1985). The Youth of Science. Life and Ideas of Thinkers-Economists before Marx]. — М.: Политиздат.
- Аникин А.В. (1965). Адам Фергюсон и Адам Смит [Anikin A.V. (1965). Adam Ferguson and Adam Smith] // *Вопросы истории*. № 5. С. 212–214.
- Банерджи А., Дюфло Э. (2021). *Экономическая наука в тяжелые времена. Продуманные решения самых важных проблем современности* [Banerjee A., Duflo E. (2021). Economics in hard times. Thoughtful Solutions to the Most Important Problems of Our Time]. — М.: Издательство Института Гайдара; СПб: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Бекетов Ф.А. (1818). *Рассуждение об основаниях, постепенном ходе и пользе экономии политической* [Beketov F.A. (1818). A Discourse on the Foundations, Gradual Course, and Usefulness of Political Economy]. — М.: Университетская типография.
- Бланки Ж.А. (1869). *История политической экономии в Европе*. Т. 2 [Blankee Zh.A. (1869). History of Political Economy in Europe]. — СПб.: Тип. Н.И.Глазунова.
- Блауг М. (2004). *Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют* [Blaug M. (2004). Methodology of Economic Science, or How Economists Explain]. — М.: НП Журнал «Вопросы экономики».
- Валлерстайн И. (2015). *Мир-система Модерна*. Т. 1. *Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI в.* [Wallerstein I. (2015). The world-system of Modern. Vol. 1. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the 16th Century]. — М.: Ун-т Дмитрия Пожарского.
- Гловели Г.Д. (2017). Н.П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода [Gloveli G.D. (2017). N.P. Oganovsky: Regularity of Agrarian Evolution and Gaps in the Formational Approach] // *Вопросы политической экономии*. № 2. С. 38-52.
- Кенэ Ф. (1960). *Избранные экономические произведения* [Quesnay F. (1960). Selected Economic Works]. — М.: Соцэкгиз.
- Киреев А. (2003). Пионеры международной экономики // *Вехи экономической мысли*. Вып. 6 [Kireev A. (2003) Pioneers of the international economy]. — СПб.: Экономическая школа.
- Кондратьев Н.Д. (2002). *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избранные труды* [Kontratiev N.D. (2002). Large Conjuncture Cycles and the Theory of Foresight. Selected Works]. — М.: Экономика.
- Косачевская Е.М. (1971). *М.А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в.* [Kosachevskaya E.M. (1971). M.A. Balugyansky and St. Petersburg University in the First Quarter of the 19th Century]. — Л.: Изд-во ЛГУ.

- Кулишер И.М. (1923). *Очерк истории русской торговли* [Kulisher I.M. (1923). *Essay on the History of Russian Trade*]. — Пг: Атеней.
- Манту П. (1937). *Промышленная революция XVIII столетия в Англии* [Mantu P. (1937). *The Industrial Revolution of the 18th century in England*]. — М.: Соцэкгиз
- Марков И.Г. (1929). *Ж.-Б. Сэй (ЖЗЛ)* [Markov I.G. (1929). *J.-B. Say*]. — М.: Московский рабочий.
- Махов В. (2016). *Счастливый клевер человечества: Всеобщая история открытий, технологий, конкуренции и богатства* [Makhov V. (2016). *Humanity's Lucky Clover: A General History of Discovery, Technology, Competition, and Wealth*]. — М.: Альпина Паблишер.
- Огановский Н.П. (1909) *Закономерность аграрной эволюции. Т. 1.* [Oganovsky N.P. (1909). *Regularity of Agrarian Evolution*]. — Саратов: Сотрудничество.
- Одоевский В.Ф. (1975). *Русские ночи* [Odoevsky V.F. (1975). *Russian Nights*]. — М.: АН СССР.
- Ольсевич Ю. Я. (2003). *О специфике национальной школы экономической мысли в России // Очерки истории российской экономической мысли.* / Под ред. Л.И.Абалкина [Olsevich Yu. Ya. (2003) *On the specifics of the national school of economic thought in Russia*]. — М.: Наука.
- Онищук С. В. (1995). *Исторические типы общественного производства. Политическая экономия мирового исторического процесса* [Onischuk S.V. (1995). *Historical types of social production. Political economy of the world historical process*]. — М.: ИФВЛ РАН.
- Радлов Э.Л. (1911). *Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии* [Radlov E.L. (1911). *Philosophical Dictionary of Logic, Psychology, Ethics, Aesthetics and the History of Philosophy*]. — СПб.: Брокгауз и Ефрон.
- Райнерт Э. (2011). *Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными* [Reinert E. (2011). *How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor*]. — М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Розанваллон П. (2007). *Утопический капитализм. История идеи рынка* [Rosanvallon P. (2007). *Utopian Capitalism. The History of the Idea of the Market*]. — М.: НЛО.
- Ронкалья А. (2018). *Богатство идей: история экономической мысли* [Roncaglia A. (2018). *A Wealth of Ideas: a History of Economic Thought*]. — М.: ИД НИУ ВШЭ.
- Румянцев Н. П. (2011). *О разуме тарифа. Всеподданнейшая записка министра коммерции императору Александру I. 1804 // Лопатников В.А. Каницлер Румянцев (ЖЗЛ)* [Rumyantsev N.P. (2011). *On the Reason of the Tariff. The Most Submissive Note of the Minister of Commerce to Emperor Alexander I. 1804*]. — М.: Молодая гвардия. С. 288-297.
- Смит А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов* [Smith A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*]. — М.: ЭКСМО.
- Сэй Ж.Б. (1896). *Трактат политической экономии* [Say J.B. (1896). *Treatise of Political Economy*]. — М.: Изд. К.Т. Солдатёноква.
- Цвайнерт Й. (2008). *История экономической мысли России. 1805-1905* [Zweinert J. (2008). *History of Economic Thought in Russia. 1805-1905*]. — М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Чурпов А.И. (1918). *История политической экономии* [Churpov A.I. (1918). *History of Political Economy*]. — М.: М. и С. Сабашниковы.
- Шильдер Н.К. (1903). *Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. 1* [Schilder N.K. (1903). *Emperor Nicholas I, His Life and Reign*]. — СПб.: А.С. Суворин.
- Штейн В.М. (1924). *Развитие экономической мысли. Т. 1. Физиократы и классики* [Stein V.M. (1924). *The Development of Economic Thought. Vol. 1. Physiocrats and Classics*]. — Л.: Сеятель.
- Шторх А.К. (2008). *Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие* [Storkh A.K. (2008). *A Course of Political Economy, or an Exposition of the Principles that Determine the Well-Being of the People*]. — М.: ИД «Экономическая газета».
- Якоб Л.Г. (1817). *Народное хозяйство. Для гимназий Российской империи* [Jacob L.G. (1817). *National economy. For gymnasiums of the Russian Empire*]. — СПб.: Главное управление училищ.
- Якутин Ю.В. (2008). *А. К. Шторх — первый российский академик в области политэкономии и статистики* [Yakutin Yu.V. (2008). *A. K. Shtorkh - the first Russian academician in the field of political economy and statistics*] // *Вопросы экономики.* №6. С. 118-127.
- Blaug M. (1985). *Economic Theory in Retrospect*. 4th ed. — Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press.
- Gide C., Rist C. (1909). *Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates Jusqu'à nos jours*. — Paris: L. Larose & L. Tenin. (In French).
- Ingram J. K. (1902). *A History of Political Economy*. — N.Y.: The Macmillan Company.
- McCulloch J. R. (1824). *A Discourse on the Rise, Progress, Peculiar Objects, and Importance, of Political Economy: Containing an Outline of a Course of Lectures on the Principles and Doctrines of That Science*. — Edinburgh.
- McGrew R. (1976). *Dilemmas of Development: Baron Heinrich Friedrich Storch (1766- 1835) on the Growth of Imperial Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Vol. 24. No. 1. S. 31-71. (In German).
- Ricardo D. (1817). *On the Principles of Political Economy and Taxation*. — London: John Murray, Albermarle street.

Гловели Георгий Джемалович

glovelig@mail.ru

Georgii Gloveli

Professor, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

Минаева Елизавета Алексеевна

eaminaeva_1@edu.hse.ru

Elizaveta Minaeva

Student, National Research University «Higher School of Economics»

**THE CRITICAL AND NON-CRITICAL SMITHIANISM OF HEINRICH STORCH,
OR THE RIGHT AND LEFT HANDS OF THE «SYSTEM OF NATURAL FREEDOM»**

Abstract. The article analyzes the multifaceted but contradictory legacy of the first Russian academician political economist Heinrich (Andrey Karlovich) Storch in the context of the institutionalization of political economy in Russia and Europe. The contradictions in Storch's teaching are shown both as a critic and as a true follower of Adam Smith. Special attention is paid to the formulation of the principle of comparative advantages in international trade by Storch earlier by D. Ricardo and to the one-sidedness of conclusions from this principle.

Keywords: *physiocracy, Smithianism, Grand culture of agriculture (multi-field crop rotation), fixed capital, biens internes, international trade, the principle of comparative advantages, the "right hand and shuytsa" of the market.*

JEL: B13, B17, B31, B40, N13, F10

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гловели Г.Д., Минаева Е.А. Критическое и некритическое смитианство Генриха Шторха, или Десница и шуйца «системы естественной свободы» // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 1. С. 32–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_32_45.

FOR CITATION: Gloveli G.D., Minaeva E.A. The Critical and Non-Critical Smithianism of Heinrich Storch, or The Right and Left Hands of the «System of Natural Freedom» // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 1. Pp. 32–45. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_32_45.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Р.М. Нуреев

*д.э.н., заслуженный работник Высшей школы РФ,
Финансовый университет при Правительстве РФ;
главный научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)*

Ю.В. Латов

*д.соц.н., к.э.н., главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*

И.Д. Сурхаев

*эксперт, НИФИ Министерства финансов России; аспирант,
Финансовый университет при Правительстве РФ, (Москва)*

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ ГОЛОСОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРСПЕКТИВЕ ОТ ДОИНДУСТРИАЛЬНОГО К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ

Аннотация. Рассматривается влияние развития средств голосования (от собственно «голоса» к материальным носителям и к Интернету) на развитие выборов как социально-политического института. Анализ построен на основе концептов теорий общественного выбора (в частности, формулы Даунса), а также марксизма и постиндустриального общества. Для детализации выгод/издержек механизмов голосования рассмотрено три конкретно-исторических case-study – вече средневекового Великого Новгорода, остракизм в античных Афинах и электронное голосование в современной России. Хотя общий тренд развития технологий голосований прогрессивен, расширяя численность голосующих и меню решаемых вопросов, при смене этих технологий наблюдаются определённые потери. Ключевое внимание уделено цифровизации проведения выборов в начале XXI в. и её противоречивым последствиям. С одной стороны, цифровизация голосования снижает его издержки и даёт шанс на частичное возрождение прямой демократии. С другой стороны, в настоящее время электронное голосование является для россиян (и не только для них) доверительным благом, полезность которого сильно зависит от доверия к организаторам выборов.

Ключевые слова: *голосование, институциональный анализ, социально-политическая история, цифровое общество, общественный выбор, манипуляции голосованием.*

JEL: D72, B52.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_46_59.

При экономическом анализе политических процессов основной акцент чаще всего делают на проблеме эффективности демократии с точки зрения того, насколько демократически принятые решения стимулируют/тормозят развитие национальной экономики (см., например, [Заостровцев, 2018]). Однако у проблемы эффективности демократии есть и другой аспект, более прикладной и реже замечаемый экономистами-теоретиками, – какие материальные и связанные с ними институциональные технологии принятия политических решений лучше позволяют понять «голос народа» и насколько при этом удаётся минимизировать издержки голосования. Именно этот подход, восходящий не только к теории общественного выбора, но и к марксистскому пониманию первичности производительных сил, развитый в теориях постиндустриального общества, будет изложен в нашем анализе основных этапов эволюции «средств производства демократии» и современного их состояния.

Технологии голосования как средства производства демократических политических отношений

Любое коллективное принятие решений с большим количеством участников предполагает использование определённых технологий/инструментов. Те модели общества, где коллективные решения на макроуровне принимаются системно, принято обозначать как демократические. Историю демократии как системы «правил игры» чаще всего рассматривают как результат расширения политической акторности под влиянием социально-экономических факторов: чем активнее роль социальных групп, тем в большей степени они включаются в политическую жизнь на разных уровнях, от общегосударственного до муниципального (марксистский принцип определяющего влияния экономического базиса на политическую надстройку). Однако изучение эволюции демократических институтов обнаруживает и более прямую их зависимость от развития «производительных сил» – через влияние экономических факторов не только на акторов принятия решений, но и на используемые инструменты данного процесса. До XXI в. эта эволюция «инструментов демократии» была малозаметна. Однако в самые последние десятилетия стремительная цифровизация заставляет лучше осознать, что технологии голосования тоже имеют значение, оказывая сильное влияние (как элемент «производительных сил») на политические отношения.

Академический вопрос, в какой степени технологии голосования (Technology Matters) имеют значение для политики, актуализируется для россиян буквально на глазах. Когда в России в сентябре 2021 г. впервые в ряде крупных регионов голосовали «через компьютер» (с помощью браузера на любом гаджете), это сразу начали обсуждать с очень противоречивыми оценками¹. Одни считали новый метод голосования проявлением прогрессивного втягивания России в «цифровое общество», другие – регрессивным усилением контроля авторитарного государства над обществом. В сентябре 2022 г. во время очередных выборов этот метод начал терять ореол новизны, не теряя при этом сомнений в правомерности его применения.

¹ В критике наиболее активную роль играли, как и следовало ожидать, оппозиционные СМИ. См., например: Захаров А., Фохт Е., Голубева А. «Какая проблема перерисовать данные?» Что случилось с электронным голосованием в Москве // Русская служба Би-би-си. 20 сентября 2021 г. (URL: <https://www.bbc.com/russian/features-58631126>); Кузнец Д., Ершов А. Так всё-таки были фальсификации на электронном голосовании — или власти просто мобилизовали на него больше своих сторонников? // Медуза. 24 сентября 2021 г. (URL: <https://meduza.io/feature/2021/09/24/tak-vse-taki-byli-falsifikatsii-na-elektronnom-golosovanii-ili-vlasti-prosto-mobilizovali-na-nego-bolshe-svoih-storonnikov>) («Медуза» признана СМИ, выполняющим функции иностранного агента). Анализ отражения в СМИ начальной стадии внедрения в России дистанционного электронного голосования см. [Федоров, Ежов, 2022].

Чтобы разобраться в сравнительных достоинствах и недостатках цифровизации голосования, авторы предлагают взглянуть на неё как на новую фазу длительной институциональной истории эволюции инструментов (технологий) голосования. Эта история уже стала предметом изучения, но, как правило, лишь в масштабе последних десятилетий, т.е. почти исключительно в контексте развития «E-voting» (см., например, [Electronic Voting and Democracy, 2004; McGaley, 2008. P. 16-17; Gibson, Krimmer, Teague, Pomares, 2016; Федоров, Ежов, 2021]), реже – развития способов автоматизированного голосования [Федоров, 2017; Федоров, 2020]. Единственная монография, специально посвящённая истории технологий голосования [Saltman, 2006], рассматривает её на материалах только США и лишь с XVIII в.

Методы голосования, рассматриваемые с точки зрения различий инструментов подачи мнений, исторически четко делятся на три типа – голосовые, бюллетенные и электронные технологии (табл. 1)². Эти три типа приблизительно соответствуют трём большим прогрессивным формациям в развитии человечества – доиндустриальному, индустриальному и постиндустриальному обществам. Правда, такое соответствие не является точным. В частности, хотя бюллетенные технологии голосования наиболее органичны для институциональной системы индустриального общества, первые примеры их системного использования (пусть и относительно эпизодические) относятся ещё к античным временам.

Таблица 1
Методы голосования

Характеристики	Голосовое	Бюллетени	Электронное
Используемые материальные технологии	Отсутствуют	Простые	Сложные
Количество участников голосования	Не более нескольких тысяч	Не ограничено	
Частота голосований	Слабые ограничения	Сильные ограничения	Отсутствие ограничений
Метод голосования	Только открытое	Открытое или тайное	Только тайное
Специальные требования к участникам голосования	Отсутствуют	Грамотность	Компьютерная грамотность
Точность	Фиксируется только большинство	Фиксируется точное соотношение голосов	

Источник: разработано авторами.

Прогрессивный переход от одной технологии голосования к другой в целом расширяет возможности демократического процесса. Однако смена «правил игры» обычно связана и с определёнными (хотя бы временными) потерями или с появлением новых про-

² Предлагаемая авторами типология отличается от работ В.И. Федорова, где выделено три этапа развития систем автоматизированного голосования – механический, электронный и дистанционный [Федоров, 2017. С. 171-174]. Из этих трёх типов устройств для автоматизированного голосования первые два получили ограниченное распространение и потому не могут рассматриваться как образующие этапы истории методов голосования, а третий соответствует электронному голосованию в предложенной нами типологии. В ней также не учтены технологии выбора при помощи жеребьёвки [Ван Рейбрук, 2018], поскольку принятие решения «по воле случая» предполагает отказ избирателей от выражения *своей* воли. Во многих публикациях дистанционное «Интернет-голосование» отличается от более широкого понятия «электронное голосование», включающего голосование при помощи электронных устройств не дистанционно, а на избирательных участках (как в Бразилии); в предлагаемой авторами типологии эти два понятия рассматриваются как синонимы.

блем. Самый последний (электронный) этап в развитии методов голосования также это демонстрирует.

Рассмотрим далее характеристики каждого из трёх механизмов голосования с точки зрения их сравнительных достоинств и недостатков³.

Голосование как подача голоса (и кулака)

Сущность самого древнего метода голосования отражена в самом современном обозначении этого института во многих языках (не только в русском, но и, например, в английском, где «*vote*» – одновременно и голос, и голосование). Одним из поздних и потому относительно лучше изученных примеров функционирования этого метода является принятие решений на знаменитом новгородском вече (XII–XV вв.), публичном собрании жителей Господина Великого Новгорода – столицы одного из крупнейших русских княжеств. По мнению историков, новгородский опыт сопоставим с функционированием народных собраний в других регионах средневековой России и во многих других странах.

Историки до сих пор дискутируют, было ли новгородское вече примером прямой демократии (когда в принятии решений в принципе мог участвовать каждый взрослый полноправный горожанин) или представительной (когда решения принимали «300 золотых поясов» – ведущие новгородские бояре). Меньше разногласий по поводу механизма принятия решений на вече. Общеизвестно, что при принятии решений не проводили подсчётов голосов «за» и «против» среди тех, кто пришёл на вечернюю площадь по зову колокола, а стремились зафиксировать подавляющее большинство (в идеале – единогласие) по силе криков одобрения в пользу того или иного решения. «Большинство давало себя знать громкими криками, – писал о функционировании новгородского вече правовед-историк О.В. Мартышин. – В случае раскола дело решалось дракой» [Мартышин, 1992. С. 178]⁴.

Подобный механизм голосования, где решения принимаются по принципу «кто кого перекричит» (а нередко и «кто кого побьёт»), может трактоваться как проявление примитивности ранних форм демократии. Действительно, «демократия крика» типична для обществ, где большинство населения неграмотно и не слишком умеет считать, а самое главное, где нет ценности мнения отдельной личности. Однако как раз Великий Новгород отличался, по мнению историков, повышенным уровнем грамотности, так что долгое применение на вече голосования криком вряд ли можно объяснить только недостатками средневекового образования.

На самом деле то, что кажется недостатком «демократии крика (и кулака)», можно одновременно истолковать и как её существенное достоинство, потерянное в более поздних системах голосования. Социологи хорошо знают важный недостаток современной системы всеобщего голосования: принцип «один человек – один голос» не позволяет измерять интенсивность предпочтений голосующих [Нуреев, 2005. С. 215]. Поэтому слабо заинтересованное большинство может одержать победу над меньшинством, которое очень сильно заинтересовано в другом решении. «Первобытные» же системы голосования – голосование «криком», дополненное при отсутствии явного большинства голосованием

³ В описании исторического развития голосового и бюллетенного методов голосования далее использованы некоторые материалы из [Нуреев, 2005].

⁴ Подробное описание методов аккламации (от лат. *acclamatio* «крик»), применяемых при голосовании во многих эпохах и странах, от древней Спарты до современной Швейцарии, см., например, [Лукин, 2014. С. 350-354].

«кулаком», – оказываются, как ни странно, лишёнными этого недостатка⁵. Ведь сильно заинтересованное меньшинство может быть куда более «громогласным», чем вялое большинство. В драке основную роль тоже играла не численность «оппонентов», а их решимость отстаивать свои интересы. А чтобы на исход вечаемого поединка меньше влияло материальное положение участников «дискуссии», новгородский обычай запрещал являться на вече в доспехах и с оружием, так что кулачный бой обеспечивал равные возможности представителям всех социальных групп (известны примеры, когда нарушение этого обычая приводило к аннулированию результата «силового голосования»). Мало заинтересованные в каком-то обсуждаемом на вече вопросе могли на это обсуждение просто не явиться, поскольку в Новгороде не было контроля численности участников.

Вечевое голосование «криком и кулаком» предельно демократизировало состав вече – в нём мог участвовать каждый взрослый свободный житель Новгорода, не обязательно грамотный, но «за исключением женщин, чье присутствие было несовместимо с кулачным характером вечаемого обсуждения» [Мартышин, 1992. С. 187]. Конечно, если бы число голосующих превысило нескольких тысяч (численность участников новгородского вече оценивают в 3-4 тыс.), то оценка одобрения силой крика теряла смысл: сильные голоса «заднескамеечников» заглушались обычными голосами находящихся в первых рядах. Но поскольку демократии в древности и в средневековье обычно развивались в городских общинах-республиках с населением не больше нескольких десятков тысяч, то голосование «голосом и (иногда) кулаком» вполне соответствовало потребностям вовлечения в управление всего политически активного населения.

Голосование как подача бюллетеня: античное фальстартовое изобретение

Переход от голосования голосом к голосованию при помощи какого-либо материального бюллетеня растянулся, при всей его кажущейся самоочевидности, очень надолго. Такой институциональный сдвиг предполагает не только хотя бы элементарную грамотность *всех* участников голосования, но и наличие предельно дешёвого материала для текстового бюллетеня. Кроме того, переход от голосового к бюллетенному голосованию ведёт к потере возможности учитывать силу предпочтений голосующих. Наконец, отделение момента голосования от подсчёта голосов и обнародования результатов создаёт возможности для злоупотреблений тех, кто считают голоса. Все эти минусы могут перевешиваться тремя плюсами – снятием ограничений на число участников (что стало существенно лишь в новое время), а также возможностью перейти от открытого голосования к тайному и, самое главное, возможностью точного измерения пропорций голосов (что было важно уже в некоторых странах античного мира).

Наиболее ранний хорошо изученный опыт использования бюллетеней – остракизм в Афинах классического периода (V в. до н.э.) [Суриков, 2006]. Важно отметить, что данный метод голосования был не единственным и даже не главным: в афинском народном собрании обычно применялся более простой метод открытого подсчёта «по головам» (по поднятым рукам), направленный на выявление явного большинства [Лукин, 2014. С. 354]

⁵ Исследователями проблем общественного выбора указывается (см., например, [Алискеров, Ортешук, 1995]), что при бюллетенном голосовании тоже можно предложить избирателю не просто отмечать свой выбор, но и оценивать его значимость (например, ставить в бюллетене цифры от «1», если выбор малозначим, до «5», если значимость выбора высока). Но это возможно только при абсолютной честности и высокой рациональности избирателя, поскольку избиратель, склонный к оппортунизму («нечестной игре»), будет легко выигрывать, сознательно завышая свои предпочтения, а низкая рациональность мешает адекватно оценивать интенсивность собственных предпочтений.

и потому близкий к голосовому методу. Но при решении самого важного для афинян политического вопроса – о временном изгнании «опасных» политиков – было важно сосчитать голоса не только максимально точно, но и дать возможность сделать это гражданам по возможности тайно. Поэтому в Афинах в V в. до н.э. существовал порядок: когда влияние какого-либо политика (или политиков) приобретало масштабы, чреватые гражданскими междоусобицами, то проводилось голосование всех граждан по вопросу, не следует ли признать кого-либо к временному изгнанию из полиса. Обладавшие правом голоса писали на любом черепке (*ostraco*) имя того, кто кажется опасным; черепки складывались в урны и потом разбирались выборными политиками (архонтами). Если против какого-либо гражданина было подано не менее 6 тыс. черепков (примерно 1/5 всех потенциальных голосов), он должен был на несколько лет покинуть город [Суриков, 2006. С. 243-255]. Видимо, именно применение принципа порогового значения числа голосов стало главной причиной необходимости точного учёта голосов и изобретения бюллетеней-остраконов.

Помимо Афин, где остракизм проводился приблизительно 18 раз в течение столетия (примерно в 507-415 гг. до н.э.), схожие процедуры применялись и в некоторых других полисах – например, в крымском Херсонесе, где во время раскопок, как и в Афинах, обнаружены многочисленные остраконы. А в последний век Римской Республики (с конца II в. до н.э.) был даже сделан следующий шаг: здесь голосование при помощи табличек постоянно применялось уже во время *всех* выборов мероприятий.

Использование бюллетеней предполагает наличие у граждан образования, достаточного хотя бы для того, чтобы нацарапать на черепке имя того, кто не нравится. В передаче нескольких античных историков (включая Плутарха) известен анекдот об афинском политике Аристиде. Во время проведения очередного голосования-остракизма один неграмотный афинянин обратился к незнакомому гражданину с просьбой написать на его черепке имя «Аристид». «Что плохого тебе сделал этот человек?» – спросил незнакомец, оказавшийся самим Аристидом. «Ничего, – ответил неграмотный гражданин. – Но мне надоело слышать, что его постоянно называют Справедливым». Славящийся честностью Аристид написал своё имя на черепке, вернув его неграмотному гражданину. По итогам этого голосования Аристида изгнали из Афин [Суриков, 2006. С. 287-293]. Конечно, подобные анекдотические казусы могли быть только исключениями. Если бы малограмотных оказалось много, то процедура остракизма теряла смысл из-за высокой вероятности фальсификаций (менее щепетильный, чем Аристид, мог бы написать на черепке совсем другое имя). В этом анекдоте также хорошо передан главный недостаток бюллетенной системы, заметный уже на начальной её стадии: голосующий может делать важный общественно-значимый выбор на основании ничтожно низкой личной мотивации.

Античный опыт бюллетенного голосования, предполагающий почти всеобщую грамотность и рациональное стремление к точности, оказался сильным забеганием вперёд, своего рода институциональным фальстартом. Впрочем, и сама античная демократия была в контексте долгосрочных тенденций лишь относительно кратковременным эпизодом на фоне гораздо более длительных периодов господства олигархических и монархических форм власти вплоть до конца античной эпохи, когда в Европе надолго исчезли даже рудименты выборов форм власти.

Голосование как подача бюллетеня: западноевропейское новое начало

Современные технологии выборов генетически связаны не с античными городами-государствами, а со средневековыми городскими республиками Италии. Эта преемственность отражена в самой современной терминологии: «бюллетень» и «баллотирование» происходят от итальянского обозначения шаров для голосования (*ballotta*), используемых, например, в Венецианской республике с XII–XIII вв. для выборов правителя. Но в средние

века выборные технологии оставались в Западной Европе редким исключением на фоне абсолютного доминирования принципов наследования власти или её силового захвата.

Массовизация бюллетенных форм голосования началась в Западной Европе лишь в XVII–XVIII в., когда произошло «второе рождение» демократии – уже как формы власти не в локальном городе-государстве, а в крупной стране (Голландия, Великобритания, Соединенные Штаты и др.). Если в Великом Новгороде несколько тысяч участников могли принимать решения голосом, а в Афинах при голосовании нескольких десятков тысяч граждан лишь эпизодически использовали бюллетени-остраконы, то, например, в Великобритании ещё в начале XIX в. (до парламентских реформ, резко увеличивших число участников парламентских выборов) число избирателей превышало 200 тыс., поэтому без бюллетеней обойтись уже было невозможно. Именно тогда снова стали сходитьсь воедино такие институциональные факторы демократии, как «массовизация» политической жизни, массовая грамотность и дешевизна бюллетеней (бумажной печати). Этот сдвиг завершился в первой половине XX в., когда грамотность стала всеобщей нормой, исчезли имущественные цензы и гендерные ограничения для участия в выборах.

Основные инструменты демократического голосования до XXI в. мало изменились в сравнении с древнегреческими аналогами. Разница между бумажным бюллетенем и глиняным черепком лишь в том, что бумажное «средство производства демократии» лучше приспособлено для тайного голосования. Но эта возможность стала внедряться довольно поздно, когда обострилась проблема освобождения избирателей от административного контроля. Впервые тайная подача голосов была осуществлена на выборах в Австралии (тогда это была далекая периферия Британской империи) в 1858 г. Затем к «австралийской системе» перешли Великобритания (1872 г.) и США (1884 г.), а к началу XX в. этот институт стал уже общепринятым.

Подсчёт голосов всегда был одним из «узких мест» бюллетенных процедур, порождая опасения, что «важно не то, как голосуют, а то, как считают». Если в античном обществе изобрести методы их фальсификации не успели (хотя есть и противоположное мнение⁶), то в новое/новейшее время разные методы искажения результатов голосования стали одним из главных пороков западной демократии [*Cheeseman, Klaas, 2019*]. Эти методы можно разделить на два типа – обман избирательной комиссии внешними акторами, когда используют фальшивые бюллетени, и обман, осуществляемый самими членами избиркома, которые «рисуют» нужное количество голосов. Однако методы обмана внешними акторами требуют при бюллетенном голосовании привлечения большого количества «поддельных» избирателей, что повышает вероятность раскрытия подделки. «Накручивание» же голосов коррумпированными членами избиркома резко сокращает количество участников фальсификации, но осложняется возможностью пересчёта бюллетеней. В конечном счёте всё зависело от уровня зрелости гражданского общества. Пока оно слабо, политические махинаторы могут активно использовать оба метода, не слишком опасаясь разоблачения (как это было, например, в США до прогрессистского движения). Лишь в XX в., по мере втягивания в политическую жизнь большого количества граждан, махинации с бюллетенями пошли на спад. Это происходило в силу не только повышения гражданского контроля за избиркомами, но и роста числа избирателей до таких размеров, что использование фальшивых бюллетеней теряло смысл.

⁶ Во время археологических раскопок в Афинах в 1937 г. в одном месте нашли около 200 черепков, где повторяющимися «почерками» было написано имя Фемистокла, главного конкурента Аристиды во время того самого остракизма 482 г. до н.э., к которому относится ранее изложенный анекдот. Интерпретации находки разделились: одни считают, что заранее заполненные остраконы готовили для малограмотных и ленивых граждан, которые предпочитали купить непосредственно перед голосованием «заполненный бюллетень»; другие видят в этом свидетельство подготовки мошеннического «вброса», который по каким-то причинам (может быть, из-за гиперчестности Аристиды) сорвался [*Суриков, 2006. С. 281-294*].

От бюллетеней голосования – к электронному голосованию

Принципиально новые «средства производства демократии» появляются только в самом конце XX в. – персональные компьютеры, соединенные Интернет-сетью. Широкая компьютеризация так сблизила число активных пользователей Сети с общей численностью граждан, что цифровизация политической жизни стала лишь вопросом времени.

Первоначально в Интернете организовывались политические опросы, затем началось Интернет-лоббирование [Борисова, 2019]. Уже на президентских выборах 2000 г. в США впервые в истории состоялось голосование по электронной сети – в городах Феникс (Аризона), Сан-Диего и Сакраменто (Калифорния), а также для группы американских военных за рубежом. Ожидалось, что на последующих выборах будет использоваться программное обеспечение для уже общенациональной системы голосования. Но затем в США идею цифровизации голосования стали воспринимать менее восторженно. В последние годы в США электронные технологии голосования (причём не дистанционные, а на избирательных участках, как в Бразилии) используются лишь в восьми штатах (Миссисипи, Нью-Джерси, Техас, Луизиана, Теннесси, Кентукки, Иллинойс и Канзас), не самых ведущих.

Хотя в самих Соединённых Штатах развитие Интернет-голосования затормозилось, на протяжении 2000-2010-х гг. этот родившийся в США институт стремительно «импортировался» в другие страны мира. Наиболее успешным «учеником», обогнавшим «учителя», оказалась маленькая Эстония, которая уже в 2005 г. стала первой в мире страной, где все избиратели получили возможность дистанционно голосовать через Интернет. Это оказалось возможным благодаря сознательному курсу руководства страны на развитие «электронного государства» – на тотальную цифровизацию всех сфер жизни (см., например, [Китсинг, 2007]). На эстонских парламентских выборах 2000-2010-х гг. доля голосов избирателей, поданных через Интернет, неуклонно росла с 6% от общего числа голосов в 2007 г. до 44% в 2019 г. [Федоров, 2019. С. 38]. В большинстве же других стран (в Австралии, Канаде и др.), применяющих дистанционное электронное голосование, оно применяется лишь на муниципальных выборах. Некоторые страны (например, Франция, Мексика) используют его только или преимущественно для граждан, которые находятся за рубежом и не могут присутствовать на избирательном участке.

Новый институт в процессе «импорта» столкнулся даже в самых развитых странах с сильным недоверием. Важно обратить внимание на противоречивый опыт Швейцарии, где массовые голосования (включая референдумы) проводятся многократно каждый год, что объективно должно повышать интерес к упрощению электоральных процедур. В 2000-2010-е гг. в этой стране тоже внедрялось дистанционное электронное голосование, но в 2019 г. было принято решение не вводить его в полной мере. Это сознательное торможение связано с обнаружением специалистами уязвимых мест в системе электронного голосования, устранение которых требует высоких затрат⁷. Но в 2020-2021 гг. из-за COVID-кризиса в Швейцарии стало обсуждаться повторное внедрение электронного голосования. Предполагается, что отчёты тестирования систем электронного голосования на уязвимость будут публиковаться в открытом доступе, чтобы общественность могла оценить их надёжность⁸.

В конце 2010-х гг. институт электронного голосования импортировался с Запада и в Россию. Самый первый широкий опыт дистанционного электронного голосования – выборы в Московскую городскую думу в сентябре 2019 г. в трёх избирательных округах.

⁷ Швейцария пока не будет вводить электронное голосование // SWI Swissinfo. 28 июня 2019 г. URL: https://www.swissinfo.ch/rus/политика-и-общество_швейцария-пока-не-будет-вводить-электронное-голосование/45061866 (дата обращения: 05.12.2021).

⁸ Швейцария и электронное голосование: новый раунд // SWI Swissinfo. 23 декабря 2020 г. URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/швейцария-и-электронное-голосование--новый-раунд/46241298> (дата обращения: 05.12.2021).

А ещё через два года, во время общероссийских выборов в Думу и одновременных муниципальных выборов в сентябре 2021 г., возможность дистанционно голосовать через гаджеты получили жители уже семи крупных субъектов Российской Федерации – Москвы, Севастополя, а также Курской, Нижегородской, Ярославской, Мурманской и Ростовской областей. Политическая элита России декларирует намерение догнать в цифровизации голосования Эстонию: в частности, еще в декабре 2020 г. председатель ЦИК РФ Э.А. Памфилова заявила, что к 2024 г. электронное голосование могут внедрить по всей стране⁹. Правда, выборы в сентябре 2022 г. существенного расширения масштабов применения этого института не продемонстрировали: он использовался по-прежнему только в Москве и еще в семи регионах (в Калининградской, Калужской, Курской, Новгородской, Псковской, Томской и Ярославской областях), набор которых обновился в сравнении с предыдущим годом более чем наполовину.

Чтобы понять перспективы развития электронного голосования, рассмотрим его достоинства и недостатки.

Выгоды и издержки рационального избирателя

Положительные оценки системы электронного голосования связаны в первую очередь с её кажущейся простотой и бесплатностью, что позволяет хотя бы частично решить старую проблему политического абсентизма – отказа значительной доли граждан от участия в выборах.

К ответу на вопрос, почему люди (не) приходят голосовать, есть разные подходы. Чаще всего на этот вопрос отвечают с социологических позиций, указывая на различные культурные нормы. Действительно, для одних людей участие в голосовании есть выполнение гражданского долга, для других – поддержка демократических институтов, для третьих – проявление лояльности «своей» партии, для четвертых – возможность выразить протест против существующей ситуации. Участие в голосовании трактуется как проявление социализации (следование принятым «правилам игры»), а отказ – как антисоциальное поведение.

Иной подход предложили более полувека назад основоположники теории общественного выбора (Public Choice). Исходя из аксиоматического для «экономикса» принципа первичности в конечном счёте личных материальных стимулов, поведение избирателя было предложено интерпретировать как стандартное стремление к личной выгоде. Такая модель, выраженная известным британским экономистом-политологом Энтони Даунсом¹⁰ в «Экономической теории демократии» [Downs, 1957] в виде лаконичной формулы соотношения выгод/издержек от голосования, помогает лучше понять причины политического абсентизма и влияние на него Интернет-голосования.

Поведение рационального избирателя выражается формулой Э. Даунса следующим образом:

$$R = p \times B - C + D,$$

где R – чистая выгода от участия индивида в выборах; p – вероятность, что голос избирателя окажет воздействие на исход голосования; B – общая (получаемая избирателем как членом общества) полезность от участия в выборах; C – издержки индивида от участия в выборах; D – конкретная (личная) полезность от участия в выборах.

⁹ ЦИК допустила внедрение онлайн-голосования в масштабах страны к 2024 году // РБК: 23 декабря 2020 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/12/2020/5fe31ba99a79476f1e4deaa4> (дата обращения: 05.12.2021).

¹⁰ Выдающийся британский экономист-политолог Энтони Даунс (1930–2021), один из основоположников теории общественного выбора, ушёл из жизни в октябре позапрошлого года.

Согласно логике экономического подхода, если издержки C превысят суммарные выгоды $p \times B + D$, то рациональный индивид откажется от участия в голосовании. Эта формула, отражающая «правила игры» традиционного бюллетенного голосования, позволяет систематизировать те соображения о поведении избирателей, которые известны политологам не одно столетие. Дело в том, что для многих граждан полезность участия в голосовании не очевидна, в то время как затраты гораздо более понятны.

Затраты на само бюллетенное голосование в современных условиях невелики, поскольку избирательные участки стараются создавать в пешей доступности. Но чтобы компетентно участвовать в голосовании, нужно тратить время на изучение информации о предстоящих выборах (платформах разных партий, характеристиках депутатов и т.д.). Эти затраты гораздо ниже у тех, кто находится в состоянии политической включённости – постоянно следит через СМИ за политической повесткой дня. Но отнюдь не все избиратели желают тратить на это время.

Если уровень своих затрат на голосование «простой» гражданин ещё более-менее представляет, то ожидаемые выгоды от своего участия в выборах он часто представляет гораздо хуже. Гражданин может просто не понимать общую полезность (принимать, что $B = 0$), особенно если голосование происходит по вопросам, далёким от его повседневной жизни. Ещё хуже то, что p – вероятность решающей роли голоса отдельного избирателя – объективно стремится к нулю¹¹. Поэтому даже если на голосовании стоит важный и понятный вопрос (например, о выборе главы страны), то рациональный избиратель всё равно может отказаться идти на избирательный участок, считая, что правильное решение и так примут без учёта его голоса. Если восприятие параметра B можно улучшить, повышая образование избирателя, то на восприятие параметра p оно будет влиять обратным образом (лучше образованный лучше понимает объективную ничтожность влияния своего голоса среди миллионов других голосов).

Если $p \times B$ стремится к нулю, то напрашивается парадоксальный вывод: рациональный избиратель вообще не должен, принимая решение о (не)участии в голосовании, рассчитывать оказать влияние на исход выборов. Для принятия решения ему достаточно сравнить лишь D и C . Он будет голосовать, только если $D - C > 0$, причём превышение частных выгод над затратами должно быть существенным (эффект порога).

Конечно, такая парадоксальная экономическая модель не отрицает значимости социальных факторов (в частности, чувств гражданского долга и/или лояльности к существующей политической власти). Но если из-за высокого отчуждения граждан от власти социальные стимулы слабы, то остаётся «голая» прагматика – оценка соотношения затрат и выгод. Между тем ослабление социальных стимулов, связанное с заметным истощением потенциала традиционной модели представительной демократии, заметно в последние десятилетия и в России, и на Западе.

Электронное голосование – шанс на возрождение прямой демократии или очередная «дорога к рабству»?

Цифровизация политической жизни – очевидный инструмент существенного снижения издержек участия в голосовании. С одной стороны, резко сокращаются издержки самого голосования: избирателю достаточно 10-и минут, чтобы авторизоваться на сервере «Госуслуги», сделать пометки на электронном бюллетене и отправить его в базу данных.

¹¹ Ещё до работы Э. Даунса было замечено, что вероятность оказать решающее влияние на голосование близка к вероятности попасть под машину по дороге на избирательный участок, а следовательно ожидаемые потери от участия в голосовании заведомо превосходят ожидаемые выгоды [Мюллер, 2007. С. 410-411].

С другой стороны, регулярное онлайн-чтение СМИ поддерживает высокую политическую включённость, облегчая рациональный выбор при голосовании.

Интернет-голосование облегчает и «завлечение» избирателя частными выгодами, что хорошо показали последние российские выборы, когда, например, московские участники Интернет-голосования автоматически становились участниками розыгрыша призов. Конечно, самые ценные призы получали очень немногие. Зато самые дешёвые призы¹² были массовыми, так что среди москвичей «призер» имелся в 2021 г. едва ли не в каждой второй семье, где голосовали электронно, а в 2022 г. ещё чаще¹³. Таким образом, российский опыт показал, что электронное голосование, совмещённое с лотереей призов, позволяет снижать почти до нуля издержки участия (уменьшать параметр C из формулы Даунса), одновременно обеспечивая вполне приличную ожидаемую частную выгоду (увеличивать параметр D)¹⁴.

Результаты этого первого в России широкомасштабного электронного голосования допускают две противоположные интерпретации.

С одной стороны, на развитие электронного голосования можно смотреть как на возможность частичного возвращения к прямой демократии, как в древних Афинах (см. обсуждение этой перспективы [Руденко, 2006]). Принципы прямой демократии получают шанс на «вторую жизнь», поскольку виртуальное голосование можно проводить очень быстро, часто и с минимальными издержками. Совершенствование «средств производства демократии» делает возможным не только частое проведение референдумов, но и, например, прямое волеизъявление граждан-налогоплательщиков о предпочитаемых направлениях использования бюджетов администраций разного уровня [Сурхаев, 2021]. Поскольку сохраняется главное ограничение на политическое участие, связанное с ограниченностью личных компетенций и желаний граждан, то «второго издания» прямой демократии по мере роста E-government следует ожидать в первую очередь на низовом (муниципальном) уровне. Ведь именно на этом уровне гражданин может получать от участия в выборах значимую и понятную общую полезность (иметь высокое значение параметра B из формулы Даунса) и с более высокой вероятностью (из-за меньшего количества голосующих) влиять на исход выборов (иметь высокое значение p).

С другой стороны, критическое обсуждение результатов первых в России широкомасштабных электронных выборов в 2021 г. показывает, что их развитие может вести к частичной регенерации не античной прямой демократии, а ещё более древнего «азиатского деспотизма». Критики сентябрьских выборов отмечают, что электронное голосование дало подозрительный результат – увеличение доли голосов за «Единую Россию» при снижении доли голосов за КПРФ (самого сильного оппонента партии власти)¹⁵. Это может объясняться тем, что в электорате КПРФ преобладают пожилые люди, компьютерно малограмотные, а «с пелёнок» компьютеризованные молодые специалисты часто

¹² В 2021 г. минимальный выигрыш составлял 10 тыс. баллов, на которые можно покупать продукты и т.д. по курсу 1 балл = 1 руб. В 2022 г. балльные выигрыши варьировались от 3 тыс. до 10 тыс.

¹³ На сервере «Миллион призов» сообщается, что среди принявших участие в дистанционном электронном голосовании 17-19 сентября 2021 г. «победителями стали 250.121 человек, среди которых 100 выигравших автомобили, 21 участник, выигравший квартиру, и 250 тыс. победителей, выигравших призовые баллы» (URL: <https://ag-vmeste.ru/events/5>). Поскольку в Москве электронно голосовало приблизительно 2 млн, приз получал примерно каждый 8-й из них. Во время выборов 9-11 сентября 2022 г. в столице «победителями стали 646.100 человек, среди которых 100 человек выиграла автомобиль и 646.000 выиграла призовые баллы» (URL: <https://ag-vmeste.ru/events/22>).

¹⁴ В частности, в Москве в 2021 г. ожидаемая полезность (сумма перемножений вероятности выигрышей на их величины) составляла около 1,5 тыс. руб.

¹⁵ Аналогичный сдвиг в пользу провластных кандидатов наблюдался и при электронном голосовании во время выборов в Московскую городскую думу в 2019 г.

работают в госструктурах и потому чаще лояльны к существующему режиму¹⁶. Но в принципе возможно и иное объяснение – что компьютеризация позволяет властям избавиться от контроля над «вбросами» голосов. Такое подозрение связано с тем, что механизм электронного голосования доступен только специалистам, причём по соображениям безопасности доступ к кодам специальных программ имеет очень узкий круг профессионалов, работающих на государство. Если принципиально нельзя «вручную» пересчитать голоса, доверие граждан к результатам электронного подсчёта голосов *очень* сильно зависит от доверия государственным институтам. А это доверие в современной России невысоко и имеет тенденцию к снижению. Причём Центральная избирательная комиссия пользуется среди других госинститутов едва ли не самым слабым доверием (по данным опроса в 2021 г., ей доверяли лишь 28% россиян [Латов, 2021. С. 165-170]). Поэтому результаты электронного голосования в современной России (независимо от того, насколько честно оно *на самом деле* проводятся) обречены становиться мишенью критики оппозиционных кругов. Такие подозрения в специально организованных властями искажениях (и даже фальсификациях) типичны, похоже, для *всех* стран, внедряющих электронное голосование (включая США) [Harris, 2004; Грачев, 2011], поскольку недоверие граждан к власти имущим – общемировая тенденция.

Итак, первое двадцатилетие внедрения качественно новых инструментов голосования показывает, что камнем преткновения являются не технические, а социальные факторы. Электронное голосование представляется вполне адекватным институтом для «грядущего постиндустриального общества», где основная масса населения станет «креативным классом» – людьми не только технологически грамотными, но и, самое главное, социально ответственными, с высоким человеческим и социальным капиталом. Но это общество и этот класс пока переживают лишь начальные стадии становления. Поэтому и новые «средства производства политической власти», технологии электронного голосования, пока ещё не столько решают старые проблемы, сколько генерируют новые.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Алескеров Ф., Ортешук П. (1995). *Выборы. Голосование. Партии* [Aleskerov F., Orteshuk P. (1995). Elections. Vote. Party]. – М.: Academia.
- Борисова А. (2019). Цифровые технологии в предвыборных кампаниях США [Borisova A. (2019). Digital technologies in the US election campaigns] // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 10. С. 59-66.
- Ван Рейбрук Д. (2018). *Против выборов* [Van Reybrook D. (2018). Against the elections]. – М.: Ад Маргинем.
- Грачев М.Н. (2011). Электронное голосование: «За» и «Против» [Grachev M.N. (2011). E-voting: the pros and cons] // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. № 1. С. 360-366.
- Заостровцев А.П. (2018). Экономисты об эффективности демократии: дискуссия на рубеже веков [Zaostrovstev A. (2018). Economists on the effectiveness of democracy: debate on the turn of the century] // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 8-27.
- Китсинг М. (2007). Факторы успеха в становлении электронного государства в Эстонии [Kitsing M. (2007). Explaining e-government success in Estonia] // *Политическая наука*. № 4. С. 97-122.
- Латов Ю.В. (2021). Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) [Latov Y.V. (2021). Institutional trust as a social capital in modern Russia (on the results of monitoring)] // *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 161-175.
- Лукин П.В. (2014). *Новгородское вече* [Lukin P.V. (2014). Novgorod veche]. – М.: Академический проект.

¹⁶ Более критическая интерпретация лоялизма молодых специалистов при электронном голосовании связана с предположением, что внедрение онлайн-голосования даёт возможность «начальству» напрямую контролировать, как голосуют их сотрудники (например, заставляя их голосовать прямо на рабочем месте) [Gritsenko Wijermars, Kopotev, 2021. P. 25].

- Мартышин О.В. (1992). *Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики* [Martyshin O.V. (1992). Volny Novgorod. Social and political system and the law of the feudal republic]. – М.: Российское право.
- Мюллер Д. (2007). *Общественный выбор III* [Mueller D. (2007). Public Choice III]. — М.: ГУ-ВШЭ.
- Нуреев Р.М. (2005). *Теория общественного выбора. Курс лекций: учебное пособие для вузов* [Nureev R.M. (2005). Public Choice Theory. Course of lectures: textbook for universities]. — М.: ГУ ВШЭ.
- Руденко В.Н. (2006). Новые Афины, или Электронная республика (О перспективах развития прямой демократии в современном обществе) [Rudenko V.N. (2006). New Athens, or electronic republic (on prospects of direct democracy development in modern society)] // *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 7-16.
- Суриков И.Е. (2006). *Остракизм в Афинах* [Surikov I.E. (2006). Ostracism in Athens]. – М.: Languages of Slavic Cultures]. – М.: Языки славянских культур.
- Сурхаев И.Д. (2021). Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню открытости бюджетных данных как инструмент повышения качества управления общественными финансами [Surkhaev I.D. (2021). Rating of the constituent entities of the Russian Federation by the level of openness of budget data as a tool for improving the quality of public finance management] // *Мировой финансовый рынок и Россия*. Т. 2. Отв. ред. Е.А. Звонова, А.Г. Глебова. — М.: КНОРУС.
- Федоров В.И. (2017). Электронное голосование: идея фикс или основа демократии будущего [Fedorov V.I. (2017). Electronic voting: a fix idea or the basis of future democracy] // *Гражданин. Выборы. Власть*. № 1-2. С. 170-183.
- Федоров В.И. (2019). Дистанционное электронное голосование и явка избирателей: опыт Эстонии и Москвы [Fedorov V.I. (2019). Remote Electronic Voting and Voter Turnout: The Experience of Estonia and Moscow] // *Избирательное законодательство и практика*. № 4. С. 37-42.
- Федоров В.И. (2020). Проекты по автоматизации голосования в исторической ретроспективе [Fedorov V.I. (2020). Projects for the automation of voting in a historical perspective] // *Гражданин. Выборы. Власть*. № 1 (15). С. 34-55.
- Федоров В.И., Ежов Д.А. (2021). Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации [Fedorov V.I., Ezhov D.A. (2021). Evolution of electronic voting in Russia: problems of classification and periodization] // *Вестник Московского государственного областного университета*. № 1. С. 146-162.
- Федоров В.И., Ежов Д.А. (2022). Особенности репрезентации дистанционного электронного голосования в сознании российского электората: результаты анализа социальных медиа [Fedorov V.I., Ezhov D.A. (2022). Features of remote electronic voting representation in the minds of the Russian electorate: results of social media analysis] // *Вестник Московского государственного областного университета*. № 1. С. 65-83.
- Cheeseman N., Klaas B. (2019). *How to Rig an Election*. – New Haven, London: Yale University Press.
- Downs A. (1957). *An Economic Theory of Democracy*. – N.Y.: Harper.
- Electronic Voting and Democracy. A Comparative Analysis* (2004). / Eds. N.Kersting, H.Baldersheim. – Basingstoke: Macmillan Publishers Ltd.
- Gibson J.P., Krimmer R., Teague V., Pomares J. (2016). A review of E-voting: the past, present and future // *Annals of Telecommunications*. Vol. 71. P. 279-286.
- Harris B. (2004). *Black Box Voting: Ballot Tampering in the 21st Century*. Renton, WA.
- McGaley M. (2008). E-voting: an immature technology in a critical context // *Maynooth University Research Archive Library*. URL: <https://mural.maynoothuniversity.ie/1486/1/mmcgaley-phdthesis08.pdf> (accessed 14.09.2022).
- Saltman R.G. (2006). *The history and politics of voting technology: in quest of integrity and public confidence*. – N.Y.; Basingstoke, Hants.: Palgrave Macmillan.

Нуреев Рустем Махмутович

nureev50@gmail.com

Rustem Nureev

Dr. Sci. (Econom.), Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Economic Theory Financial University under the Government of the Russian Federation Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

nureev50@gmail.com

Латов Юрий Валерьевич

latov@mail.ru

Yury Latov

Dr. Sci. (Sociol.), Senior Researcher Institute of Sociology FCTAS RAS

latov@mail.ru

Сурхаев Ислам Даниялович

surkhaevislam@mail.ru

Islam Surkhaev

Expert at the Scientific Research Institute of the Ministry of Finance of Russia, Postgraduate student at the Department of Economic Theory Financial University under the Government of the Russian Federation

**INTERFERENCE OF VOTING MEANS AND POLITICAL RELATIONS
IN PERSPECTIVE FROM PRE-INDUSTRIAL TO POST-INDUSTRIAL SOCIETY**

Abstract. The influence of the development of voting tools (from the «voice» itself to material media and to the Internet) on the development of elections as a socio-political institution is considered. The analysis is based on institutional approaches – in particular, the concepts of theories of post-industrial society and public choice (in particular, Downs' formula). To detail the pro/contra of voting mechanisms, three specific historical case-studies are considered – the veche of medieval Veliky Novgorod, ostracism in ancient Athens and electronic voting in modern Russia. Although the general trend in the development of voting technologies is progressive, expanding the number of voters and the menu of issues to be resolved, when these technologies change, there are both certain losses and costs of changing the «rules of the game». The main attention is paid to the digitalization of elections at the beginning of the XXI century and the conflicting implications of this shift. On the one hand, digitalization of voting offers a chance for a partial revival of direct democracy. However, on the other hand, at present, electronic voting is a trusting good for Russians, the usefulness of which directly depends on the trust in the organizers of the elections.

Keywords: *voting media, institutional analysis, socio-political history, digital economy, public choice, vote manipulation.*

JEL Classification: D72, B52.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нуреев Р.М., Латов Ю.В., Сурхаев И.Д. Взаимовлияние средств голосования и социально-политических отношений в перспективе от доиндустриального к постиндустриальному обществу // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 1. С. 46–59. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_46_59.

FOR CITATION: Nureev R., Latov Y., Surkhaev I. Interference of voting means and political relation in perspective from pre-industrial to post-industrial society // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 1. Pp. 46–59. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_46_59.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.М. Плискевич

старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РУБЦЫ В «ПОГРАНИЧНЫХ» ОБЩЕСТВАХ (Часть 2. Институциональные рубцы в истории российской трансформации и изменения ценностных ориентаций)

Аннотация. В статье анализируются последствия одной из стратегий догоняющего развития — попытки наверстать отставание с помощью модернизационных рывков мобилизационного типа. В результате, если в какой-то степени преодолевается отставание в технологической области, то сопутствующие ему институциональные и особенно культурные преобразования, как требующие глубоких изменений в социальной сфере и большего времени, неизбежно запаздывают. Потому внедряемые институты, попавшие в чуждую им среду, искажаются, более того, в ходе своей деформации приобретают свойства, позволяющие укреплять старую институциональную систему. В институциональной ткани общества образуются институциональные рубцы, незнакомые странам эволюционного развития и требующие особого внимания в ходе дальнейших попыток модернизации. В первой части работы (ВТЭ, 2022. №3) показано, что для таких стран, как Россия, в процессе формирования институциональных рубцов важную роль приобретает само их положение как «пограничных» между цивилизационными образованиями разных типов. Во второй части приводятся примеры формирования институциональных рубцов в многовековой истории России. Рассматриваются проблемы современной российской институциональной среды в связи с эволюцией ценностных ориентаций россиян на основе данных Европейского социального исследования. Показано, что ценностная структура России последних десятилетий существенно меняется. Она, с одной стороны, вписывается в общеевропейскую ценностную картину, но с другой — проводимая политика и подкрепляющие её институты способствуют не только размыванию социально ориентированных ценностей, но и увеличению доли носителей индивидуализма, причём агрессивного адаптационного, а не созидательного как основной части ценностей, подкрепляющих экономический рост.

Ключевые слова: институциональная структура, институциональный рубец, «пограничная» цивилизация, модернизация, мобилизационный рывок, общество, ценностная структура, человеческий потенциал.

JEL: A12, A13, B00, B15, B52.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_60_82.

Успешность модернизационных преобразований в обществах «догоняющего развития» зависит прежде всего от людей (причём представляющих не только «верхи», но и «низы»), увидевших в них путь к качественному улучшению своего положения. А это обусловлено и состоянием институциональной среды; тем, насколько в предшествующий период удалось «размягчить» жёсткость институциональных структур «порядков ограниченного доступа» [Яковлев, 2020], а также эволюцией, проделанной ценностной системой, её направлением, появлением новых приоритетов. В этом процессе важно, чтобы изменения как институтов, так и ценностей поддерживали друг друга вне зависимости от того, изменения в какой сфере стали первоисточником.

Поэтому представляется непродуктивной развернувшаяся в 2010-х гг. полемика между рядом ведущих экономистов-институционалистов и исследователями культуры и ценностей о первичности именно их исследовательского компонента в системе изучения модернизационных процессов. Наибольший интерес в последние годы вызвала полемика между такими видными теоретиками обоих направлений, как Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон, с одной стороны, и Р. Инглхарт и К. Вельцель — с другой. Если первые чётко придерживаются принципа первичности в истории экономического развития разных стран институтов двух типов — экстрактивных и инклюзивных [Аджемоглу, Робинсон, 2016], то вторые полагают, что источник институциональных изменений следует искать в эволюции ценностных представлений членов того или иного сообщества [Вельцель, 2017; Инглхарт, 2018].

Нельзя не отметить глубокую критику данной полемики в работах В.М. Полтеровича [Полтерович, 2018а; Полтерович, 2018b]. В ней выделены как сильные, так и слабые стороны рассуждений представителей обоих направлений. По сути, основную причину слабости анализа как тех, так и других Полтерович видит в абсолютизации именно своего направления, в то время как и институты, и ценности встроены в гораздо более богатый и разнообразный социокультурный контекст. В частности, представляется справедливым упрёк К. Вельцеля, утверждающего, что институты — лишь «результат, а не причина» [Вельцель, 2017. С.17], что обедняет его собственный качественный анализ, а потому и методологию количественных исследований [Полтерович, 2018а. С. 18–19].

Разумеется, история многих стран даёт примеры того, как под воздействием ценностных изменений либо всего общества, либо его властной элиты менялась институциональная структура. Но есть и обратные примеры того, как в ходе исторического развития сами потребности общества диктовали необходимость эволюционных изменений сначала неформальных, а затем и формальных институтов. И только потом, под воздействием изменившихся условий жизни начинали меняться и ценностные представления достаточно широких кругов такого общества, поддерживая и укрепляя идущие институциональные изменения. Такие ситуации возникают, например, когда элиты всерьёз настроены на глубокое реформирование общества и выстраивают новую институциональную структуру, направленную на поддержание благосостояния не только «верхов», но и всех слоев общества. И наоборот, консервация старых институтов, их укрепление с помощью извращённо применяемых новых институтов (что и формирует институциональные рубцы [Плискевич, 2022]) тормозит ценностные изменения. То есть для успеха реформ, ослабления сопротивления им важно изучать ценностные предпочтения масс, включать в стратегию реформ методы воздействия на их эволюцию в нужную подлинным реформаторам сторону с помощью формирования институциональной системы, способствующей укоренению в обществе ценностных предпочтений, адекватных целям модернизации.

Поэтому важно преодоление границ в исследованиях не только институциональных и ценностных аспектов жизни общества, но также и акцента на анализе ценностей и мотивационного поведения «верхов» при пренебрежении тем, что творится в «низах». На это, в частности, указывал Р. Инглхарт также в полемике с видными исследователями-инсти-

туционалистами. Он особо отмечал, что «недостаточно фокусироваться только на элитах (в чём Инглхарт упрекает Д.Аджемоглу и Д.Робинсона. — Н.П.) — важнее изучать процессы, происходящие на уровне масс» [Инглхарт, 2018. С.195]¹. При этом отмечается парадокс, появившийся в начале процесса посткоммунистической трансформации. Р. Инглхарт пишет: «...борьба в это время в основном сосредоточилась не вокруг экономического перераспределения, а вокруг политической свободы. Поразительно, что демократизация в бывшем коммунистическом мире *не* была мотивирована массовым запросом на большее экономическое равенство, и власть перешла от элит, делавших акцент на экономическом равенстве, к группам, которые подчёркивали важность экономического равенства в *меньшей* степени» [Инглхарт, 2018. С.195].

В то же время нельзя не отметить, что пренебрежение процессами имущественного расслоения со стороны новых властей, не способных создать действенные заслоны или для незаконного перераспределения собственности, или для её перераспределения «на грани» закона, ухудшение положения большинства населения, неизбежно связанное с реформированием, быстро привели к изменению общественных настроений. Если ранее население связывало причины своего неудовлетворительного положения со старыми порядками, то с началом реформ в глазах большинства основной причиной всех бед стали действия реформаторов. В целом различие результатов реформ в постсоциалистических странах коррелирует со степенью укоренённости прореформенного ценностного компонента в массовых слоях. Там, где он был достаточно силён, люди смогли перенести трудности самого сложного, первого, этапа реформ и перейти к дальнейшему их развитию. В случаях же слабости ценностных предпосылок фактор экономических тягот и связанных с реформами структурных и социальных изменений в жизни общества происходил резкий поворот в массовых настроениях к контрреформенному. Это вынуждало даже реформистски настроенные власти тормозить все процессы, что в итоге обычно приводило к их консервации, как правило, в ситуации, наиболее удобной для группы «промежуточных выгодоприобретателей» [Hellman, 1998].

Из всего этого можно сделать вывод, что при анализе предреформенной ситуации и разработке программы предстоящих реформ, как и в случае концентрации внимания лишь на одной составляющей пары «институты — ценности», нельзя ограничиваться исследованием процессов, происходящих в элитных слоях. Особенно в ситуации, когда в обществе запрос на стабильность и на «ценности выживания» (по Инглхарту) начинает сменяться запросом на развитие, массовой неудовлетворённостью существующими порядками. То есть для определения подготовленности общества к переменам важно учитывать не только «пороговые условия для элит», но и «пороговые условия для общества» [Плискевич, 2013].

Работа Д.Норта, Дж. Уоллиса и Б.Вайнгаста также рассматривается обычно с чисто институционалистских позиций, хотя и в своих более ранних работах Норт обращал внимание на ценностный аспект проблемы, на влияние общекультурного контекста на институциональную структуру, в частности, на обусловленное и этим соотношение формальных и неформальных институтов. Более того, он стремился рассматривать и ценности людей, и институты в единстве. Например, человеческий капитал он трактовал как «объём имеющихся у людей знаний, их убеждения, а также институты, создаваемые ими на основе этих убеждений». Он видел, что «культурное наследие формирует искусственную

¹ Интересно, что в 2000-х гг. Д. Асемоглу (Аджемоглу) и Дж.Робинсон критиковали Д.Норта и его коллег в ограничении анализа борьбой элитных кланов и пренебрежении массами, под давлением которых элиты вынуждены сдавать свои позиции и делиться властью [Acemoglu, Robinson, 2006; Асемоглу, Робинсон, 2011]. На это от Норта и его коллег был получен ответ, что и реформы, осуществляемые под давлением «снизу», также несут в себе фактор внутриэлитных противоречий. Возмущения использовались победителями во вновь складывающихся внутриэлитных коалициях [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С.408–410]. Любопытно, что затем в книге о причинах богатства или бедности разных стран Аджемоглу и Робинсон уже концентрируют внимание как раз на элитах и, по сути, пренебрегают изменениями в настроениях масс.

структуру (убеждения, институты, инструменты, технологии), которая играет не только существенную роль в определении тех непосредственных выборов, которые делаются игроками в обществе, но и даёт им ключи к динамическому успеху или поражению обществ во времени. В сущности, чем богаче искусственная структура, тем ниже степень неопределённости процесса принятия решений в некоторый момент времени. В исторической перспективе чем богаче культурный контекст в смысле предоставления возможностей для разнообразных экспериментов и творческой конкуренции, тем больше шансов на успешное выживание имеет общество» [Норт, 2010. С. 79, 61].

Поэтому представляется, что трактовать работу Норта, Уоллиса, Вайнгаста как сугубо институциональную, связанную с эволюцией институциональной системы насилия, значит существенно обеднять её содержание. Не говоря о богатом историческом контексте работы, стоит заметить, что сами сформулированные в ней «пороговые условия» для элит [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С. 76] не сводятся к проблеме перестройки институтов. Они предполагают для достижения этих условий определённую ценностную эволюцию элит или, по крайней мере, передовой их части.

Как отмечалось в первой нашей статье, специфика «пограничных» обществ связана с их особой восприимчивостью не только к технологическим, но и, что особенно важно, к идейным веяниям, идущим от соседей. При этом сила влияния разных сопредельных сообществ в ходе истории может резко меняться. В результате в «пограничном» обществе оказываются переплетёнными веяния разных сторон, хотя формирующееся при этом многообразие складывается в особого рода единство, где эти веяния могут сосуществовать. Однако при переходе определённого уровня напряжённости между противостоящими друг другу идеологемами «взаимоупор» (по Аверинцеву) может не выдержать, и тогда происходит революционный взрыв. Такая ситуация ставит особые проблемы в познании процессов осмысления окружающего мира членами этого сообщества — как элитами, так и массами. Этим был озабочен А.С. Ахиезер, особо подчёркивавший важность совершенствования методологии осмысления «познания переходных процессов, в частности, переходных, промежуточных цивилизаций, осмысления современного мира как переходного, процессов, ведущих к возникновению нового качества». Он отмечал, что «динамика культуры происходит между, с одной стороны, углублением, расширением способности человека к осмыслению, развитию медиации², совершенствованию синтеза, поиску меры, что можно рассматривать как развитие культуры, её прогресс, и с другой стороны — архаизацией, т.е. активизацией казалось бы исчезнувших пластов культуры, связанных с ушедшим более простым миром, с антимедиацией, т.е. разрушением достигнутого уровня медиации, что можно рассматривать как регресс» [Ахиезер, 2006. С. 425, 434]. Поэтому учёного постоянно волновали проблемы, возникающие в сфере «между» и их осмысление. В данной же работе для углубления понимания проблем возникновения институциональных рубцов в «пограничном» обществе важно рассмотреть как изменения институциональной структуры России на разных этапах её развития, так и эволюцию ценностной структуры российского общества, особенно в последние годы.

Институциональные рубцы в российском «пограничном» обществе

О том, что Россия давно воспринимается как «пограничное» общество и государство, свидетельствуют, например, такие её характеристики, как Евразия или Азиопа. Это отражается и в общественном сознании. Стоит вспомнить и имеющую историю, выходящую за пределы одного-двух веков, полемику разного рода «западников» и «славянофилов», которая обретала в каждый исторический период особую форму, но не теряла своей сути.

² О понятии «медиация» у А.С.Ахиезера подробнее см. [Ахиезер, 1998].

Правда, нельзя забывать и о том, что в первоначальный период существования общественных систем на Восточно-Европейской равнине на первый план выходили другие координаты — влияние Севера, идущее прежде всего из Скандинавии, и Юга — половецких, тюркских племен. То есть господствовала ось влияния «Север — Юг». В неё, впрочем, вплетались и западные влияния (и через Византию, и через других восточно-европейских соседей), и восточные (не только через связи со степняками, но и через торговлю со странами Востока, через «волжский путь»). Однако в те века сам архаичный уровень развития большинства взаимодействующих стран и во многом близкая картина их институциональной структуры не позволяет говорить, что такие взаимодействия приводили к возникновению особых институциональных заимствований, ведущих к появлению институциональных рубцов в ходе отечественного развития. Можно, конечно, ставить такой вопрос в связи с принятием православия, но в те времена господство на Руси языческих традиций создавало свои проблемы в продвижении новой веры, и, думается, сама ситуация не способствовала существенному внешнему воздействию на институциональную структуру.

Серьёзный удар по ней был нанесён позже в связи с монголо-татарским нашествием. Перенимались привнесённые Ордой институциональные принципы, на базе которых стало складываться Московское государство. (Стоит также отметить, что сами эти принципы властного управления, в свою очередь, были заимствованы монголами из ранее захваченного ими Китая.) Но это влияние, воспринятое прежде всего властными элитами, а также остальным населением, видевшем в складывающейся системе институтов наиболее эффективный способ защиты от сильного врага, стало основой формирования первого институционального рубца в российской истории. Этот рубец прочно встроился в институциональную структуру российского общества.

В течение веков он способствовал сначала формированию, а затем и укреплению такой его черты, как самодержавие. Его укрепление связано с самим историческим контекстом, в котором внешняя сторона была сначала связана с формами сосуществования с внешним врагом — Ордой, а затем с борьбой с ним. Внутренняя же сторона была обусловлена существовавшей параллельно междоусобной борьбой разных княжеств, в которой чем дальше, тем увереннее одерживали верх те, кто более успешно перенимали ордынские властные порядки³.

В то же время нельзя не отметить ещё одну особенность, связанную с формированием российского государства под воздействием внедрённого в его структуру привнесённого институционального фактора (рубца). Наше государство формировалось не «снизу», в результате естественного развития процессов его складывания в обществе в целом — и в «верхах», и в «низах». Многие ныне неразрывно связанные с его спецификой структуры в длившейся не один век ситуации навязывались обществу «сверху» наиболее удачливыми и связанными с Ордой элитными группами. Результатом стали не только линия на укрепление самодержавия, по сути действующая по сей день, но и глубокое отчуждение власти, государства, и общества, а также вызванное этим взаимное недоверие «верхов» и «низов», блокирующее и сегодня многие модернизационные начинания.

Среди особенностей российского общества, веками мешающих его эволюции в сторону модернизации, затрагивающей не только технологические, но и более глубокие социокультурные пласты, помимо самодержавия обычно называют крепостничество. Но если

³ То, что в ходе исторического развития Московского государства, а затем и Российской империи мы имеем дело с глубоким институциональным рубцом, образовавшимся под воздействием привнесённого влияния, а не исконных особенностей местной культуры, говорят многие факты. Это и обычаи и порядки покорённых Московским княжеством земель — от Тверской до Псковской и Новгородской, и долгое существование рядом с Москвией другого государственного образования — Великого княжества Литовского, в значительной степени заселённого культурно родственными славянами, и порядки в пограничных землях, заселённых казаками.

рассматривать историю его развития, вряд ли можно найти тот привнесённый фактор, который изначально способствовал бы в данном случае формированию институционального рубца. Здесь скорее речь может идти о географических особенностях нашей страны, возможностях «раздвижения» её границ и связанном с этим предоставлением вновь осваиваемых земель служилым людям. Эту особенность развития аграрных отношений и, соответственно, форм крепостной зависимости в России, качественно отличавшей её от европейской ситуации, отметил А.А. Аузан. Он писал, что в Европе именно земля, а не человек была редким ресурсом, в России же как раз земельный потенциал стал избыточным ресурсом, а потому было особенно важно закрепить за ним редкий ресурс — человека [Аузан, 2007а. С. 56]. Такая практика была характерна не только для XVI–XVII вв. Она широко использовалась и в XVIII–XIX вв.

В то же время в связи с крепостничеством обращает на себя внимание процесс, который можно охарактеризовать как формирование институционального рубца уже в начале XVIII в. Для петровской мобилизационной модернизации потребовались новые заводы для создания военно-ориентированного производства. Тут нужен был новый тип организации производства, прежде всего в таких отраслях, как металлургия. Но такая организация требует времени. Мобилизационные идеи Петра I опирались на привычные для него принципы крепостничества. Потому с организационной и социальной стороны весь процесс был существенно иным, нежели в странах Запада, даже тех, где главенствовал абсолютизм. И это различие, обусловленное спецификой отечественных крепостнических порядков, равно как и соответствующих им ценностных представлений, органичных и для самих реформаторов, породило качественное различие в процессах формирования промышленного производства на Западе и в России. Об этом также писал А.А. Аузан, подчёркивавший различие в действиях Кольбера во Франции XVII в. и Петра I. Кольбер использовал насилие, «чтобы загнать люмпена в систему наёмного труда». Петр же применял насилие, «чтобы, оставляя крестьян в крепостном состоянии, свести их с традиционного для них земледелия, переместить на другие объекты, приписать к заводам» [Аузан, 2007б. С.417]. То есть, если первоначально отношения крепостничества в России развивались в эволюционном русле с учётом специфики географической ситуации, то начиная с XVIII в. в связи с переносом в страну новых форм производств, не подкреплённых соответствующими им социокультурными изменениями, институциональная структура вынуждена была приспособлять к новым задачам старые институты. В результате образовался новый институциональный рубец, наложивший отпечаток на дальнейший путь развития отечественного промышленного производства.

Если в XIII–XV вв. на нашей «пограничной» территории основное влияние шло с Востока, то в последующие века всё более стали проникать веяния с Запада. Начали налаживаться торговые связи, западные военные новинки помогали в борьбе с восточными соседями. В крупных центрах формировались «немецкие слободы». К тому же с этого периода Московское царство, с одной стороны, начинает ощущать для себя большую военную угрозу уже не с Востока, а с Запада, а с другой — и само осуществляет экспансионистские планы уже в западном направлении. Это обусловило начало импорта институтов из западных государств, который уже тогда осложнялся зависимостью от предшествующего развития. Данные процессы Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов характеризуют так: «С одной стороны, с XVII в. политическая элита России систематически (хотя и с «откатами») предпринимала попытки капиталистической модернизации, ориентируясь на институты Западной Европы. С другой стороны, сильная зависимость от институтов власти-собственности ограничивала возможности реформирования, генерировала противоречивое сочетание и прозападных, и провосточных тенденций» [Латов, Нуреев, 2017. С.29].

И хотя провосточные институты, образующие систему власти-собственности, господствовали и, более того, в их поддержании были заинтересованы властные элиты,

на первый план всё более выдвигались задачи военного соревнования с западными соседями. Это заставляло заимствовать и западные технические новинки, и элементы образа жизни, которые в условиях «пограничья» достаточно легко (хотя и крайне выборочно) усваивались. В.О. Ключевский, в частности, отмечал: «Мы видели частичные нововведения и среди них заимствования с Запада при деде, отце, старшем брате и сестре Петра. Ещё важнее, что уже до Петра начертана была довольно цельная преобразовательная программа, во многом совпадавшая с реформами Петра, во многом шедшая дальше её». Важно также, что над этой программой «думали умы нового склада, успевшие вырваться из древнерусского круга понятий» [Ключевский, лекция 68]. С точки зрения В.О. Ключевского, весь XVII в. был эпохой, подготавливавшей петровские преобразования, когда многие выдающиеся умы «не только создали атмосферу, в которой вырос и дышал преобразователь, но и начертали программу его деятельности, в некоторых отношениях шедшую дальше того, что он сделал» [Ключевский, лекция 58; Плискевич, 2016].

Такие размышления, более того — намётки конкретных действий с учётом особенностей российской цивилизации как «промежуточной», дают основание предположить, что при плавном эволюционном развитии влияние на неё западных ценностей и институтов постепенно возрастало бы, а институциональный рубец восточного происхождения стал бы постепенно рассасываться. Хотя, конечно, история не имеет сослагательного наклонения, а указанные прозападные тенденции, без сомнения, сталкивались бы с жёстким противостоянием им носителей провосточных тенденций. Но, как показывает наша же история, попытка внедрения новых институтов в ходе мобилизационного модернизационного рывка не только не ослабляет старые рубцы и присущие им неэффективные связи, но накладывает на них новые рубцы. Это и деформирует вновь внедряемые институты, и парадоксальным образом укрепляет сложившуюся институциональную структуру с вросшими в неё старыми институциональными рубцами. По сути, стратегия мобилизационного реформирования и в истории, и в наши дни не соответствует требованиям общей теории реформ, предложенной В.М. Полтеровичем. А Е.В. Балацкий особо подчёркивает, что «именно насильственный характер всех реформ лежит в основе их влияния на культурные коды и формирование социальных издержек реформ» [Балацкий, 2021. С. 107]. В результате, когда мобилизационный импульс выдыхается, общество получает институты, деформированные в ходе их внедрения и общей социокультурной основой, и интересами тех «промежуточных выгодоприобретателей», оказавшихся во главе преобразований и поощрявших те искажения, которые способствовали перераспределению богатств страны в их пользу.

И если сегодня анализировать петровские реформы, то нельзя не признать, что, с одной стороны, они ознаменовали резкий поворот страны к Западу, его военно-техническим и организационным достижениям, внедрение прежде всего в дворянский и городской быт форм жизни, сходных с западными образцами. Но с другой стороны, мобилизационные петровские преобразования не могли не опираться на традиционалистский институциональный и культурный фундамент, и прежде всего на те институты, которые служили его основой, — самодержавие и крепостничество. Возник парадокс: институты, которые как раз сдерживали развитие общества, стали использоваться для его принудительного ускорения. А так как в подобной ситуации старый институт должен быть укреплен и к тому же ему желательно было придать новую форму, то в его теле образовывался новый институциональный рубец.

В российской ситуации периода петровских реформ таким новым институциональным рубцом можно признать укрепление самодержавной власти заимствованными с Запада моделями бюрократического управления. По мнению исследователя различных форм бюрократических систем управления А.В. Оболонского, «Петр I “обогатил” отечественную “почвенную” традицию необузданного деспотизма власть имущих рационализаторскими механизмами деспотизма западного. Идеалом его было, как он сам выражался, регулярное — правильное — государство. Идеал “регулярного государства” вначале имел

известные резоны, но очень скоро породил одно из основных зол и вместе с тем основных черт русской жизни — бюрократию» [Оболонский, 1997. С. 66].

Такое «укрепление» механизмов самодержавия ещё больше расширяло пропасть между государством и обществом, усиливало их взаимное недоверие. Созданное Петром государственное устройство, хотя и надёжно защищалось системой законов, указов, приказов, само их обилие парадоксальным образом оборачивалось хаосом, в котором чиновник мог успешно лавировать, используя данные ему полномочия в своих интересах. А это — свидетельство слабости государства, хотя внешне, как кажется, самодержавное государство должно олицетворять силу. Но не случайно с давних времён о нём (равно как и о наследовавшем самодержавию советском государстве) говорилось, что здесь «строгость законов компенсируется необязательностью их исполнения». Тут мы видим ещё один парадокс сложившихся как следствие нового институционального рубца порядков, при которых *de facto* прерогативы «самодержавной власти» оказываются перехвачены чиновниками. Это нашло свое отражение и в языке. Как отмечает Ю.М. Лотман: «Слово “чин”, по сути дела, разошлось в значении с древнерусским “порядок”, ибо подразумевал упорядоченность не реальную, а бумажную, условно-бюрократическую» [Лотман, 1994].

Советский срыв процессов эволюционного развития России породил условия для формирования нового институционального рубца. Причём его корни стоит искать в использовании не только уже укоренившейся в ходе многовекового развития институциональной специфики системы, но и институтов западного происхождения, сформированных в условиях Первой мировой войны, равно как и западной же по происхождению марксистской идеологии. Об этом свидетельствуют, в частности, предреволюционные работы В.И. Ленина, который строил новое государство согласно сложившимся в тот период представлениям о государственно-монополистическом капитализме как полнейшей материальной подготовке социализма. Этот дополнительный рубец на институциональном каркасе страны, связанный прежде всего с практически полным обобществлением собственности на средства производства, по сути, углублял воспринятое ранее восточное влияние, хотя его строители использовали для этого идеи и методы, привнесённые с Запада, пусть и проявившиеся там в экстремальных военных условиях.

Основу советской экономической конструкции составляла так называемая «общенародная (государственная) собственность» на средства производства, как она именовалась и в Конституции СССР, и во всех официальных документах. В этой собственности как проявлении нового институционального рубца воплотилось предельное сращение власти и собственности, отчуждение всех членов общества от средств производства (включая и так называемую номенклатуру, которая, хотя и обладала некоторыми полномочиями по распоряжению и пользованию собственностью, но не владела ею) и переход всех прав собственности к некой надличностной властной структуре — партии-государству. Неслучайно учёные так и не смогли чётко определить, кто является истинным собственником средств производства. В работах последних социалистических и постсоциалистических лет эта собственность называлась то «государственной», но не «общенародной» [Кузьминов, Набиуллина, Радаев, Субботина, 1988], то просто «ничьей» [Ясин, 2002; Экономические субъекты...2003; Грегори, 2008], то собственностью номенклатуры [Восленский, 1991], то ей давались разные характеристики в зависимости от угла зрения, под которым проводился анализ [Корнаи, 2000] — подробнее: [Плискевич, 2006. С. 71–74].

Такую неопределённость можно объяснить тем, что само появление данного варианта собственности являлось новым институциональным рубцом, причём наложенным на институциональную конструкцию, уже осложнённую предшествующими рубцами. Важно, что «общенародная (государственная) собственность», если и давала какие-то преимущества функционированию экономики в экстремальных мобилизационных условиях (причём для её поддержания требовались столь противоречивые «стимулы», как энтузиазм

и страх), то с ослаблением экстремальности ситуации её эффективность резко снижалась. Это выразалось и в падении темпов роста экономики, и в резком росте так называемого «незавершенного строительства», и в катастрофическом отставании от потребностей населения производства предметов потребления и сферы услуг. Последнее породило ещё один институциональный рубец на теле советской хозяйственной структуры — теневую экономику. Её развитие, хотя и покрывало существенную часть потребностей населения, тем самым смягчая общую социально-экономическую ситуацию, одновременно порождало не только у включённых в неё, но и у тех, связанных с ней «легальных» хозяйственников и части представителей силовых структур особую деловую культуру. Она строилась именно на неформальных теневых отношениях и уклонении от всяких обязательств перед государством. Впоследствии носители этой этики в немалой степени способствовали созданию проблем у постсоциалистического государства.

Общему кризису системы способствовало и то, что во второй половине XX в. активизировались процессы, названные тогда научно-технической революцией. СССР стремился быть в авангарде технологических изменений. Однако *de facto* это удавалось реализовывать в достаточно узкой области, связанной в первую очередь с разработками в военно-технической и, как производной от нее, сфере освоения космоса. (Хотя и в этой сфере такой, например, институционально закреплённый показатель, как «план по валу», блокировал попытки инноваций, так как от выполнения этого показателя зависело благополучие и предприятия в целом, и его работников, а качественная модернизация обычно связана с временной приостановкой производства, чему директора, да и весь коллектив всячески противились).

В то же время иные области производства всё более отставали от передовых образцов. А так как со многими из них была связана и приоритетная — военно-техническая — сфера, то и она всё больше ощущала проблемы, вытекающие из общей структурной разбалансированности экономики. Свою лепту в углубление кризиса вносил и всё более значительный отход от уже упомянутого принципа соответствия. Старые институциональные структуры и соответствующий им социокультурный уровень становились тормозом экономического развития, блокиратором на пути возможных технологических прорывов.

Возникла проблема необходимости демонтажа старой системы, и в частности ликвидации встроенных в неё долголетних институциональных рубцов. Требовалась чёткая экономическая политика, основанная на осознании того, какие дефекты институциональной структуры необходимо ликвидировать или, по крайней мере, смягчить. Важно, чтобы у государства, вступившего на этот путь, было достаточно инструментов, ресурсов, чтобы проводить такую политику. Одновременно требуется и соответствующая эволюция прежней деловой культуры, выработка у значительной части общества новой ценностной структуры, способствующей массовому отказу от тех ценностей и норм, которые связаны с институциональными рубцами. Надо признать, что это долгий эволюционный процесс.

Стоит напомнить, что в дореволюционной России XIX — начала XX в. более полувека шёл медленный процесс эволюционного развития, в ходе которого постепенно смягчались более жёсткие нормы, связанные с институциональными рубцами, медленно формировались новые ценности и институты. Этот процесс был прерван экстремальными политическими обстоятельствами, обусловленными Первой мировой войной. В то же время сам факт срыва эволюционного процесса способствовал активизации старых ценностных представлений, попавших в резонанс с выдвинутыми в революционных условиях мобилизационными нормами, оказалось возможным укрепление нового, советского, институционального рубца.

Выход из него теоретически также должен был быть осторожен и достаточно длителен. Однако тут сама сущность институциональной конструкции, на которой покоилась советская институциональная система, — «общенародной (государственной) собственности» и ее надличностного собственника — партии-государства, обуславливала дополнительные сложности, вызванные прежде всего тремя обстоятельствами:

1) население практически было лишено собственности, а уровень жизни каждого был связан его местом в официальной иерархической структуре с её способами распределения благ либо местом в параллельной неофициальной «теневой» сфере;

2) начавшиеся процессы привели к размыванию прав советского собственника на средства производства — партии-государства;

3) начавшиеся процессы демократизации общества одновременно подтачивали самые основы советской государственной конструкции, т.е. реформы стало осуществлять слабое государство, неспособное выстроить новую систему поощрений для выполняющих требования новых порядков и санкций к их нарушителям.

Причём всё это складывалось в среде, где господствовали недоверие к государству, разочарование в господствовавших ранее псевдоколлективистских структурах, проявление агрессивного адаптационного индивидуализма. В результате уже первые новые законы, ознаменовавшие переход к новым порядкам (и закон о государственном предприятии (объединении), и закон о кооперации, и закон об индивидуальной трудовой деятельности, и закон об аренде, и др.), дали толчок процессам перехватывания той собственности, которая стремительно теряла своего патрона — партию-государство. Власть же, вместо того чтобы уже на первых этапах реформ укрепить собственность именно как государственную, или устранилась от идущих процессов, или сама участвовала в них. Об этом, в частности, вспоминал В.Л. Тамбовцев, характеризуя процессы, которые были запущены вышеназванными законами, как «спонтанную номенклатурную приватизацию», прервать которую можно было только переходом «к нормальной частной собственности, к нормальной приватизации» [*Девяностые...2019. С.128-129*].

Поэтому было принято решение о быстрой чековой приватизации. Сам ход приватизационных процессов (и стихийных, и легальных) был продиктован конкретной социально-политической ситуацией, а также слабостью государства, неспособного справиться с проявлениями агрессивного адаптационного индивидуализма прежде всего представителей бывшей номенклатуры. Особенно тяжёлыми, по мнению Тамбовцева, были процессы 1990-1991 гг. Эта ситуация «с полной неопределённостью в правах на лжегосударственную собственность была специально создана, чтобы не боялись ничего, ничего не стеснялись и бесконтрольно обогащались» [*Девяностые...2019. С.129*].

Этот эпизод отечественной истории можно трактовать в рамках нашей темы как, с одной стороны, стихийную, а с другой — обусловленную текущими экономическими и политическими нуждами попытку «разрубить» советский институциональный рубец. Однако такой метод не мог дать положительного результата, и сама приватизация со всеми её результатами оказалась не принятой большинством. Созданная таким способом частная собственность до сих пор подвергается сомнению массой населения. Причём это создает неустойчивость и для бизнеса, происхождение которого было вполне легальным и законным не только с правовой, но и с экономической точки зрения. В результате частная собственность в нашей стране до сих пор не имеет прочной правовой и моральной защиты, что подтверждается и продолжающейся все 2000-е гг. массовостью рейдерских захватов, неправовых переделов и т.п., по сути — возрождению принципов власти-собственности. Следовательно, попытка форсированной ликвидации одного институционального рубца привела лишь к появлению на его месте другого.

К тому же нельзя игнорировать ещё одно обстоятельство. Целью постсоциалистической трансформации был демонтаж обанкротившейся старой советской плановой экономики с присущими ей структурными перекосами. Они касались не просто функционирования огромного числа «планово убыточных» предприятий и массы обременяющих экономику областей деятельности, традиционно связанных с бюджетным финансированием, но и судеб работающих в этих сферах людей. Многие из них обладали достаточно высокой компетенцией, а области их деятельности, например, здравоохранение, образование, наука,

культура, обеспечение безопасности страны, необходимы и в обществе, строящемся на новых принципах. Однако именно эти области деятельности, где как раз концентрировались люди с достаточно высоким человеческим потенциалом, подверглись жёстким бюджетным ограничениям. В ситуации экономического кризиса проблемы «выживания» во многом перекладывались на самих работников этих сфер. В этом процессе многое зависело от индивидуальных качеств и отдельных работников, их способности вписаться в новые условия, и от качеств руководителей таких предприятий и организаций — их нацеленности на работу в новых условиях и социальную ответственность перед возглавляемыми ими коллективами. Известно, что руководители в этих условиях вели себя по-разному, и отнюдь не все ставили во главу своей деятельности проблемы возглавляемого ими предприятия в целом, а не личные интересы.

Но в целом при срывах как 1917 г., так и 1991 г. происходил слом старых институтов, «а вместе с ним списание соответствующего ему человеческого капитала с одновременным созданием нового института, для которого необходим иной человеческий капитал. Именно эффект обновления человеческого капитала ставит временные пределы эффективности любых реформ» [Балацкий, 2021. С.111]. Это утверждение можно принять с одной оговоркой. Далеко не всегда старый человеческий капитал нуждается в «списании». Значительная его часть может быть использована и в новых условиях, разве что с некоторыми организационно-техническими добавлениями. Проблема именно во временном разрыве между крушением старого и становлением нового, заменяющего его института. Чем больше этот разрыв, тем больше вероятность девальвации накопленного за предшествующий период человеческого капитала. Ведь этот вид капитала по самой своей природе требует постоянного совершенствования и непрерывности применения. Если одним из приоритетов создания новой системы и его институциональной структуры не является обеспечение нормальной работы и жизни этой категории населения, сосредоточивающей в себе наиболее развитые в культурном отношении слои, то происходит истощение человеческого капитала, прежде всего высокого качества. А это свидетельствует о нарушении того принципа соответствия, без которого невозможен экономический рост.

Можно ли избавиться от институциональных рубцов?

Вся история появления институциональных рубцов показывает, что они образуются при попытках реформирования исходной институциональной системы с помощью институтов из более эффективной системы. Эти институты при соприкосновении с чуждой им институциональной и культурной средой деформируются под воздействием массовых культурных стереотипов и господствующих в старой системе формальных и особенно неформальных институтов. В то же время важную роль играют сиюминутные личные интересы и части элитных групп, сознательно противодействующих реформам, и самих реформаторов, увидевших выгоду для себя в сохранении ситуации «промежуточности» процесса и стремящихся заблокировать его именно в этом состоянии.

Это обычно происходит в случаях, когда реформаторы, как правило, вынужденные проводить преобразования в быстром темпе, руководствуются прежде всего инструментальными аспектами реформирования, сулящими привнесение в страну более прогрессивных технологических и административных новаций. Именно на них рассчитывают как на способных дать импульс и технологическому развитию, и стабилизации общей ситуации в стране, где старая система институтов перестаёт соответствовать потребностям времени. Поэтому проблема избавления от институциональных рубцов возникает не в случаях, когда застabilизированная с их помощью старая система сохраняет определённую устойчивость, а в ситуации, когда она начинает явно отставать от потребностей времени и более

быстро развивающихся соседей, а сами признаки «стабилизации» явно ослабевают. Это формирует в отстающем обществе повышенное чувство внешней угрозы (как подлинной, так и мнимой).

Таким образом, избавление от институциональных рубцов становится важной, но составной частью более общей проблемы — новой попытки модернизации старой системы на основе выработки «дорожной карты» перехода к новой системе, рассчитанной на длительный период. Неслучайно теория реформ В.М. Полтеровича включает в себя такие требования, как «умение строить цепочки промежуточных институтов», «соединяющих» действующие институты с наиболее передовыми, а также разделение «сложной реформы на ряд этапов, допускающих независимую оценку». При этом важно «стремиться к тому, чтобы преобразования, проводимые на начальных этапах, были наиболее привлекательны для населения и давали наибольшую информацию о целесообразности корректировки реформ» [Полтерович, 2007. С.424]. Немаловажно и представление реформаторами обществу реальной картины перспектив улучшения ситуации, затрагивающих все его слои.

Сказанное, думается, диктует ещё одно требование к потенциальным реформаторам, точнее — к представителям властных элит. Симптомы неблагополучия в развитии общества и государства, как правило, видимые или хотя бы ощущаемые задолго до их обострения, должны стать сигналом не только к разработке, но и к началу реализации продуманного плана постепенного реформирования. К сожалению, обычно этого не происходит, и вся экономическая и социальная политика сводится к попыткам поддержания мнимой «стабильности», в итоге приводящая лишь к обострению кризиса, когда или старые, или пришедшие на волне народного недовольства новые власти вынуждены предпринимать авральные меры с целью предотвращения полного краха. А это обычно создает новые институциональные рубцы, впоследствии препятствующие дальнейшему реформированию уже не в экстремальных условиях.

Кроме того, тяготы такого варианта проведения реформ, вынужденно переносимые населением, создают в обществе глубокую травму, отвращающую массы от каких-либо вариантов преобразований. В результате общество останавливается на каком-то промежуточном этапе реформ, обычно выгодным для отдельных групп «промежуточных выгодоприобретателей», но не дающих видимых бонусов большинству населения. Оно в такой ситуации ещё более убеждается в опасности для себя любых изменений. Так происходило в России в годы быстрых насильственных сломов — 1917 и 1991 гг. В эти периоды «нормальная» передача норм и ценностей, ведущая к реформированию одной системы и переходу к другой «становилась невозможной. Имели место разрывы культурного и социального воспроизводства, дефициты регуляции, что влекло за собой и нарастающую девальвацию культивируемых ранее форм социального поведения, «варваризацию» высших уровней нового общества» [Гудков, 2009. С.10]. Поэтому разработка программы модернизационных реформ, включающая соответствующий им сложный комплекс социокультурных проблем, должна ориентироваться прежде всего на активизацию соответствующих задач реформирования стимулов, которые направлены и на отдельных людей, и на их группы, и на общество в целом.

Таким образом, для успешной разработки программ эволюционных реформ, равно как и более частной проблемы — анализа институциональных рубцов и способов их устранения, необходим подход, предполагающий взаимодействие и институциональных, и ценностных аспектов темы, а также комплексный анализ процессов, протекающих как в элитах общества, так и в широких массовых слоях. Важно, чтобы подобный комплексный подход обретал силу и в рамках более общей темы — создания философии, обобщающей концепции социально-экономического развития, нацеленной на формирование институтов сотрудничества как важнейшей тенденции мирового развития, черты которого проявляются в современном мире [Полтерович, 2016; Полтерович, 2022]. При этом

В.М. Полтерович, разрабатывающий данную концепцию, в отличие от авторов монокаузальных теорий считает «необходимым для объяснения социально-экономического развития рассматривать *взаимовлияние* (курсив мой. — Н.П.) институтов, гражданской культуры, технического прогресса и уровней благосостояния...» [Полтерович, 2018а. С. 23–24].

Представляется, что своё влияние на особенности отмеченных процессов, характерных для России, оказывает и специфика «пограничности». Свойственная «пограничным» обществам склонность к «впитыванию» ценностных влияний соседей, причём соседей с различными, нередко противоположными ориентациями, ведёт к формированию в собственной структуре ценностных предпочтений определённой эклектики. С одной стороны, она способна к восприятию влияний, идущих от одних, более продвинувшихся по пути преобразований, соответствующих современному уровню научно-технического развития⁴, а с другой — таким влияниям противостоят не менее сильные тенденции, истоками которых являются иные соседи с господством другого набора ценностей. Сама специфика общества «пограничности» облегчает процесс восприятия новых веяний не только технического и инструментального, но и социокультурного плана. Но в то же время сила противоположно направленных веяний включает дополнительные факторы торможения и также деформирующе воздействует на вновь создаваемые институты, способствует формированию в них институциональных рубцов.

Всё это обуславливает свои особенности формирования российской институциональной и ценностной системы в постсоциалистический период. В то же время современные исследования показывают, что при всей своей специфике ценностная картина российского общества вполне вписывается в общеевропейский контекст. Данные Европейского социального исследования (ESS)⁵, регулярно проводящегося с начала 2000-х гг. более чем в 20 странах Европы (Россия включена в него с 2006 г.), показывают, что по своей ценностной структуре наша страна не выпадает из общеевропейской картины. Хотя по многим параметрам Россия находится в группе постсоциалистических и менее развитых европейских стран (см. [Россия в Европе..., 2009. С. 238]).

Можно сказать, что впитывание западных, европейских, ценностей и заимствование оттуда институтов в течение нескольких столетий дало в России свои результаты, хотя в то же время и восточные влияния ещё достаточно прочны. В такой специфике «пограничности» России лежат истоки сложности её развития, воспроизводимости цикла «реформа — контрреформа» (Янов) и создание с каждым таким циклом особых рубцов институциональной структуры, незнакомых странам, проходящим свой путь эволюционного развития (пусть и связанный иногда с революционными взрывами). Вообще разные индивиды, а также отдельные группы населения по-разному оказываются восприимчивы к веяниям, идущим от противоположно ориентированных соседей, что, в частности, демонстрирует группа постсоциалистических стран. И в среде российского населения как населения страны «пограничья» формировались по-разному ориентированные слои, тяготеющие к разным полюсам общеевропейской ценностной структуры. Результаты ESS свидетельствуют, что во всех попавших в него странах сосуществуют группы с тяготением к разным наборам ценностей⁶. И степень развитости той или иной страны, развитости её

⁴ Это особенно важно для анализа ситуации в современном мире, где техническое развитие переходит на качественно новый уровень. Этому уровню должно соответствовать новое качество гуманитарных, ценностных предпочтений нового человека (см., например, теорию «техно-гуманитарного баланса» А.П. Назаретяна [Назаретян, 2017]).

⁵ В рамках этого исследования применялась модификация Портретного ценностного вопросника Ш. Шварца [Schwartz, Bardi, 2001].

⁶ В «ценностном круге» Ш. Шварца из более дробного набора ценностей выделяются четыре крупных вида ценностей — Открытости изменениям, Заботы о людях и природе, Сохранения и Самоутверждения. Кроме того, в разных пропорциях эти ценности соответствуют тяготению к Самозащите, Социальной ориентации, Индивидуалистической ориентации, а также к ценностям Роста [Schwartz, 2006].

институтов соответствует превалированию в ней группы с тем или иным набором ценностей. Можно предположить, что в России специфика соотношения групп с разным набором ценностей, связанных и с положением «пограничья», обуславливает её долготелнее балансирование «на сложной рискованной грани между удовлетворительным и тормозящим инновационное развитие соотношением ценностно-мотивационных векторов населения страны как социетального сообщества» [Лапин, 2009. С. 45].

Многолетний анализ данных ESS с выделением в общем его массиве отдельных групп носителей разных наборов ценностей проводят В.С. Магун и М.Г. Руднев. Более десятилетия назад анализ материалов 2006 г. позволил им выделить четыре ценностных типа населения, два из которых, сосредоточивших от 36 до 55% опрошенных, были характерны для стран, в наибольшей степени продвинувшихся по пути модернизации. В противоположность этим типам в двух других группах концентрировалось население постсоциалистических и менее развитых европейских стран (35–40%) [Магун, Руднев, 2010].

Дальнейшие опросы в рамках ESS позволили существенно уточнить ценностную картину, характерную для европейских стран. Во-первых, все исследования, проведённые в 2010-х гг., подтверждают, что россияне вписываются в общую картину европейских ценностей. Во-вторых, каждая страна имеет свою специфику, своё сочетание различных, даже противоположно направленных ценностей. В-третьих, это разнообразие может быть структурировано с выделением ряда групп, характеризующихся преобладанием определённых ценностных компонентов. Анализ материалов трёх исследований ESS — 2008, 2010 и 2012 гг. позволил выделить пять ценностных групп, по-разному располагающихся в пространстве ценностных осей Шварца в соответствии с их средними значениями по каждой из ценностных осей (рис. 1).

Рис. 1. Ценностные классы европейского населения в пространстве ценностных осей Шварца (объединённая типология европейских стран по трём раундам ESS 2008–2012 гг.; классы расположены в соответствии со средними значениями по каждой из ценностных осей)

Источник: Магун В., Руднев М. За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 334.

Магун и Руднев выделили своеобразную «европейскую диагональ». На одном из её концов расположен ценностный класс сильной социальной ориентации (для входящих в него характерно максимальное предпочтение ценностей Сохранения ценностям Открытости с максимальным же предпочтением ценностей Заботы о людях и природе по сравнению с ценностями Самоутверждения). Противоположный (индивидуалистический) конец диагонали завершают группы, наоборот, с максимальным предпочтением Открытости Сохранению в сочетании с предпочтением Самоутверждения ценностям Заботы. Были выделены и группы со слабой социальной и индивидуалистической ориентацией, где соответствующие предпочтения выражены в меньшей степени, но также располагающиеся на «диагонали».

Согласно данным ESS, в четыре группы с более или менее ярко выраженными тяготениями к социальному или индивидуалистическому полюсу, расположенных «на ценностной диагонали, вошло более 80% населения, и это означает, что в Европе основные различия между ценностями людей проходят по оси индивидуальное — социальное» [Магун, Руднев, 2021. С.338]. Одним из следствий такой оппозиции «являются конфликтные отношения между ценностями Заботы и Открытости». То есть европейскому большинству присущ конфликт «между ценностями благополучия других людей и ценностями собственной активности» [Там же. С.338]. Такого конфликта, как фиксируемый Магуном и Рудневым на ценностной «диагонали», не наблюдается у приверженцев, пока малочисленной группы, также выделенной в ходе исследования и не укладывающейся в «европейскую диагональ».

В эту группу входят личности с большим, нежели в других группах, предпочтением ценностей Открытости и Заботы, соответственно, — меньшей ролью для них ценностей Сохранения и Самоутверждения. Анализ особенностей тех стран, где в населении преобладает данная группа, показывает, что именно в них наблюдаются наибольшие успехи в экономическом развитии. Это и наиболее развитые европейские страны (там носители этих ценностных предпочтений составляют от 54 до 39%). К ним примыкает группа стран, успешно развивающихся в последние годы, начиная с Португалии, Бельгии, Эстонии (35 — 30%) и до среднеразвитых и наиболее успешных постсоциалистических стран с долей этой группы до 20%. Наконец, в группе постсоциалистических стран, отстающих по уровню экономического развития и не укрепивших в полной мере институциональную структуру, укоренённую в развитых европейских странах, концентрируется от 15 до 3% населения. Правда, в последнюю группу входит и Италия, но тут возможно влияние особенностей развития этой страны, особенно контрастов между её севером и югом, ролью мафии и т.п. Эта явная связь доли данной ценностной группы с успехами в экономическом росте позволила Магуну и Рудневу охарактеризовать её как группу ценностей Роста. Здесь они сделали акцент на более широких ценностных группах, которые, по Шварцу, расположены на ценностных осях второго уровня: Индивидуалистическая ориентация — Социальная ориентация — Ценности Роста [Магун, Руднев, 2021. С. 333-335].

Если же смотреть распределение по ценностным группам жителей 28 европейских стран, где имеются представители всех пяти выделенных ценностных классов, то рис. 2 демонстрирует внутреннюю неоднородность населения всех стран. Стоит отметить, что по базовым ценностям каждый индивид скорее похож на представителя своей ценностной группы из другой страны, чем на соотечественника, относящегося к иной ценностной группе. На рисунке также чётко выделяются страны Северной и Западной Европы, среди жителей которых велика доля носителей ценностей Роста. При этом доля носителей сильной или слабой социальной ориентации колеблется от 39 до 26%, а сильной или слабой индивидуалистической ориентации — от 34 до 20%. Видно, что доля носителей ценностей Роста в большей степени прирастала за счёт перетекания

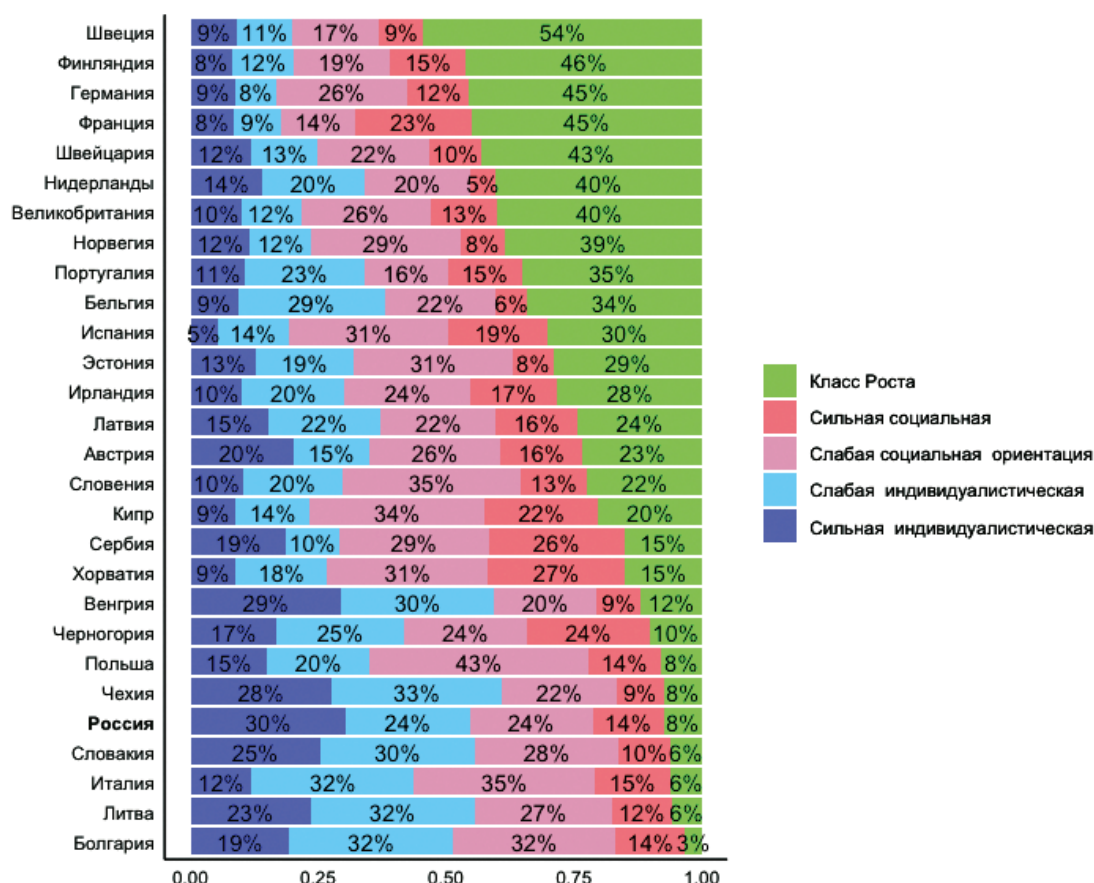

Рис. 2. Распределения респондентов по ценностным классам в европейских странах (приведены процентные распределения людей по классам, данные 9-го раунда ESS 2018 г.)

Источник: Магун В., Руднев М. За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 340.

в неё представителей индивидуалистических ценностей. Доля же сторонников социальной ориентации здесь немногим меньше, чем во многих бывших постсоциалистических странах. Можно предположить, что развитие общества последних десятилетий вело в наиболее развитых странах к усилению тенденций социальной ответственности, и носители сугубо индивидуалистических ценностей, не утрачивая своих стремлений к Открытости изменениям, в большей мере начинали воспринимать социально ориентированные ценности Заботы о людях и природе. Таким образом, успехи в экономическом развитии и сопутствующих ему постоянных модернизационных изменений в значительной мере связаны с долей в их населении представителей ценностной когорты Роста. Можно также добавить, что сочетание ценностных предпочтений, характерное для выделенной группы ценностей Роста, в наибольшей степени соответствует принципам, развиваемым В.М. Полтеровичем в концепции, направленной на формирование институтов сотрудничества.

Рис. 2 свидетельствует, что в 2018 г. лишь 8% россиян оказывались в когорте носителей ценностей Роста. А более 90% составляют группы социальной или индивидуалистической ориентации. В то же время, как показывают сравнения с данными 2006 — 2016 гг., пусть медленные, но фиксируемые изменения всё же происходят. Так, если в 2006 г. соотношение индивидуалистических и социальных ориентаций было примерно одинаково (45 и 49%, соответственно), то с 2010 г. проявился процесс превышения индивидуалистических ценностей над социальными (в 2018 г. это соотношение составило 54 к 38%). В результате по состоянию на 2018 г. Россия оказалась в пятёрке стран Европы — лидеров

по сумме слабых и сильных индивидуалистических ценностей (вместе с Чехией, Венгрией, Словакией и Литвой; при этом по показателю сильной индивидуалистической ориентации Россия стала лидером с 30%).

Фиксируя нарастание проиндивидуалистических ценностных изменений в российском обществе, Магун и Руднев особо подчёркивают несовпадение этих тенденций с «пропагандистскими идеологемами, приписывающими россиянам особую склонность бескорыстному альтруизму, коллективизму, “соборности”» [Магун, Руднев, 2021. С. 353]. Однако, думается, опасности, вытекающие из интенсивно происходящих начиная с 2010-х гг. изменений, значительно глубже и существенно скажутся на стратегии выхода страны на траекторию экономического роста. Прежде всего стоит отметить, что для представителей отечественного индивидуализма характерны не только отсутствие сильно выраженных ценностей безопасности и желания защиты со стороны социального окружения и государства, но скорее невысокая ценность правил и традиций и актуальность личного успеха, богатства и власти. По сути, это свидетельствует о том, что реалии постсоциалистической трансформации в нашей стране способствовали укреплению именно агрессивного адаптационного индивидуализма, начавшего формироваться ещё в советский период, о чём в 1990-е гг. писал Г.Г. Дилигенский [Дилигенский, 1997]. Тут также имеет смысл говорить и об атомизации российского общества, и о массовом неверии в помощь государства в кризисной для человека ситуации.

По сути, эти тенденции подтверждаются и при анализе свойств людей, входящих в по-разному ориентированные ценностные категории у самих Магуна и Руднева. Так, принадлежности к классу сильной индивидуалистической ориентации способствует «концентрация у человека различных ресурсов, но в отличие от класса Роста, это ресурсы индивидуальные, семейные и средовые: индивидуалистически ориентированные респонденты богаты подобными ресурсами, но живут при этом не в самых богатых странах». Есть свои личностные черты и у представителей слабой индивидуалистической ориентации. Что же касается представителей классов социальной ориентации, то для них характерен меньший объём индивидуальных, семейных и средовых ресурсов, т.е. «принадлежность человека к тому или иному ценностному типу связана с объёмом и содержанием располагаемых им ресурсов» [Магун, Руднев, 2021. С. 344–345].

Авторы предполагают, что для класса социальной ориентации цель — получение или сбережение тех или иных благ, а для класса индивидуалистической — стремление к избытку ресурсов с тем, чтобы их можно было использовать и тратить. И в этом смысле, по их мнению, «ожидаемо, что концентрация большего объёма различных ресурсов благоприятствует формированию ценностей Роста, а именно готовности человека делиться имеющимися активами с другими людьми (ценности Заботы), а также тратить накопленный культурный и образовательный капитал в процессе активной самостоятельной деятельности» [Магун, Руднев, 2021. С. 345].

Однако представляется, что нарисованный Магуном и Рудневым путь преобразования индивидуалистических ценностей в ценности Роста чрезмерно оптимистичен. Здесь, в частности, стоит вспомнить серию трудов Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых по экономической синергетике, охватывающих взаимосвязи как материального, так и духовного мира общества. Они особо подчёркивали принципиальную разницу между индивидуалистической и либеральной ментальностью. Первая ориентирована прежде всего на доход, на перераспределение в свою пользу имеющихся в обществе благ (эти черты и отмечают Магун и Руднев). От неё качественно отличается либеральная ментальность, «которая не может не включать одновременно полной свободы индивида и его ответственности за принятые решения как собственно им, так и обществом. Поэтому наиболее полным понятием свободы является понятие “свободы выбора”» [Евстигнеева, Евстигнеев, 2011. С. 48].

Хотя либеральная ментальность безусловно шире того, что зафиксировано в ESS как ценности Роста, она может, в отличие от индивидуалистической, рассматриваться как «целевая функция» ценностей Роста. Неслучайно индивидуалистические ценности и ценности Роста оказались на разных полюсах «социальной шкалы» Ш. Шварца: если первые ориентированы на перераспределение дохода, то вторые — на развитие, на капитал как самовозрастание стоимости, не на передел имеющегося богатства, на его преумножение и экономический рост. И переломить ориентацию первых будет не просто, тем более, если учитывать, что именно в их руках находится большинство властных рычагов. В частности, Евстигнеевы предупреждали: «Ни в коем случае нельзя полагаться на то, что ситуацию можно исправить рационализацией экономики и управления. В условиях, когда общество и экономика представляют собой сложную систему, её рационализация становится сопряжённой с трансформацией макроэкономического уровня, с превращением развития в процесс становления, или эволюции на принципах социальной самоорганизации» [Евстигнеева, Евстигнеев, 2011. С.24]. Потому и появились в ESS ценности Роста, преобладающие в наиболее развитых странах и качественно отличные от индивидуалистических ценностей. В этих условиях мы можем рассчитывать лишь на медленный эволюционный путь, связанный с ценностными преобразованиями в разных ячейках нашего общества. Так, уже наблюдается небольшой прогресс и в увеличении доли носителей ценностей Роста (в 2006–2014 гг. она составляла 4%), т.е. произошел статистически значимый рост [Магун, Руднев, 2021. С. 347-349].

То есть данные ESS свидетельствуют, с одной стороны, о том, что нельзя рассматривать российскую культуру как неизменную, жёстко ограниченную некими «архетипами», «культурными кодами», «институциональными матрицами». С другой стороны, происходящие изменения говорят о явной недооценке элитами своей роли именно как элит общества, призванных давать ему образцы поведения, способствующие созданию и укреплению норм, ценностей и институтов, соответствующих эволюционным процессам трансформации, нацеленным на постепенное преобразование существующих порядков, предоставление гражданам больших шансов на успешное саморазвитие и возможностей для самореализации.

Эти выводы свидетельствуют ещё об одной обостряющейся проблеме. Как показывают данные ESS, российское общество все последние десятилетия пусть медленно, но развивается под воздействием проевропейских, прозападных ценностей. В то же время элита прежде всего в целях «стабилизации» общественных процессов (а нередко просто в интересах «промежуточных выгодоприобретателей») ориентируется на укрепление провосточных ценностей, якобы «исконно присущих российскому социуму». Однако исследования показывают, что носители таких ценностей концентрируются прежде всего в менее образованных и более старших группах населения. Более молодые и образованные слои всё увереннее впитывают прозападные ценности, с которыми они связывают прогресс страны, хотя гораздо большим успехом пользуются у них индивидуалистические ценности, причём те, что скорее ориентируют на получение ренты, нежели ценности, связанные с экономическим ростом. В нашем «пограничном» обществе такая ситуация скрывает в себе большую опасность. «Взаимоупор», по Аверинцеву, может не выдержать. И тогда стране угрожает новый кризисный взрыв, результатом которого обычно бывает срыв задуманных модернизационных преобразований, новый кризис и застой, угрожающие самому существованию страны.

Этот вывод заставляет вновь обратиться к роли в процессе реформирования элит и основной массы населения. При всей важности способности общества к восприятию нововведений, прежде всего связанных с радикальными преобразованиями, особое значение приобретает степень готовности элит к таким реформам, их способность выработки плана реформирования, создания необходимых переходных инсти-

тутов и оценки возможности трансплантации институтов из иных стран для успеха процессов преобразований. Представляется, что, признавая важность для этого учёта не только институциональных, но и связанных с ними ценностных изменений, важно в требование достижения «пороговых условий» как для элит, так и для общества добавить требование наличия в элитах значимой доли носителей ценностей, в наибольшей степени соответствующих потребностям реформирования общества. Среди таких ценностей прежде всего выделяются зафиксированные в исследованиях ESS ценности Роста, как, с одной стороны, ориентированные на Открытость изменениям, а с другой — на Заботу о людях и природе.

Особенно важно, чтобы носители таких ценностей господствовали среди реформаторов, которые призваны давать для всего общества образцы поведения в новых условиях и от которых во многом зависит процесс создания формальных институтов. Практика показывает, что следование «верхов» провозглашённым этическим принципам, готовность применения санкций за их нарушение вне зависимости от статуса нарушителя оказывает воспитательное воздействие на иные слои общества и тем самым способствует постепенным сдвигам в поведении, типичном для большинства, снимает ценностные блокировки для действия новых институтов.

Пока же элиты России не соответствуют данному требованию. Это блокирует необходимые преобразования, в частности в такой ключевой сфере, как правовая. Правовая практика в России не соответствует требованиям «пороговых условий для элит», сформулированных Д. Нортон и его коллегами. Более того, вынужденность использования при этом институтов, ассоциированных с порядками открытого доступа, ведёт к их искажению, девальвации их значимости в глазах большинства. Такая противоречивость в номинальном и реальном бытовании правовой системы, как свидетельствуют социологические исследования, затормозила процессы разложения старых нормативно-ценностных представлений, создала двойственность в толковании людьми сложившейся правовой ситуации. При этом среди людей растёт спрос на «закон» («писаное право») не как инструмент, облегчающий по сути несправедливые, антисоциальные деяния, а как новый социальный регулятор, заменяющий в качестве такового «традицию», опирающуюся на положение в статусной иерархии. Как отмечала Н.Е. Тихонова, россияне пока в массе своей остаются «сторонниками “консенсусной” модели законопослушания, предполагающей, во-первых, что нормы закона обязательны для всех и только в этом случае они готовы их соблюдать, а во-вторых, что эти нормы прошли моральную легитимацию, то есть соответствуют их представлениям о социальной справедливости» [Тихонова, 2011. С. 8].

Такое отношение к праву, особенно в условиях, когда общество, по сути, находится в ситуации блокировки процесса реформирования, создания институтов, соответствующих современным требованиям и технологического, и социально-экономического, и политического, и культурного развития, свидетельствует и о том, что не только в обществе, но и в элитах отсутствует понимание необходимости выработки новых, партнёрских отношений между государством и обществом. Оно предполагает взаимную ответственность за все происходящие в стране процессы, их ориентацию на консолидацию общества и государства, прежде всего в деле обеспечения благосостояния всех членов общества, становления социального государства.

В результате складывающаяся в стране ситуация прежде всего под воздействием проводимой элитами политики накладывает свой отпечаток на идущие ценностные изменения. Эти изменения, как уже было отмечено, развиваются не в сторону укрепления социально ориентированных ценностей, а ценностей индивидуалистических. Однако в существующей реальности в совокупности этих ценностей господствуют представления о том, что в случае возникновения тех или иных проблем на государство нет

смысла рассчитывать, а потому для отечественного варианта индивидуализма характерна невысокая ценность правил и традиций и, как противовес, растет актуальность личного успеха, богатства и власти, самоутверждения, риска. Такой тип индивидуализма, растущий в последние десятилетия, стал следствием господства в российском обществе укоренившихся в нём формальных и особенно неформальных институтов, блокирующих свободное развитие в подавляющем большинстве областей. И растущее число его носителей может стать опасным при возникновении серьёзных напряжений в обществе.

Можно предположить, что важнейший фактор, под воздействием которого отечественный индивидуализм по-прежнему остаётся в основном агрессивным и адаптационным, кроется в выбранном государством пути экономической и социальной политики. Произошла абсолютизация методов государственного контроля с одновременным подозрением и даже враждебным отношением к любым не связанным с государством общественным и частным инициативам. То есть произошла абсолютизация «вертикали власти» в ущерб горизонтальным связям. А именно с горизонтальными связями ассоциируется подавляющее большинство прорывов, произошедших в современном мире и в экономической, и в социальной, и в научной, и в культурной сферах.

Всё это требует пересмотра принципов социально-экономической политики как политики, не соответствующей потребностям экономического роста, в том числе и с позиций формирования у значительных слоёв населения соответствующих стимулов. Один из аспектов такого изменения политики — «переход к пониманию новой роли государства как посредника в горизонтальном сотрудничестве между гражданами» [Полтерович, 2018b. С. 90].

По мере того, как в ходе общественного развития такой подход начнёт принимать всё более широкие масштабы, само его развитие должно дать толчок процессам постепенного смягчения влияния укоренённых в институциональной структуре общества институциональных рубцов, их постепенному размыванию. Если же будет сохранена линия на тактические меры по поддержанию «стабилизации», грозящие в то же время превышением сдерживающих возможностей «взаимоупора», не исключена вероятность тяжёлого внутреннего кризиса, чреватого появлением на теле российской институциональной структуры новых рубцов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2016). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. [Acemoglu D., Robinson J. (2016). Why Nations Fail, The origins of Power, Prosperity and Poverty]. – М.: АСТ.
- Асемоглу Д., Робинсон Дж. (2011). Экономические истоки диктатуры и демократии [Acemoglu D., Robinson J. (2011). Economics origins of dictatorship and democracy]. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Аузан А.А. (2007а). «Колея» российской модернизации [Auzan A.A. (2007a). The “track” of Russian modernization] // *Общественные науки и современность*. № 6. С.54-60.
- Аузан А.А. (2007б). Пора решиться на переустройство государства [Auzan A.A. (2007b). It's time to decide on the re-establishment of the state] // *Российское государство: вчера, сегодня, завтра*. – М.: Новое издательство. С.407-422.
- Ахиезер А.С. (1998). Россия: критика исторического опыта. Т. II. Теория и методология: Словарь. [Akhiyezer A.S. (1998). Russia: criticism of historical experience. Vol. II. Theory and methodology: Vocabulary]. — Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Ахиезер А.С. (2006). Труды [Akhiyezer A.S. (2006). Research papers]. – М.: Новый хронограф.
- Балацкий Е.В. (2021). Принцип согласованности в теории социального развития [Balatskiy Ye.V. (2021). The principle of consistency in the theory of social development] // *Terra Economicus*. Т. 19. № 1. С.36-52.
- Вельцель К. (2017). Рождение свободы [Welzel C. (2017). Freedom rising. Human Empowerment and the Quest for Emancipation]. – М.: АО «ВЦИОМ».
- Восленский М. (1991). Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. [Voslensky M. (1991). Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. – М.: МП «Октябрь», «Советская Россия».

- Грегори П. (2008). *Политическая экономия сталинизма* [Gregory P. (2008). The political economy of Stalinism]. – М.: РОССПЭН.
- Гудков Л.Д. (2009). Условия воспроизводства «советского человека» [Gudkov L.D. (2009). Conditions for the reproduction of the “Soviet man”] // *Вестник общественного мнения*. № 2. С. 8-37.
- Девяностые – годы тягот, надежд и свершений (2019). [The nineties — the years of hardships, hopes and accomplishments (2019)]. — М.: Челябинск: Социум.
- Дилигенский Г.Г. (1997). Российские архетипы и современность // *Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии*. [Diligenskiy G.G. (1997). Russian archetypes and modernity // Where is Russia going? General and special in modern development]. – М.: МВШСиЭН, Интерцентр. С. 273-279.
- Инглхарт Р. (2018). *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир* [Inglehart R. (2018). Cultural Evolution. How Human Motivations Change and How the World Changes]. – М.: Мысль.
- Ключевский В.О. (2019). *Курс лекций по русской истории*. (Лекция 58. Кн. В.В. Голицын, Подготовка и программа реформ) [Klyuchevskiy V.O. (2019). A course of lectures on Russian history. Lecture 58. V.V. Golitsyn, Preparation and reform program]. — М.: Альфа-книга. Электронный ресурс: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch58.htm> (дата обращения 26.04.2022).
- Ключевский В.О. (2019). *Курс лекций по русской истории*. (Лекция 68. Значение реформы Петра Великого) [Klyuchevskiy V.O. (2019). A course of lectures on Russian history. Lecture 68. Significance of the reform of Peter the Great]. — М.: Альфа-книга. Электронный ресурс: (<http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch68.htm>) (дата обращения 26.04.2022).
- Корнаи Я. (2000). *Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма* [Kornai Y. (2000). Socialist System. The Political Economy of Communism]. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики».
- Кузьминов Я.И., Набиуллина Э.С., Радаев В.В., Субботина Т.Д. (1988). *Отчуждение труда. История и современность* [Kuz'minov Ya.I., Nabiullina E.S., Radayev V.V., Subbotina T.D. (1988). Alienation of labor. History and modernity]. – М.: Экономика.
- Ларин Н.И. (2009). Ценности «сохранение – открытость изменениям» и сетевые инновационные институты [Larin N.I. (2009). Values “preservation — openness to change” and network innovation institutions] // *Общественные науки и современность*. №5. С. 37-51.
- Латов Ю.В., Нуреев Р.М. (2017). Развилки развития российской власти-собственности в «век волкодав» 1917-2017 // *Россия 1917-2017: Европейская модернизация или особый путь?* / Под ред. А.П.Заостровцева. [Latov Yu.V., Nureyev R.M. (2017). Forks in the development of Russian power-property in the “age of the wolfhound” 1917-2017// Russia 1917-2017: European modernization or a special path? / A.P. Zaostrovstsev (ed)]. — СПб.: МЦСЭН «Леонтьевский центр». С. 28-45.
- Лотман Ю.М. (1994). *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XX в.)*. Ч. 1. Люди и чины [Lotman Yu.M. (1994). Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XX century). Part one. People and ranks]. — СПб.: «Искусство – СПб» // http://www.info/bibliotek_buks/history/Lotman/01.php (дата обращения 26.04.2021).
- Магун В.С., Руднев М.Г. (2010). Базовые ценности россиян в европейском контексте (Окончание) [Magun V.S., Rudnev M.G. (2010). Basic values of Russians in the European context (The End)] // *Общественные науки и современность*. № 4. С.5-17.
- Магун В., Руднев М. (2021). За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии [Magun V., Rudnev M. (2021). Beyond the “Soviet Man”: Russians in the European Value Typology] // *Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя*. – М.: Новое литературное обозрение. С.325-353.
- Назаретян А.П. (2017). *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании* [Nazaretyan A.P. (2017). Non-linear future. Megahistory, synergetics, cultural anthropology and psychology in global forecasting]. – М.: Аргмак – Медиа.
- Норт Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений* [North D. (2010). Understanding the process of economic change]. — М.: ГУ ВШЭ.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для изучения письменной истории человечества* [North D., Wallis D., Weingast B. (2011). Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history]. – М.: Издательство Института Гайдара.
- Оболонский А.В. (1997). На службе государевой: к истории российского чиновничества [Obolonskiy A.V. (1997). In the service of the sovereign: to the history of Russian bureaucracy] // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 63-76.
- Плискевич Н.М. (2006). «Власть-собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации [Pliskevich N.M. (2006). “Power-property” in modern Russia: the origin and prospects of mutation] // *Мир России*. № 3. С. 62-113.
- Плискевич Н.М. (2013). Возможности трансформации в России и концепция Норта – Уоллиса – Вайнгаста. Ст. 2. Пороговые условия перехода для общества [Pliskevich N.M. (2013). Possibilities of transformation in Russia and the North-Wallis-Weingast concept. Article 2. Threshold conditions of transition for society] // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 45-60.

- Плискевич Н.М. (2016). «Path dependence» и проблемы модернизации мобилизационного типа [Pliskevich N.M. (2016). "Path dependence" and problems of modernization of the mobilization type] // *Мир России*. Т. 25. № 2. С. 123–143.
- Плискевич Н.М. (2022). Институциональные рубцы в «пограничных» обществах и эволюция человеческого потенциала. Ч. 1. Институциональные рубцы [Pliskevich N.M. (2022). Institutional Scars in «Frontier» Societies and the Evolution of Human potential. Part 1. Institutional scars] // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 130-143. DOI: 10. 52342/2587-7666VTE_3_130_143
- Полтерович В.М. (2007). *Элементы теории реформ* [Polterovich V.M. (2007). Elements of the theory of reforms]. – М.: Экономика.
- Полтерович В.М. (2016). От социального либерализма – к философии сотрудничества [Polterovich V.M. (2016). From social liberalism to the philosophy of cooperation // Social liberalism] // *Социальный либерализм / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич*. — СПб.: Алетейя. С. 346-385.
- Полтерович В.М. (2018a). К общей теории социально-экономического развития. Ч.1. География, институты или культура? [Polterovich V.M. (2018a). Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions or culture?] // *Вопросы экономики*. № 11. С. 5-26.
- Полтерович В.М. (2018b). К общей теории социально-экономического развития. Ч.2. Эволюция механизмов координации [Polterovich V.M. (2018b). Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms] // *Вопросы экономики*. № 12. С. 77-102.
- Полтерович В.М. (2022). На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов [Polterovich V.M. (2022). On the way to a general theory of socio-economic development: towards the synthesis of two canons] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 48-57. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_1_48_57.
- Россия в Европе: По материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» (2009).* [Russia in Europe. Based on the materials of the international project «European Social Research» (2009)]. – М.: Academia
- Тихонова Н.Е. (2011). Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995-2010) [Tikhonova N.Ye. (2011). Dynamics of the normative-value system of the Russian society (1995-2010)]. // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 5-19.
- Экономические субъекты постсоветской России: институциональный анализ. Ч.3. Государство в современной России (2003).* [Economic Subjects of Post-Soviet Russia: Institutional Analysis. Part 3. State in modern Russia. (2003)]. – М.: Московский общественный научный фонд.
- Яковлев А.А. (2020). Поиск институциональных решений через призму истории [Yakovlev A.A. (2020). Search for institutional solutions through the prism of history]. // *Общественные науки и современность*. № 2. С.57-63.
- Ясин Е.Г. (2002). *Российская экономика. Истоки и панорама российских реформ: Курс лекций* [Yasin Ye.G. (2002). Russian economy. Origins and panorama of Russian reforms. Lecture course]. – М.: ГУ ВШЭ.
- Acemoglu D., Robinson J. (2006). *Economic origins of dictatorship and democracy*. – New York: Cambridge University Press.
- Hellman J. (1998). Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // *World Politics*. Vol.50. No 2. Pp.203-234.
- Schwartz S.H. (2006). Les valeurs de base de la personne: théorie, mesures et applications // *Revue française de sociologie*. Vol. 47. No.4. Pp. 929-968.
- Schwartz S.H., Bardi A. (2001). Value Hierarchies Across Cultures: Taking a Similarities Perspective // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 32. Pp. 268-290.

Плискевич Наталья Михайловна

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

Senior Researcher, Institute of economics of the Russian Academy of sciences (Moscow)

znplis@yandex.ru

INSTITUTIONAL SCARS IN «FRONTIER» SOCIETIES

(Part 2. Institutional scars in the history of russian transformation and changes in value orientations)

Abstract. The article analyzes the consequences of one of the catch-up development economy strategies. This is attempts to catch up the rich countries with the help of modernization breakthroughs of the mobilization type. As a result, if the lag in the technological field is overcome to some extent, then in conflict this, institutional and especially cultural transformations inevitably lag behind, as they require deep changes in the social sphere and more time. Therefore, the introduced institutions that find themselves in an environment alien to them are distorted. Moreover, in the course of their deformation, they acquire properties that make it possible to strengthen the old institutional system. Institutional scars are formed in the social fabric of society. Such scars are not familiar to the countries of evolutionary development and require special attention in the course of further attempts at modernization. The first part of the work (VTE, 2022. No. 3) shows that for countries such as Russia, in the process of forming institutional scars, their very position as «frontier» states between civilizational formations of different types acquires an important role. The second part provides examples of the formation of institutional scars in the centuries-old history of Russia. The problems of the modern Russian institutional environment are considered in connection with the evolution of the value orientations of Russians based on the data of the European Social Survey. It is shown that the value structure of Russia in recent decades has changed significantly. On the one hand, it fits into the general European value picture. But on the other hand, the current policy and the institutions that support it contribute not only to the erosion of socially oriented values, but also to an increase in the share of carriers of individualism. Moreover, they are aggressive adaptive individualists, and not creative people who could reinforce the economic growth.

Keywords: *institutional structure, institutional scar, “frontier” civilization, modernization, mobilization spurt, society, value structure.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Плискевич Н.М. Институциональные рубцы в «пограничных» обществах (Часть 2. Институциональные рубцы в истории российской трансформации и изменения ценностных ориентаций) // Вопросы теоретической экономики. № 1. 2023. С. 60–82. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_60_82.

FOR CITATION: Pliskevich N. Institutional Scars in «Frontier» Societies (Part 2. Institutional Scars in the History of Russian Transformation and Changes in Value Orientations) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 1. 2023. Pp. 60–82. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_60_82.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Татарко

*д.п.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

В.Н. Муха

*к.соц.н., доцент, Кубанский государственный технологический
университет (Краснодар)*

ЦЕННОСТНЫЙ БАЗИС ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ¹

Аннотация. В данной статье приводятся результаты исследования, посвящённого рассмотрению взаимосвязи между базовыми человеческими ценностями (по Ш. Шварцу) и такими аспектами социального капитала, как социальное и институциональное доверие. В процессе исследования было опрошено 874 респондента, проживающих в Краснодарском крае. Инструментарий исследования включал опросник Ш. Шварца для оценки десяти базовых человеческих ценностей, а также ряд шкал для оценки институционального и социального доверия.

Исследование показало, что компоненты социального и институционального доверия сопряжены с различными индивидуальными ценностями. С социальным доверием преимущественно позитивно связаны ценности Универсализма и Благожелательности. С институциональным доверием связаны прежде всего ценности Конформности, Традиции и слабее — ценности Благожелательности. Эти результаты указывают на то, что природа социального и институционального доверия различна — в их основе лежат разные ценности.

Также исследование показывало, что в Краснодарском крае есть определённый базис для межэтнического доверия, в иерархии восьми рассматриваемых нами видов доверия оно находится на втором месте.

Ключевые слова: : *социальный капитал, базовые человеческие ценности, социальное доверие, институциональное доверие.*

JEL: A13, A14, D70, Z13.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_83_99.

Введение

Цель настоящей статьи состоит в углубленном изучении структуры такого важного компонента социального капитала, как доверие, и связи индивидуальных ценностей с различными видами доверия. В исследовании мы эмпирически изучаем соотношение различных видов доверия между собой, а также их взаимосвязи с базовыми индивидуальными ценностями. В качестве объекта исследования выбрано население Краснодарского края. Последний, с одной стороны, является богатым регионом России и имеет один из

¹ Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках проекта «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ.

самых высоких в России ВРП, а с другой — это один из самых этнически разнообразных регионов России.

Доверие можно рассматривать как ключевой элемент социального капитала общества. Один из классиков теории социального капитала — Ф. Фукуяма — отмечал, что национальное благосостояние так же, как и конкурентоспособность, обусловлены такой всеохватывающей характеристикой, как уровень доверия, присущий обществу [Фукуяма, 2004]. Доверие способно «накапливаться» на социетальном уровне. Это накопление успешного опыта социальных взаимодействий может использоваться далее как социальный ресурс, который, собственно, и называют социальным капиталом. Ресурс доверия придаёт большую эластичность и стабильность обществу в период социальных изменений, однако его накопление происходит медленно, при этом растратиться он может довольно быстро.

Активное исследование феномена доверия в общественных науках началось в 1990-е гг., когда оно стало интенсивно изучаться в различных сферах социальной жизни: в межличностных отношениях и особенно в экономике, в бизнесе. Тогда складывающиеся на основе доверия отношения всё чаще стали определять как «социальный капитал» [Шихирев, 2003]. Доверие — важнейший психологический фактор, связанный с экономикой. Математически связь доверия с экономическим успехом была показана в исследовании С. Нака и П. Кифера [Knack, Keefer, 1997]. Данные авторы, используя регрессионный анализ, проанализировали на выборке из 28 стран взаимосвязь экономического роста и доверия. Регрессионный анализ показал взаимосвязь — с увеличением доверия в большинстве стран увеличивался и процент экономического роста.

В этой связи всестороннее изучение доверия является чрезвычайно важным с экономической точки зрения. Особенно информативным будет такое исследование в экономически развитом регионе России, в частности в Краснодарском крае.

Доверие в обществе определяется массой факторов — экономических, политических и культурно-психологических. В настоящем исследовании мы остановимся на анализе роли одного из важнейших культурно-психологических факторов — на базовых ценностях людей. Каким образом, теоретически, ценности людей могут быть связаны с их доверием? Если рассматривать доверие как психологическое явление, то его целесообразно отнести к категории установок. Проблематика связи установок и ценностей имеет в социальной психологии довольно богатую историю изучения (см. обзор в [Schwartz, Bardi, 2001]).

Поскольку теория базовых ценностей личности Ш. Шварца в своём развитии оттачивалась от задачи как можно более полного охвата мотивационных целей людей, то она применима для анализа связей между ценностями, различными установками и поведением. Исследование Д. Карпа [Karp, 1996] показало, к примеру, что позитивными источниками поведения, направленного на защиту окружающей среды, являются такие ценности второго порядка, как «Самопреодоление» и «Открытость изменениям». Хотя влияние этих ценностей не всегда реализуется (это зависит, в частности, от того, какое именно поведение по защите окружающей среды рассматривается), но результаты дают возможность дальнейшего уточнения и понимания того, как именно ценности влияют на природосберегающее поведение. Мы вполне можем допустить, что указанные выше ценности второго порядка могут быть связаны с мультикультурными установками личности, а значит, и с доверием представителям иных этнических групп.

Связь ценностей с установками и поведением основывается на том, что релевантные для некой ценности элементы ситуации (которые актуализируют её) оказываются в фокусе внимания человека. В таком случае происходят понимание и интерпретация ситуации, основанные на ценностных приоритетах личности. Более значимым, весомым становится вариант поведения, который направлен на реализацию ценности. Говоря применительно к теме нашего исследования, если человек сталкивается с дилеммой — доверять или не

доверять кому-то и у него нет однозначных оснований для решения в этой ситуации, то ценности будут руководить его поведением и он примет решение, основываясь на них.

Исследования показали, что ценности связаны с предпочтением определённого поведения в реальных жизненных ситуациях (обзор в [Schwartz, Bardi, 2001]). Например, ценности определяли выбор университетского курса или голосование за определённые политические партии. Это примеры поведения, тщательно обдумываемого после взвешивания всех «за» и «против» или рассмотрения альтернатив. В таких ситуациях выбора ценности влияют на решение. Соответственно, ценности будут существенно влиять не только на то, насколько мы доверяем окружающим людям, но и на то, насколько мы доверяем различным институтам политической власти: федеральной, региональной, местной.

Вопрос о сопряжённости индивидуальных ценностей с социальным капиталом в целом и доверием в частности рассматривался преимущественно в работах зарубежных исследователей [Munene, Schwartz, Kibanja, 2005; Bankston, 2004; Grey, 2008]. Здесь важно заметить, что доверие является основным элементом социального капитала. Однако некоторые исследователи даже используют понятия «доверие» и «социальный капитал» как взаимозаменяемые. Некоторые из авторов, затрагивавших проблематику социального капитала, изучали единство ценностей внутри группы или общества в качестве одного из индикаторов социального капитала [Munene, Schwartz, Kibanja, 2005]. К. Банкстон, полемизируя с Дж. Коулманом, указывал, что социальный капитал не может быть просто отражением структуры отношений между индивидами. Напротив, он должен включать ценности, верования и ожидания, которые поддерживаются и передаются внутри группы [Bankston, 2004. P. 177]. Другими словами, и взаимное доверие будет невозможным без ценностного единства. Особенно остро такой вопрос встаёт, если речь идет о поликультурном регионе, где ценности у людей различны. В таком случае важно найти ценности, объединяющие людей культурно-разнообразного региона.

Примечательна попытка правительства Ямайки улучшить состояние социального капитала данного региона с помощью кампании, направленной на изменение ценностей и установок населения [Grey, 2008]. Данная кампания достигла своих целей и оказалась успешной. Её теоретическая основа состояла в использовании когнитивного элемента социального капитала. Культура и ценности вносят определённый вклад в формирование взаимовыгодного коллективного поведения людей. Таким образом, «инвестирование» в социальный капитал — это направленные действия по созданию или поддержанию общей системы ценностей, основанной на взаимном уважении, партнёрстве, доверии, этическом поведении, а также поддержание условий, способствующих развитию данных ценностей [Grey, 2008. P. 150].

Таким образом, индивидуальные ценностные ориентации в этих исследованиях, как правило, рассматриваются на групповом уровне (т.е. в агрегированном виде), а степень их согласованности внутри группы — в качестве одного из источников ее социального капитала и внутригруппового доверия. С одной стороны, это верно, однако следует внести важное уточнение в такую позицию. Ценности имеют разную модальность влияния на поведение человека, существуют и такие виды ценностей, которые заставляют конкурировать или приводят различные группы к противостоянию. В частности, есть работы, показывающие, что быстрое распространение материалистических ценностных ориентаций, которое наблюдалось среди американской молодёжи в 1970-х и 1980-х гг., сильно разрушало социальное доверие [Rahn, 1998. P. 545]. Поэтому важно выделить именно такие группы ценностей, которые способствуют объединению, т.е. формированию доверия и социального капитала, а не препятствовать ему в рассматриваемом нами регионе.

При изучении вопроса о влиянии ценностей на доверие и социальный капитал в качестве теоретико-методологических оснований мы обращаемся к концепции ценностей Ш. Шварца [Schwarz, 2004; Schwarz et al., 2012]. Он разработал и обосновал куль-

турно-универсальную ценностно-мотивационную структуру личности, выделив 10 блоков универсальных ценностей (Универсализм, Благожелательность, Самостоятельность, Конформность, Достижение, Безопасность, Власть, Гедонизм, Традиция, Стимуляция), которые он впоследствии объединил в четыре ценностные оппозиции: Открытость изменениям — Сохранение и Самоутверждение – Самопреодоление (рис. 1). Нетрудно заметить, что не все из 10 ценностей, выделенных Шварцем, могут способствовать укреплению позитивных отношений и формированию доверия, например, ценности Власти или Самостоятельности скорее будут разъединять, чем объединять. Таким образом, опираясь на представленный выше теоретический обзор, мы можем сформулировать цель и общую гипотезу исследования.

Цель настоящего исследования — оценить связь индивидуальных ценностей с различными видами доверия населения Краснодарского края.

Общая гипотеза исследования состоит в том, что ценности блока Самопреодоление (Универсализм и Благожелательность) позитивно связаны с различными видами доверия; соответственно, ценности блока Самоутверждение (Гедонизм, Власть) имеют противоположный эффект. Ценности блока Сохранение (Безопасность, Конформность) негативно связаны с различными видами доверия, а ценности блока Открытость изменениям (Самостоятельность, Стимуляция) либо позитивно связаны с доверием, либо вообще не имеют с ним взаимосвязей.

Рис. 1. Дизайн эмпирического исследования

Источник: составлено авторами.

Методика

Выборка

В процессе исследования было опрошено 874 респондентов, проживающих в Краснодарском крае. Тип выборки – репрезентативная, квотированная по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. Ошибка выборки не превышает 5% при 95%

доверительном интервале. Для корректировки выборки применялась процедура взвешивания, которая разрабатывалась на основе данных о структуре населения Краснодарского края согласно Всероссийской переписи населения. В выборку вошли 37% мужчин и 63% женщин. Средний возраст респондентов 27,5 лет. Большинство респондентов (74%) были русскими. Более половины выборки (58%) имели высшее образование. Также 61% респондентов отметил, что получаемого дохода достаточно для нормальной жизни. Социально-психологический опрос проводился в 2020 году на онлайн-платформе 1ка.

Инструментарий исследования

1. Доверие

Мы оценивали два вида доверия — социальное (дополненное генерализованным) и институциональное. Однако утверждения, входящие в каждый вид доверия, были нацелены на рассмотрение очень различных его аспектов. Поэтому, при обработке данных, мы оценивали связь ценностей с каждым отдельным утверждением, оценивающим каждый из видов доверия. Это было возможно, поскольку согласие с каждым утверждением оценивалось при помощи пятибалльной шкалы, сформированной по типу шкал Лайкерта от 1 – (Абсолютно не согласен) до 5 – (Абсолютно согласен). Таким образом, мы оценивали следующие показатели доверия.

1.1. Генерализованное доверие (утверждение, с которым респонденту нужно было выразить согласие: «Большинству людей можно доверять»).

1.2. Доверие коллегам (утверждение, с которым респонденту нужно было выразить согласие: «Я доверяю своим коллегам по работе»).

1.3. Доверие соседям (утверждение, с которым респонденту нужно было выразить согласие: «Я доверяю своим соседям»).

1.4. Доверие представителям других национальностей (утверждение, с которым респонденту нужно было выразить согласие: «Я доверяю людям других национальностей»).

1.5. Доверие федеральной власти (утверждение, с которым респонденту нужно было выразить согласие: «Я доверяю органам федеральной власти»).

1.6. Доверие региональной власти (утверждение, с которым респонденту нужно было выразить согласие: «Я доверяю органам региональной власти»).

1.7. Доверие местной власти (утверждение, с которым респонденту нужно было выразить согласие: «Я доверяю властям города/ района, в котором я живу»).

1.8. Доверие СМИ (утверждение, с которым респонденту нужно было выразить согласие: «Я доверяю средствам массовой информации»).

2. Базовые индивидуальные ценности.

Для измерения индивидуальных ценностей была использована сокращённая версия опросника Ш. Шварца, включённого в анкету Европейского социального исследования. Шкала позволяет оценить 10 базовых ценностей: «Самостоятельность», «Стимуляция», «Гедонизм», «Достижение», «Власть», «Безопасность», «Конформность», «Традиция», «Благожелательность», «Универсализм». Для диагностики 10 базовых ценностей респонденту предлагается 21 утверждение (ESS-21), которые организованы по типу Лайкерта, в соответствии с 6-балльной шкалой, где респонденту предлагается оценить степень схожести описания некоторых людей с собой — от «совсем не похож на меня» до «очень похож на меня».

3. Социально-демографические характеристики.

Опросник также содержал вопросы, направленные на оценку социально-демографических характеристик респондентов: пол, возраст, уровень образования и субъективная оценка уровня дохода. Все эти переменные в дальнейшем использовались в качестве контрольных.

Обработка данных

При обработке данных при помощи программы SPSS 27.0 производился подсчёт дескриптивных статистик по уровню различных видов доверия (среднее, стандартное отклонение), также проводился множественный регрессионный анализ с контролем социально-демографических переменных. Дополнительно мы анализировали сетевую структуру доверия при помощи специализированной программы Pajek.

Результаты

В таблице 1 приводятся средние значения восьми различных показателей доверия на выборке населения Краснодарского края. Виды доверия расположены в табл. 1 в порядке убывания. В ней можно видеть, что, если судить в абсолютных значениях, то, исходя из того, что шкала пятибалльная, высокого доверия в выборке не наблюдается. Самое большее среднее значение — доверие коллегам, 3,13 балла, что является срединным значением шкалы. Самое низкое среднее значение, уходящее, по сути, в поле недоверия (2,26) – это оценка уровня доверия средствам массовой информации. Примечательно, что в этой иерархии доверие представителям иных этнических групп находится сверху, сразу после доверия коллегам по работе, которое имеет наибольший средний балл в нашей выборке.

Таблица 1

Дескриптивные статистики восьми показателей доверия в Краснодарском крае (все шкалы пятибалльные)

Виды доверия	M*	SD**
Доверие коллегам	3,13	1,07
Доверие представителям других этнических групп	3,11	1,00
Доверие соседям	2,89	1,12
Доверие местной власти	2,56	1,12
Доверие федеральной власти	2,52	1,10
Генерализованное доверие	2,51	1,09
Доверие региональной власти	2,50	1,10
Доверие СМИ	2,26	1,07

* M — среднее значение по выборке; ** SD — среднеквадратическое отклонение.

Источник: составлено авторами.

В целом, если обратиться к логике порядка, который лежит в основе различных видов доверия жителей Краснодарского края, то можно видеть, что прежде всего люди доверяют тем, кто их окружают, с кем они контактируют: доверие коллегам, представителям других этнических групп, соседям, местной власти. Доверие тем социальным объектам, с которыми нет прямого контакта, ниже в данной иерархии — это доверие федеральной власти, генерализованное доверие, доверие региональной власти и доверие СМИ. Соответственно, на следующем шаге анализа мы, при помощи сетевого анализа, рассмотрели, в какую структуру объединяются данные виды доверия в когнитивной сфере респондентов.

На рис. 2 можно видеть, что доверие представляет собой единую структуру, однако связи между компонентами структуры — разные. Чем сильнее связь, тем больше толщина

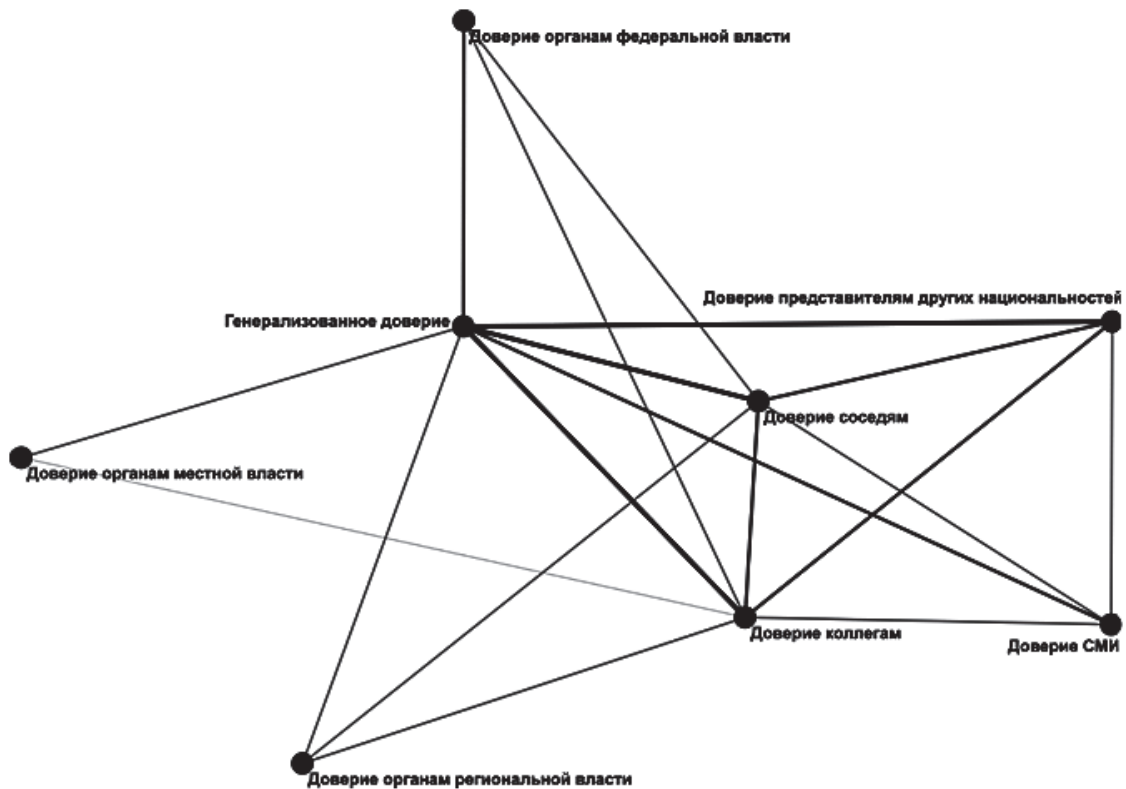

Рис. 2. Сетевая структура взаимосвязей между различными видами доверия по оценкам жителей Краснодарского края

Источник: расчёты авторов.

линий. Узлами считаются те переменные, с которыми есть наибольшее количество связей других переменных. Узлом данной структуры является генерализованное доверие — все остальные виды доверия связаны с ним. При этом показатели институционального доверия имеют наименьшее в сети количество связей с другими видами доверия и находятся на периферии сети. Исключением является доверие СМИ, которое имеет связи с показателями социального доверия. То есть СМИ серьёзно могут влиять на восприятие людьми окружающей действительности. Также важно обратить внимание на сетевые связи доверия представителям иных этнических групп. Мы видим, что данный компонент доверия сопряжён с генерализованным доверием, доверием СМИ, соседям и коллегам. Таким образом, доверие представителям других этнических групп может зависеть от готовности личности доверять в целом (генерализованное доверие), от её социального опыта (взаимодействие с коллегами и соседями), а также от той информации, которую личность получает из СМИ (доверие СМИ).

Далее мы приступили к реализации основной цели исследования — оценке связей между различными видами доверия и базовыми индивидуальными ценностями. Сначала рассмотрели связь ценностей с составляющими социального доверия, к которому мы отнесли: генерализованное доверие, доверие соседям, доверие коллегам, доверие представителям других национальностей.

В табл. 2 представлен иерархический линейный анализ связи ценностей и генерализованного доверия с контролем социально-демографических переменных: пола, возраста, образования, субъективного уровня дохода. Среди социально-демографических переменных только возраст статистически значимо и положительно связан с уровнем генерализованного доверия. Среди ценностей только две значимо связаны с генерализованным доверием: отрицательно — ценности Самостоятельности и положительно — ценности Универсализма.

Также особо хотелось бы остановиться на роли дохода в данном контексте. В этой и следующей таблицах видно, что доход не оказался статистически значимо связанным с доверием респондентов. Мы задались вопросом — а как же в случае ценностей? Для выявления связи уровня дохода с ценностями респондентов мы провели корреляционный анализ (вычислялся коэффициент корреляции Спирмена) и обнаружили, что из 10 ценностей уровень дохода связан с двумя из них: отрицательная связь с ценностями Безопасности ($r = -0,09$, $p < 0,01$) и отрицательная связь с ценностями Традиции ($r = -0,08$, $p < 0,01$). Прежде всего обращает на себя внимание то, что связи достаточно слабые, но тем не менее они статистически значимы. Если исходить из положения Шварца, что ценности формируются в детстве и они первичны по отношению к остальным явлениям в нашей жизни, то мы можем предположить, что в данной связке именно ценности могут выступать в качестве одной из причин дохода, но не наоборот. Смысл выявленных связей довольно прозрачен — ценности Безопасность и Традиции относятся в модели Шварца к блоку ценностей Сохранение. Люди, ориентированные на Сохранение, консервативны, не любят рисковать, между карьерой, достижениями, с одной стороны, и отношениями с семьёй — с другой. Они, очевидно, выберут отношения с семьёй, а не достижения. В результате доход у людей, ориентированных на ценности Безопасности и Традиции, будет ниже.

Обратимся к табл. 3, в которой представлен иерархический линейный анализ связи ценностей и доверия коллегам, которое относится к социальному доверию. Как и в случае с генерализованным доверием, среди социально-демографических переменных, только возраст продемонстрировал слабую положительную связь. Из числа ценностей только ценности Универсализма оказались положительно связаны с доверием коллегам.

В табл. 4 приводится иерархический линейный анализ связи ценностей и доверия соседям, которое также является компонентом социального доверия. В данном случае, как и в предыдущем, мы видим, что возраст положительно связан с доверием соседям, однако, что касается пола, то женщины демонстрируют более низкий уровень доверия соседям, чем мужчины. Среди ценностей мы видим, что ценности Власти демонстрируют значимую отрицательную связь с доверием соседям. Статистически значимую положительную связь продемонстрировали ценности Универсализма и Благожелательности.

В табл. 5 можно видеть результаты иерархического линейного анализа связи ценностей и доверия представителям других этнических групп на выборке респондентов Краснодарского края. В данном случае среди демографических переменных положительную связь демонстрирует не возраст, не пол, а уровень образования. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что эффект образования, хотя и положительный, но довольно слабый. Среди ценностей только Универсализм и Благожелательность статистически значимо связаны с доверием представителям других национальностей и эта связь положительная.

Следующие четыре регрессионные модели демонстрируют связи ценностей с показателями институционального доверия, использованными в нашем исследовании в Краснодарском крае: доверие федеральной власти, доверие региональной власти, доверие местной власти и доверие средствам массовой информации.

В табл. 6 представлены результаты иерархического регрессионного линейного анализа связи ценностей и доверия федеральной власти. В данном случае можно видеть, что социально-демографические переменные не связаны статистически значимо с данным видом институционального доверия. Однако ценности многообразнее связаны с данным видом институционального доверия, по сравнению с той картиной связей, которую мы видели в случае с компонентами социального доверия. В частности, мы видим, что с доверием федеральной власти отрицательно связаны ценности Власти и положительно — ценности Благожелательности, Традиции и Конформности.

Таблица 2

Иерархический линейный анализ связи ценностей и генерализованного доверия

Предиктор	Модель 1			Модель 2		
	B	SE	KPD	β	SE	KPD
Социально-демографические характеристики						
Пол	0,046	0,077	1,022	0,031	0,079	1,114
Возраст	0,137***	0,003	1,148	0,124***	0,003	1,344
Образование	-0,032	0,036	1,129	-0,047	0,037	1,216
Доход	0,049	0,035	1,019	0,044	0,035	1,041
Ценности						
Безопасность				0,020	0,040	1,770
Конформность				0,030	0,038	1,430
Традиция				-0,003	0,040	1,549
Благожелательность				0,069	0,045	1,779
Универсализм				0,130**	0,050	1,828
Самостоятельность				-0,085*	0,042	1,486
Стимуляция				0,004	0,035	1,597
Гедонизм				-0,050	0,041	1,781
Достижение				0,027	0,041	1,850
Власть				-0,037	0,042	1,760
R ²	0,024			0,035		
F	5,36***			4,06***		

*** p<0,001, ** p<0,01,* p<0,05.

Примечание: изменение R² статистически значимо на уровне p<0,001.

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Иерархический линейный анализ связи ценностей и доверия коллегам

Предиктор	Модель 1			Модель 2		
	β	SE	KPD	β	SE	KPD
Социально-демографические характеристики						
Пол	-0,013	0,076	1,022	-0,048	0,077	1,114
Возраст	0,073*	0,003	1,148	0,066	0,003	1,344
Образование	0,059	0,036	1,129	0,024	0,036	1,216
Доход	-0,027	0,035	1,019	-0,033	0,034	1,041
Ценности						
Безопасность				0,072	0,040	1,770
Конформность				0,022	0,037	1,430
Традиция				-0,038	0,040	1,549
Благожелательность				0,079	0,044	1,779
Универсализм				0,173***	0,049	1,828
Самостоятельность				-0,044	0,042	1,486
Стимуляция				-0,075	0,034	1,597
Гедонизм				0,036	0,040	1,781
Достижение				-0,014	0,041	1,850
Власть				-0,075	0,041	1,760
R ²	0,011			0,057		
F	2,94*			5,25***		

*** p<0,001, ** p<0,01,* p<0 05.

Примечание: изменение R² статистически значимо на уровне p<0,001.

Источник: составлено авторами.

Таблица 4

Иерархический линейный анализ связи ценностей и доверия соседям

Предиктор	Модель 1			Модель 2		
	B	SE	КРД	β	SE	КРД
Социально-демографические характеристики						
Пол	-0,092**	0,078	1,022	-0,128***	0,080	1,114
Возраст	0,127***	0,003	1,148	0,114**	0,003	1,344
Образование	0,000	0,037	1,129	-0,023	0,037	1,216
Доход	0,024	0,036	1,019	0,018	0,036	1,041
Ценности						
Безопасность				0,050	0,041	1,770
Конформность				-0,006	0,038	1,430
Традиция				0,047	0,041	1,549
Благожелательность				0,102*	0,046	1,779
Универсализм				0,112*	0,050	1,828
Самостоятельность				-0,033	0,043	1,486
Стимуляция				-0,025	0,035	1,597
Гедонизм				0,018	0,042	1,781
Достижение				-0,018	0,042	1,850
Власть				-0,116**	0,042	1,760
R ²	0,023			0,055		
F	5,12***			5,17***		

*** p<0,001, ** p<0,01, * p<0,05.

Примечание: изменение R² статистически значимо на уровне p<0,001.

Источник: составлено авторами.

Таблица 5

Иерархический линейный анализ связи ценностей и доверия представителям других этнических групп

Предиктор	Модель 1			Модель 2		
	B	SE	КРД	β	SE	КРД
Социально-демографические характеристики						
Пол	-0,007	0,071	1,022	-0,037	0,072	1,114
Возраст	-0,028	0,003	1,148	-0,001	0,003	1,344
Образование	0,073*	0,033	1,129	0,044	0,034	1,216
Доход	-0,060	0,033	1,019	-0,061	0,032	1,041
Ценности						
Безопасность				-0,022	0,037	1,770
Конформность				-0,002	0,035	1,430
Традиция				0,003	0,037	1,549
Благожелательность				0,141***	0,041	1,779
Универсализм				0,135**	0,046	1,828
Самостоятельность				0,005	0,039	1,486
Стимуляция				-0,021	0,032	1,597
Гедонизм				0,066	0,038	1,781
Достижение				-0,017	0,038	1,850
Власть				-0,067	0,038	1,760
R ²	0,008			0,06		
F	1,78			5,29***		

*** p<0,001, ** p<0,01, * p<0,05.

Примечание: изменение R² статистически значимо на уровне p<0,001.

Источник: составлено авторами.

Таблица 6
Иерархический линейный анализ связи ценностей и доверия федеральной власти

Предиктор	Модель 1			Модель 2		
	B	SE	KPD	β	SE	KPD
Социально-демографические характеристики						
Пол	-0,020	0,078	1,022	-0,016	0,080	1,114
Возраст	0,004	0,003	1,148	-0,046	0,003	1,344
Образование	0,001	0,037	1,129	-0,018	0,037	1,216
Доход	-0,048	0,036	1,019	-0,047	0,036	1,041
Ценности						
Безопасность				-0,020	-0,018	1,770
Конформность				0,143***	0,139	1,430
Традиция				0,112**	0,111	1,549
Благожелательность				0,095*	0,098	1,779
Универсализм				-0,011	-0,012	1,828
Самостоятельность				-0,017	-0,018	1,486
Стимуляция				0,008	0,007	1,597
Гедонизм				-0,006	-0,006	1,781
Достижение				0,001	0,001	1,850
Власть				-0,092*	-0,088	1,760
R ²	0,003			0,06		
F	0,56			5,29***		

*** p<0,001, ** p<0,01,* p<0,05.

Примечание: изменение R² статистически значимо на уровне p<0,001.

Источник: составлено авторами.

Таблица 7
Иерархический линейный анализ связи ценностей и доверия региональной власти

Предиктор	Модель 1			Модель 2		
	B	SE	KPD	β	SE	KPD
Социально-демографические характеристики						
Пол	0,003	0,078	1,022	0,012	0,079	1,114
Возраст	-0,022	0,003	1,148	-0,070	0,003	1,344
Образование	-0,018	0,037	1,129	-0,033	0,037	1,216
Доход	-0,049	0,036	1,019	-0,046	0,035	1,041
Ценности						
Безопасность				-0,054	0,041	1,770
Конформность				0,147***	0,038	1,430
Традиция				0,124**	0,041	1,549
Благожелательность				0,094*	0,045	1,779
Универсализм				-0,010	0,050	1,828
Самостоятельность				-0,004	0,043	1,486
Стимуляция				0,007	0,035	1,597
Гедонизм				-0,011	0,041	1,781
Достижение				0,010	0,042	1,850
Власть				-0,100*	0,042	1,760
R ²	0,004			0,062		
F	0,84			4,33***		

*** p<0,001, ** p<0,01,* p<0,05.

Примечание: изменение R² статистически значимо на уровне p<0,001.

Источник: составлено авторами.

Таблица 8

Иерархический линейный анализ связи ценностей и доверия местной власти

Предиктор	Модель 1			Модель 2		
	B	SE	КРД	β	SE	КРД
Социально-демографические характеристики						
Пол	-0,011	0,080	1,022	-0,008	0,081	1,114
Возраст	0,006	0,003	1,148	-0,044	0,003	1,344
Образование	-0,041	0,037	1,129	-0,069	0,038	1,216
Доход	-0,005	0,037	1,019	-0,004	0,036	1,041
Ценности						
Безопасность				-0,007	0,041	1,770
Конформность				0,125**	0,039	1,430
Традиция				0,137***	0,041	1,549
Благожелательность				0,132**	0,046	1,779
Универсализм				-0,054	0,051	1,828
Самостоятельность				0,020	0,043	1,486
Стимуляция				0,014	0,035	1,597
Гедонизм				-0,023	0,042	1,781
Достижение				0,010	0,042	1,850
Власть				-0,092*	0,043	1,760
R ²	0,002			0,070		
F	0,39			4,75***		

*** p<0,001, ** p<0,01, * p<0,05.

Примечание: изменение R² статистически значимо на уровне p<0,001.

Источник: составлено авторами.

Таблица 9

Иерархический линейный анализ связи ценностей и доверия средствам массовой информации

Предиктор	Модель 1			Модель 2		
	B	SE	КРД	β	SE	КРД
Социально-демографические характеристики						
Пол	0,046	0,075	1,022	0,050	0,078	1,114
Возраст	-0,043	0,003	1,148	-0,082*	0,003	1,344
Образование	-0,056	0,035	1,129	-0,067	0,036	1,216
Доход	-0,042	0,035	1,019	-0,038	0,035	1,041
Ценности						
Безопасность				-0,023	0,040	1,770
Конформность				0,158***	0,037	1,430
Традиция				0,045	0,040	1,549
Благожелательность				0,062	0,044	1,779
Универсализм				0,001	0,049	1,828
Самостоятельность				-0,008	0,042	1,486
Стимуляция				0,047	0,034	1,597
Гедонизм				-0,022	0,040	1,781
Достижение				-0,011	0,041	1,850
Власть				-0,089*	0,041	1,760
R ²	0,01			0,04		
F	2,24			3,21***		

*** p<0,001, ** p<0,01, * p<0,05.

Примечание: изменение R² статистически значимо на уровне p<0,001.

Источник: составлено авторами.

Аналогичный паттерн связей мы видим при рассмотрении связи ценностей и доверия региональной власти (табл. 7). Во-первых, социально-демографические характеристики респондентов не связаны с данным видом доверия. Во-вторых, среди ценностей, как и в предыдущем случае, отрицательную связь продемонстрировали ценности Власти, а положительную – ценности Благожелательности, Традиции и Конформности.

Паттерн связей, аналогичный двум предыдущим случаям, мы видим при рассмотрении связи ценностей и доверия местной власти (табл. 8). Во-первых, социально-демографические характеристики респондентов не связаны с данным видом доверия. Во-вторых, среди ценностей, как и в двух предыдущих случаях, отрицательную связь продемонстрировали ценности Власти, а положительную – ценности Благожелательности, Традиции и Конформности.

В табл. 9 представлена регрессионная модель, характеризующая связи ценностей и доверия средствам массовой информации при контроле социально-демографических переменных. Среди социально-демографических переменных мы видим слабую отрицательную связь доверия СМИ и возраста респондентов. Другими словами, с возрастом наблюдается тенденция в снижении доверия СМИ. Что касается ценностей, то, как и во многих предыдущих случаях, мы наблюдаем статистически значимую отрицательную связь с ценностями Власти. Также обнаружена позитивная и статистически значимая связь с ценностями Конформности, что было характерно и для трёх предыдущих видов институционального доверия.

Обсуждение результатов

Сначала заметим, что общая гипотеза исследования подтвердилась лишь частично. Прежде всего это продиктовано тем, что разные ценности имеют разные эффекты по отношению к социальному и институциональному доверию. Ниже мы подробно обсудим специфику связей различных ценностей с разными видами доверия.

Предварительно можно говорить, что в регионе есть основа для позитивного межэтнического взаимодействия, поскольку доверие представителям инокультурных групп имеет одни из самых высоких средних значений в ряду других видов доверия. В условиях полиэтничности уровень межэтнического доверия является прямым показателем состояния межэтнических отношений: его относительно высокие значения свидетельствуют о социальной стабильности и позитивных межэтнических взаимодействиях в регионе. Социологические исследования, проводимые в Краснодарском крае [Баранов, 2018; Тужба, Муха, 2021; Волков, Верещагина, Левшин, 2022], также фиксируют позитивный характер межэтнических отношений, которые не воспринимаются региональным социумом как источник конфликтности и социального напряжения. Так, согласно результатам массового опроса 2021 г., 54,8% опрошенных жителей края определили отношения между этносами как спокойные и бесконфликтные [Волков, Верещагина, Левшин, 2022. С. 405]. Вполне вероятно, что это обусловлено особенностями самой региональной социокультурной среды, которая первоначально формировалась как полиэтническая в результате многочисленных миграций, межкультурного обмена и содержит в себе высокий потенциал межэтнической толерантности.

Но при относительно благополучной общей картине обратим внимание на то, что среди оценивших межэтническую обстановку как спокойную 27,2% респондентов ориентированы на общение преимущественно с представителями своей этнической группы [Волков, Верещагина, Левшин, 2022. С. 405]. А это уже показатель внутриэтнического доверия — элемента закрытого социального капитала — «bonding social capital» [Putnam, 2001], который способствует усилению солидарности членов сообщества, их мобилизации, в том числе через противопоставление с другими этносами, что в свою очередь может способ-

ствовать этнической изоляции, затруднять формирование общегражданской идентичности. Рост внутриэтнического доверия нередко может компенсировать недоверие к власти, недостаток структур гражданского общества и стать основой для локальной интеграции, усиливать закрытость сообщества.

Генерализованное доверие, как показали результаты сетевого анализа, является ядром всех видов доверия — с ним связаны (а возможно и зависят) остальные виды доверия личности. Как отмечал П. Штомпка, культура доверия является результатом длительного процесса оформления в обществе доверительных отношений первоначально на уровне тесного круга (семья), затем на более широком уровне (соседи, коллеги) и далее находит выражение в обобщённом доверии [Штомпка, 2014. С. 326]. Компоненты социального доверия находятся ближе к ядру, компоненты институционального доверия находятся на периферии когнитивно-сетевой структуры доверия личности. Доверие представителям других национальностей сопряжено с генерализованным доверием, доверием СМИ, соседям и коллегам. Таким образом, доверие представителям других этнических групп может зависеть от готовности личности доверять в целом (генерализованное доверие), от её социального опыта (взаимодействие с коллегами и соседями), а также от той информации, которую личность получает из СМИ (доверие СМИ). В свою очередь, генерализованное доверие может способствовать снятию межэтнической напряжённости, поскольку доверие к людям в целом определяет готовность взаимодействовать с другими как с равноправными партнёрами, способствует приятию «иного», способствует отказу от насильственного решения конфликтных ситуаций.

Обобщая полученные результаты, сразу можно заметить, что ценности значительно перевешивают в доле объясняемой дисперсии различных видов доверия по сравнению с социально-демографическими переменными. Такое соотношение наблюдается далеко не всегда, определённые виды установочных образований личности могут более значительно зависеть от социально-демографических характеристик, нежели от ценностей. Однако в случае с доверием, которое как психологическое явление находится между установками и психологическими отношениями, дело обстоит иначе. В целом с различными видами доверия связаны следующие ценности: Власть, Благожелательность, Универсализм, Конформность, Традиция. Но между ними есть «ролевое» разделение. Не все ценности, связанные с показателями социального доверия, также связаны с показателями институционального доверия и наоборот. Исключением, пожалуй, являются ценности Власти, которые отрицательно связаны со многими показателями как социального, так и институционального доверия. Таким образом, люди, ценящие Власть склонны меньше доверять как окружающим, так и институтам. Возможно, что те, кто ценят власть над другими людьми, стремятся к ней, характеризуются более недоверчивым поведением по отношению к людям, а также более высоким скептицизмом по отношению к институтам государственной власти. Хотя некоторые исследователи считают, что именно государственная власть и устойчивые политические институты необходимы для формирования генерализованного доверия, поскольку выступают «гарантом честного сотрудничества» [Панако́стас, 2016].

Если посмотреть на количество связей между ценностями и компонентами социального или институционального доверия, то нетрудно заметить, что с институциональным доверием связано больше разных ценностей, чем с социальным. Поэтому рискнем предположить, что ценности в большей мере определяют институциональное доверие, чем социальное. Именно поэтому отношение к власти, её действиям, столь различно в обществе — в основе его поляризации лежат разные ценности, связи которых более многообразны с институциональным доверием, чем связи с социальным доверием.

Социологические опросы показывают дифференцированное отношение к властным структурам. Так, согласно опросу, проведённому исследовательским коллективом Адыгейского государственного университета в сентябре-октябре 2021 г., Президенту в той или иной мере доверяют 54,5%, губернатору края — 47,9, администрации города/села — 47,3,

в наименьшей степени средства массовой информации — 43,8%². В качестве причин недоверия респонденты отмечали неэффективность принимаемых решений, злоупотребление властью, низкий уровень профессионализма, закрытость власти, низкий нравственный уровень представителей власти [Жаде, 2021. С. 126]. Доверие к власти связано с уверенностью в её компетентности, способности эффективно решать возникающие проблемы, а также с эмоциональной оценкой её порядочности и открытости. Индивиды склонны соотносить действия власти с собственными ценностями. Исследование показало, что доверие к власти у населения Краснодарского края связано с одними и теми же ценностями, независимо от уровня власти – федеральная, региональная или местная. Во-первых, сами ценности Власти отрицательно связаны с различными показателями институционального доверия. Вероятно, люди, не стремящиеся к власти (низкие ценности Власти), будут больше доверять действующим институтам власти. Также доверием к институтам власти различного уровня характеризуются люди с более высокими ценностями Традиции и Конформности (ценностный блок «Сохранение»), а также высокими ценностями Благожелательности (которые входят в блок «Самопреодоление»). Таким образом, в наибольшей степени институтам власти различного уровня доверяют те жители Краснодарского края, которые сами не стремятся к власти, достаточно консервативны и стремящиеся к заботе о других людях.

Что касается доверия СМИ, то тут несколько иная картина. Из этой системы связей выпадает Традиция и Благожелательность и остаются только ценности Власти (все также связанные отрицательно с доверием СМИ) и ценности Конформности (положительно связанные). Вполне вероятно, это обусловлено тем, что СМИ воспринимаются как посредник между властью и населением. Соответственно, отношение к самой власти может определять и уровень доверия к СМИ. Кроме того, важной функцией СМИ выступает формирование общественного мнения, в том числе относительно состояния межнациональных отношений, восприятия других этносов и т.д.

Важная находка исследования – обнаруженный нами факт, что дисперсия компонентов социального и институционального доверия объясняется разными ценностями. Как мы видели выше, институциональное доверие, преимущественно, объясняется ценностями Благожелательности, Традиции и Конформности. В то время, как в основе социального доверия, если судить по выявленным связям и их силе, лежат прежде всего Универсализм и Благожелательность. Причём роль Универсализма значительнее. Соответственно, если мы хотим поддерживать и формировать межкультурный диалог в Краснодарском крае, а также взаимное доверие между представителями различных этнических и социальных групп, то система воспитания обязательно должна включать формирование ценностей Универсализма и Благожелательности.

Заключение

Итак, данное исследование показало, что основным узлом, с которым связаны все остальные виды доверия жителей Краснодарского края, является генерализованное доверие. В свою очередь, данный вид доверия связан с ценностями Универсализма и Благожелательности. Важный факт, который нам показала сетевая структура видов доверия, – то, что доверие представителям других национальностей у населения Краснодарского края, во-первых, довольно плотно связано с генерализованным доверием, т.е. у межэтнического доверия должна быть личностная основа. Во-вторых, оно плотно связано с доверием коллегам и соседям – т.е. важен опыт социального взаимодействия. В-третьих, мы видели,

² В отношении актуального уровня доверия к различным макросоциальным институтам и группам: *Каравай А.В.* Социальный капитал российского общества в условиях внешних шоков разной природы // Вопросы теоретической экономики. 2022. №4 (17). С. 134–148. — *Прим. ред.*

что доверие представителям других национальностей также связано с доверием СМИ, т.е. СМИ всё же довольно заметно влияют на межэтническое взаимовосприятие в регионе.

Также, с авторской точки зрения, важной находкой исследования является обнаруженный нами факт, состоящий в том, что компоненты социального и институционального доверия сопряжены с различными индивидуальными ценностями. С социальным доверием преимущественно позитивно связаны ценности Универсализма и Благожелательности. С институциональным доверием — прежде всего ценности Конформности, Традиции и слабее — ценности Благожелательности. Эти результаты указывают на то, что природа социального и институционального доверия различна — в их основе лежат разные ценности, а также сетевая структура доверия показывает, что компоненты институционального доверия не образуют узлы, а находятся на периферии когнитивной сферы респондентов.

Исследование показывает, что в Краснодарском крае есть определённый базис для межэтнического доверия, в иерархии восьми рассматриваемых нами видов доверия оно находится на втором месте. Тем не менее, если рассмотреть не относительное место межэтнического доверия среди других его видов, а абсолютное значение — среднее значение по выборке, то нетрудно заметить, что высоким его назвать нельзя. С позиций психологии, как показало наше исследование, одним из путей повышения межэтнического доверия среди населения Краснодарского края, может быть, формирование ценностей Универсализма и Благожелательности, которые связаны с различными видами доверия, включая доверие представителям других национальностей. Вероятнее всего, эта цель будет достижима при работе с подрастающим поколением, в частности при психологической работе со школьниками Краснодарского края.

Не менее важным представляется формирование доверия к власти — как региональной, так и федеральной. Это позволяет сместить акценты с внутриэтнических проблем, на общегражданские, что будет способствовать укреплению демократических установок и ценностей гражданского общества, усилению общегражданской идентичности и обретению баланса внутриэтнического и межэтнического доверия.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Баранов А.В. (2018). Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в Краснодарском крае (2016 г.) [Baranov A.V. (2018). Monitoring of Interethnic Relations and the Religious Situation in the Krasnodar Territory] // *Российская политика: повестка дня в меняющемся мире: Материалы II Съезда Российского общества политологов* (11-13 ноября 2016 г., Казань). – М.: Издательство МГУ. С. 651-660.
- Волков Ю.Г., Верещагина А.В., Левшин В.С. (2022). Представления о справедливости в межэтнических отношениях: общественное мнение жителей Краснодарского края [Volkov Yu.G., Vereshchagina A.V., Levshin V.S. (2022). Perceptions of Justice in Interethnic Relations: Public Opinion of Residents of the Krasnodar Territory] // *Социология*. № 2. С. 403-410.
- Жаде З.А. (2021). Доверие к власти в Республике Адыгее и Краснодарском крае (по результатам прикладного исследования) [Zhade Z.A. (2021). Trust in the authorities in the Republic of Adygea and Krasnodar Krai (based on the results of applied research)] // *Гуманитарий Юга России*. № 5 (51). С. 122-131.
- Папакостас А. (2016). Становление цивилизованной публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция [Papakostas A. (2016). The formation of a civilized public sphere: Distrust, trust and corruption] / Пер.с англ. Д. Жихаревича. – М.: ВЦИОМ.
- Тужба Э.Н., Муха В.Н. (2021). Мигранты с юга-востока Украины в представлениях жителей Краснодарского края [Tuzhba E.N., Mukha V.N. (2021). Migrants from the South-East of Ukraine in the views of residents of Krasnodar Krai] // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. № 10. С. 82-85.
- Фукуяма Ф. (2004). Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию [Fukuyama F. (2004). Trust: The social virtues and the creation of prosperity]. – М.: АСТ, Ермак.
- Шихирев П.Н. (2003). Природа социального капитала: социально-психологический подход [Shikhirev P.N. (2003). The nature of social capital: Socio-psychological approach] // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 17-32.
- Штомпка П. (2014). Доверие – основа общества [Shtompka P. (2014). Trust is the foundation of society]. – М.: Логос.

- Bankston C. (2004). Social Capital, Cultural Values, Immigration, and Academic Achievement: The Host Country Context and Contradictory Consequences // *Sociology of Education*. No. 77. Pp 176-179.
- Grey S. (2008). Social Capital Formation: A Case Study of the Jamaican Values and Attitudes Campaign // *Social and Economic Studies*. No. 57. Pp. 149-170.
- Karp D. G. (1996). Values and their effect on pro-environmental behavior // *Environment and behavior*. Vol. 28. No. 1. Pp. 111-133.
- Knack S., Keefer P. (1997). Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // *Quarterly Journal of Economics* Vol. 112. No. 4. Pp. 1251-1288.
- Munene J.C., Schwartz S.H., Kibanja G.M. (2005). *Escaping from Behavioral Poverty in Uganda. The role of Culture and Social Capital*. – Kampala: Fountain.
- Putnam R. D. (2001). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. – New York, London, Toronto, Sydney: Simon and Schuster.
- Rahn W. (1998). Social Trust and Value Change: The Decline of Social Capital in American Youth, 1976 – 1995 // *Political Psychology*. No.19. Pp. 545-565.
- Schwartz S.H. (2004). Mapping and interpreting cultural differences around the world // *Comparing Cultures: Dimensions of Culture in a Comparative Perspective* / Ed. by H. Vinken, J. Soeters, P. Ester. Leiden. – The Netherlands: Brill. Pp. 43-73.
- Schwartz S. H., Bardi A. (2001). Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective // *Journal of cross-cultural Psychology*. Vol. 32. No. 3. Pp. 268-290.
- Schwartz S. H. et al. (2012). Refining the Theory of Basic Individual Values // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 103. No. 4. Pp. 663-688.

Татарко Александр Николаевич

tatatrko@yandex.ru

Alexander Tatarko

Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, Chief Researcher, Center for Socio-Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7557-9107>

tatatrko@yandex.ru

Муха Виктория Николаевна

v.mukha@bk.ru

Victoria Mukha

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, Law and Human Resources, Director of the Center for Sociological Research of the Kuban State Technological University (Krasnodar)

v.mukha@bk.ru

THE VALUE BASIS OF INSTITUTIONAL AND SOCIAL TRUST IN THE KRASNODAR REGION

Abstract. This article presents the results of the study devoted to the consideration of the relationship between basic human values (according to Sh. Schwartz) and such aspects of social capital as a social trust and institutional trust. During empirical study, 874 respondents living in the Krasnodar Region were interviewed. The research instrument included a Sh.Schwartz questionnaire to assess of ten basic human values, as well as a number of scales to assess the institutional and social trust.

The study found that the components of social and institutional trust are associated with various individual values. The values of Universalism and Benevolence are positively related to the social trust. The values of Conformity and Tradition were associated with institutional trust. These results indicate that the nature of social and institutional trust is different – they are based on different values.

Also, the study demonstrated that in the Krasnodar region there is a certain basis for interethnic trust, in the hierarchy of the eight types of trust we are considering, it is in second place.

Keywords: social capital, basic human values, social trust, institutional trust.

JEL: A13, A14, D70, Z13.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Татарко А.Н., Муха В.Н. Ценностный базис институционального и социального доверия в Краснодарском крае // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 1. С. 83–99. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_83_99.

FOR CITATION: Tatarko A., Mukha V. The value basis of institutional and social trust in the Krasnodar Region // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 1. Pp. 83–99. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_83_99.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.М. Логинов

*к.э.н., старший научный сотрудник,
ИНСАП РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)*

М.А. Янковская

*младший научный сотрудник,
ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)*

МАССОВЫЕ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ¹

Аннотация. На основе данных анкетного опроса студентов, получающих высшее и среднее профессиональное образование, проведённого Центром экономики непрерывного образования РАНХиГС в 2022 г., проанализирована распространённость практик социальной активности среди российского студенчества. Показано, что представители когорты российской молодёжи, получающей профессиональное образование, демонстрируют достаточно заметный уровень включённости в практики социальной активности: 15% могут быть отнесены к активным субъектам общественно полезной деятельности, а ещё около 25% характеризуются умеренной социальной активностью. В ходе исследования выявлено, что формы социальной активности молодых людей разнообразны и включают в себя как связанные с деятельностью учебных заведений, так и находящиеся в сфере внешних инициатив. Мотивационный спектр включённости в социальную активность охватывает альтруистические мотивы (желание быть полезным и изменить мир к лучшему, помочь нуждающимся), стремления к получению преимуществ в ходе профессионального обучения и при выходе на рынок труда, а также коммуникационные основания (хорошее времяпрепровождение в сложившемся круге общения или расширение этого круга). Представители студенческой молодёжи, демонстрирующие значительную социальную активность, характеризуются сравнительно развитым компетентностным потенциалом, и можно предполагать, что включённость в соответствующие практики является как пространством приложения уже сформированных молодыми людьми индивидуальных ресурсов, так и инструментом их дальнейшего накопления. В ходе исследования выявлено, что в период студенчества материальную помощь институтам, деятельность которых сфокусирована на общественной полезности, с различной периодичностью оказывают около 10% студентов. Кроме того, более трети молодых людей не исключают своей включённости в практики подобного «социального инвестирования» в будущем. По результатам исследования можно сделать вывод о позитивности выявленных масштабов включённости студенческой молодёжи в практики социальной активности, поскольку проблематизация молодёжной когортой задач общественно полезной деятельности, а также формирование личного опыта сопричастности явным образом стимулируют продуктивную социальную динамику и расширяют возможности развития страны на горизонте ближайших десятилетий.

Ключевые слова: молодёжь, социальное поведение, социальная активность, жизненные установки, волонтерство, социальное развитие.

JEL: Z13, J13.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_100_113.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте РФ.

Введение

Модели социального поведения, формирующиеся и закрепляющиеся в молодёжной среде, во многом определяют качество и направление развития страны на ближайшие десятилетия. При наличии общих трендов, которые задают поколенческие приоритеты, неоднородность молодёжной когорты представляется очевидной. Таким образом, комплексный анализ, позволяющий не только выявить общие масштабы распространения различных поведенческих моделей, но и реализовать дифференцированное рассмотрение их воспроизводства в различных группах молодёжи, предполагает использование специальных информационных массивов, сфокусированных на данной возрастной когорте. Такой массив получен Центром экономики непрерывного образования РАНХиГС по итогам массового анкетного опроса российских студентов в возрасте до 23 лет, реализованного в 2022 г. с использованием специально разработанного исследовательского инструментария. Одним из направлений анализа выступает выявление масштабов, форм и оснований включённости российских студентов в практики социальной активности, как уже ставшие массово распространёнными, так и лишь зарождающиеся в локальных группах студенчества. Эмпирическая информация получена на основе реализации многоступенчатой выборки, в соответствии с которой анкетный опрос реализован в восьми городах трёх регионов страны, дифференцированных по критериям географического расположения и социально-экономического развития (Санкт-Петербург, Свердловская и Ивановская области) среди молодых людей, получающих высшее или среднее профессиональное образование по различным направлениям подготовки. Совокупный объём выборочной совокупности составил 2927 респондентов.

Основываясь на работах, задающих понятийную рамку исследуемой проблематики [Христова, Комаров, Ищенко, 1972; Троцук, Сохадзе, 2014; Клеман, Мирясова, Демидов, 2010], под социальной активностью мы понимаем включённость молодых людей в поведенческие практики, сфокусированные на позитивных изменениях внешней среды, либо на решении каких-либо проблем, актуальность которых не ограничивается рационально-персоналистскими интересами акторов. Особенности складывающейся в России институциональной среды во многом табуируют проблематику общественно-политического активизма, характеризующего всё более закрытые и достаточно узкие социальные группы. При этом мы полагаем, что любая включённость молодых людей в практики, направленные на решение задач, важных для общества в целом или какой-либо его группы, является важной и перспективной. Подобная деятельность (пусть и не приводящая, в рамках категорийной дифференциации К. Клеман, к переходу её акторов из группы «обывателей» в представителей «активистов») отвечает объективным общественным интересам и способствует формированию навыков социальных взаимодействий у молодого поколения россиян.

От молодёжи можно ожидать реализации активных жизненных практик, поскольку представители этой возрастной когорты находятся в стадии накопления ресурсов и формирования собственного социального опыта, что объективизирует апробацию широкого спектра поведенческих моделей. Кроме того, молодые люди в значительно меньшей степени, по сравнению со старшими поколениями, отягощены предшествующим социальным опытом разной успешности, а также ограничены семейными обязательствами, предполагающими концентрацию ресурсов внутри собственных домохозяйств. Результаты ранее проведённых исследований подтверждают наличие запроса на социальную активность со стороны значительной части российской молодёжи [Костина, Орлова, 2022; Сохадзе, 2017; Троцук, Сохадзе, Лаврушина, 2016; Викулов, 2016]. Проблемой при этом является существенный уровень аномии среди молодых россиян [Зарубина, 2016], обуславливающий ориентации на «короткие жизненные проекты» [Кривошеев, 2009].

Те части молодёжи, которые готовы к воспроизводству активных жизненных практик, достаточно ограничены [Зоркая, 2008]. Это в значительной степени определяется спектром ценностных установок представителей данной группы, в которых существенную роль играет забота об индивидуальном благополучии и ориентация на ценности, присущие обществу потребления [Арутюнова, 2017]. Фактором, ограничивающим активность молодых людей, выступает также невысокий уровень доверия социальным институтам [Шереги, 2013].

Уровень и характер включённости студентов в социальную активность

Результаты исследования показывают, что 42% молодых людей включены в практики социальной активности в период студенчества, в том числе 15% характеризуются высокой включённостью в соответствующие практики (табл. 1). Гендерные различия тут крайне несущественны. При этом достаточно заметна дифференциация по территориально-поселенческим группам студенчества. Обучающиеся в региональных столицах почти вдвое чаще являются активными участниками общественных инициатив, а доля студентов, демонстрирующих социальную пассивность, в нестоличных городах превышает две трети опрошенных.

Таблица 1

Включённость в социальную активность в период получения профессионального образования, в % по строке

Группы	Включённость в социальную активность		
	высокая	умеренная	отсутствует
В целом	15,1	26,6	58,3
<i>Гендерные группы</i>			
Мужчины	15,2	25,2	59,6
Женщины	15,1	28,0	56,9
<i>Возрастные группы</i>			
15–17 лет	11,6	23,0	65,4
18 лет	10,7	26,1	63,2
19 лет	15,8	29,3	54,9
20–23 года	22,4	29,4	48,2
<i>Тип поселения</i>			
Региональный центр	17,5	29,1	53,4
Нестоличный город	10,3	21,7	68,0
<i>Уровень получаемого образования</i>			
Высшее	19,3	27,8	52,9
Среднее профессиональное	10,3	25,3	64,4

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Молодые люди, получающие высшее образование, отличаются значимо большей социальной активностью по сравнению с проходящими подготовку в учреждениях среднего профессионального образования (СПО). Наиболее разительные различия в данном случае отмечаются в наполненности группы высокой включённости, в которую входит каждый пятый из студентов вузов и только 10% обучающихся по программам СПО. Столь высокая дифференциация частично объясняется возрастными различиями: средний возраст обучающихся в системе СПО ниже, а для представителей наименее возрастных групп некоторые из возможностей общественной активности ограничены. Однако даже с учётом возрастного фактора очевидно, что молодые россияне, реализовавшие модель получения высшего образования, демонстрируют более активные жизненные позиции.

Представленные данные также иллюстрируют возрастную динамику социальной активности молодых людей, получающих профессиональное образование. В младших группах распространённость значительной социальной активности находится на уровне около 10%. Среди 19-летних доля демонстрирующих высокую включённость в соответствующие практики увеличивается до 15%, а в более старших возрастах – до более 20%.

Важно отметить явную преемственность практик социальной активности, демонстрируемых на различных этапах жизненного пути молодых людей. Так, среди представителей группы высокой включённости в соответствующие практики в период студенчества более 60% выступали акторами общественных инициатив на этапе школьного обучения. Напротив, подавляющее большинство опрошенных, характеризующихся пассивной моделью социального поведения, не принимали участия в общественной жизни и до поступления в учреждения профессионального образования.

Формы социальной активности, в которые вовлечены представители российского студенчества, достаточно разнообразны (табл. 2). Наиболее массовая из них — участие в студенческом самоуправлении (16% респондентов). Также достаточно распространёнными (в каждом случае — на уровне 10% и более) являются организация мероприятий в собственном учебном заведении или вне его, а также участие в экологических и социальных инициативах.

Чем старше становятся студенты, тем большая их часть получает разнообразный опыт общественно полезной деятельности. Жители региональных центров, а также обучающиеся в вузах, характеризуются существенно большей социальной активностью по практически всем направлениям её реализации. Наименьший уровень поселенческой и образовательной дифференциации отмечается в распространённости таких практик, как социальная помощь, организационное участие в разнообразных мероприятиях, а также деятельность, связанная с поддержанием локального экологического баланса.

Общественную деятельность более 70% студентов, осуществлявших её в той или иной форме, предваряла специальная подготовка. Впрочем, для большинства она состояла лишь в кратком предварительном инструктаже. При этом более половины опрошенных, участвовавших в различных формах социальной активности, не ощущали ни малейшего дефицита знаний, умений и навыков. Значительный компетентностный дефицит испытывали около 7% молодых людей, включённых в практики социальной активности, и чаще прочих — представители нестоличных городов, а также студенты, сравнительно низко оценивающие свой уровень образования и личностного развития.

Таблица 2

Формы социальной активности в период получения профессионального образования, %, допускаясь несколько ответов

Формы социальной активности	В целом	Тип поселения		Уровень получаемого образования	
		региональный центр	нестоличный город	высшее	среднее профессиональное
Участие в студенческом самоуправлении	15,8	19,6	8,1	19,6	11,4
Участие в организации мероприятий, проводимых в вузе или колледже	12,4	14,7	7,7	15,4	8,8
Деятельность в экологической сфере	10,3	11,1	8,8	10,9	9,7
Участие в организации мероприятий, проводимых вне вуза или колледжа	9,9	10,4	8,8	11,2	8,3
Социальная помощь, социальная поддержка	9,8	9,8	9,9	10,8	8,7
Участие в организации работы общественных организаций и объединений	8,7	10,0	6,3	11,1	6,0
Помощь животным	7,9	9,2	5,3	9,5	6,1
Написание материалов для СМИ, блогов, социальных сетей	5,8	7,6	2,1	8,4	2,7
Просветительская, образовательная деятельность	4,7	5,8	2,3	6,2	2,9
Донорство	4,6	6,2	1,4	6,0	3,0
Участие в работе органов местного управления	3,7	4,4	2,3	4,7	2,5
Участие в поиске пропавших людей	1,9	2,3	1,1	2,1	1,7
Участие в устранении последствий стихийных бедствий	1,2	1,4	0,9	1,4	1,0
Не участвуют ни в каких формах	58,2	53,3	68,0	52,8	64,4

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Мотивы включённости в практики социальной активности

Рассмотрим мотивационный спектр, на основе которого формируются установки участия молодых людей в практиках социальной активности. Чаще всего студенты, участвующие в общественной жизни, указывают в числе побудительных мотивов к этому желание саморазвития и личностного роста (54%), а также стремление к решению важных для социума задач (44%) (рис. 1).

Девушки, по сравнению со студентами-мужчинами, демонстрируют несколько более широкий спектр разнообразных мотиваций. Распространённость большинства позиций, на основании которых реализуются решения об участии в общественно полезной деятельности, среди женской гендерной группы фиксируется на несколько более высоком уровне, и различия составляют несколько процентных пунктов. Исключениями выступают стремление помочь конкретным людям, где отмечается гендерная симметрия, и административное влияние учебного заведения, в отношении которого выражен незначительный «мужской приоритет».

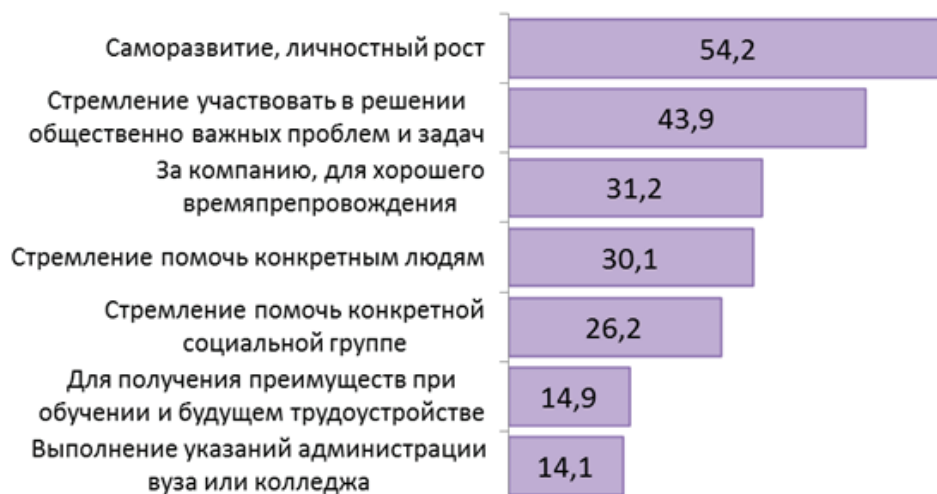

Рис. 1. Мотивы вовлечённости в социальную активность, % от участвующих, допускалось несколько ответов
 Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Можно отметить ряд закономерностей, в соответствии с которыми различаются мотивы молодых людей, демонстрирующих высокий и умеренный уровень включённости в общественно полезную деятельность. Так, наиболее активные студенты значительно чаще указывают на такие основания, как стремление к саморазвитию, желание участвовать в решении важных для общества проблем и намерение помочь конкретным людям (табл. 3).

Таблица 3

Мотивы вовлечённости в социальную активность, по уровням включённости, в % от участвующих, допускалось несколько ответов

Мотивы	В целом	Включённость в социальную активность	
		высокая	умеренная
Саморазвитие, личностный рост	54,2	63,3	48,9
Стремление участвовать в решении общественно важных проблем и задач	43,9	50,1	40,0
За компанию, для хорошего времяпрепровождения	31,2	32,9	30,1
Стремление помочь конкретным людям	30,1	35,4	27,0
Стремление помочь конкретной социальной группе	26,2	28,9	24,6
Для получения преимуществ при обучении и будущем трудоустройстве	14,9	19,0	12,9
Выполнение указаний администрации вуза или колледжа	14,1	13,2	14,6

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Для респондентов, представляющих нестоличные города, более значимым мотивом выступает желание оказать помощь конкретным людям или представителям какой-либо уязвимой социальной группы. Актуальность саморазвития и личностного роста, а также ощущения вовлечённости в решение важных для социума задач сравнительно высока среди тех, кто в период обучения проживает в региональных столицах.

Молодые люди, обучающиеся в вузах, обнаруживают более амбициозную мотивацию социальной активности с точки зрения её общественной полезности. Для представителей данной группы студенчества, по сравнению с получающими среднее профессиональное образование, более важно участвовать в решении проблем и задач, актуальных для российского социума. При этом студенты, проходящие подготовку по программам СПО, существенно чаще заявляют об административном влиянии как стимуле социальной активности (табл. 4).

Таблица 4

Мотивы вовлечённости в социальную активность, по типам поселений и уровням получаемого профессионального образования, в % от участвующих, допускаясь несколько ответов

Мотивы	В целом	Тип поселения		Уровень получаемого образования	
		региональный центр	нестоличный город	высшее	среднее профессиональное
Саморазвитие, личностный рост	54,2	56,5	47,3	56,1	51,3
Стремление участвовать в решении общественно важных проблем и задач	43,9	45,7	38,6	47,9	37,7
За компанию, для хорошего времяпрепровождения	31,2	32,0	28,9	32,8	28,7
Стремление помочь конкретным людям	30,1	27,6	37,5	28,3	32,9
Стремление помочь конкретной социальной группе	26,2	24,6	31,0	26,3	26,0
Для получения преимуществ при обучении и будущем трудоустройстве	14,9	14,4	16,6	14,6	15,4
Выполнение указаний администрации вуза или колледжа	14,1	14,3	13,7	11,4	18,4

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

При рассмотрении возрастной динамики мотивационного спектра проявляются несколько тенденций. Во-первых, основание помощи конкретным людям наиболее распространено среди самых молодых. Во-вторых, более старшие из студентов чаще участвуют в социальной активности ради хорошего времяпрепровождения и поддержания поведенческих паттернов, сложившихся в кругу друзей. И, наконец, крайне важно отметить, что с повышением возраста в мотивационный спектр социальной активности всё чаще входят стремление к решению актуальных для общества задач и желание оказать помощь представителям групп населения, которые в этой помощи нуждаются.

Отношение к институционализированным формам общественных инициатив

Важная характеристика потенциальной включённости в социальную активность и закрепления соответствующих практик на жизненном горизонте сегодняшних студентов – их отношение к деятельности функционирующих групп низовой общественной инициативы. В этом отношении ситуация достаточно оптимистична, так как более 70%

опрошенных считают, что деятельность, которую ведут большинство волонтерских объединений в России, является отнюдь не профанационной, а, напротив, нужной и полезной.

Позитивное отношение к работе российских волонтеров закреплено в сознании подавляющего большинства представителей всех демографических групп студенчества. Это позволяет утверждать, что оно является устоявшейся социальной нормой. Причём мнение о нужности и полезности работы большинства российских волонтеров несколько ярче выражено у женщин, более старших студентов, а также жителей нестоличных городов. Неудивительно, что оценки молодых людей, которые сами включены в общественно полезную работу, наиболее высоки. Однако важно отметить, что даже среди студентов, демонстрирующих в данной сфере личную пассивность, доля позитивных характеристик работы волонтерских объединений в стране достигает двух третей опрошенных (табл. 5).

Таблица 5

Оценка деятельности института волонтерских объединений в России, в % по строке

Группы	Оценка деятельности института волонтерских объединений		
	большинство выполняет нужную и полезную деятельность	большинство вряд ли можно отнести к тем, кто полезен и нужен	затруднились ответить
В целом	72,2	9,8	18,0
<i>Гендерные группы</i>			
Мужчины	67,0	11,8	21,2
Женщины	76,8	8,0	15,2
<i>Возрастные группы</i>			
15–17 лет	70,2	9,2	20,6
18 лет	72,8	9,8	17,4
19 лет	71,3	11,4	17,3
20–23 года	74,2	9,2	16,6
<i>Тип поселения</i>			
Региональный центр	70,3	10,3	19,4
Нестоличный город	76,1	8,7	15,2
<i>Включённость в социальную активность</i>			
Высокая	84,7	7,3	8,0
Умеренная	77,6	9,8	12,6
Отсутствует	66,0	10,7	23,3

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Мнение, в соответствии с которым россиянам необходимо, при наличии материальных возможностей, оказывать поддержку благотворительным организациям и группам, занимающимся общественно полезной деятельностью, поддерживает половина студентов. При объяснимо высокой доле затруднившихся с ответом на этот вопрос, не согласны с такой постановкой лишь около 20% молодых людей. Чаще прочих сомнения в необходимости изыскания ресурсов для материальной поддержки институтов социальной активности со стороны «простых россиян» высказывают респонденты-мужчины, самые молодые

из опрошенных, получающие среднее профессиональное образование, а также представители наименее обеспеченных домохозяйств.

Материальную помощь учреждениям, деятельность которых сфокусирована на общественной полезности, на регулярной или ситуативно-разовой основе оказывают 9% опрошенных. Кроме того, более трети молодых людей не исключают своей включённости в подобные практики на следующем этапе жизненной траектории, в период достижения финансовой независимости и появления стабильного источника дохода. Представители достаточно небольшой группы опрошенных, численность которой составляет 17%, уверенно постулируют безусловную незаинтересованность в подобном финансовом участии.

Таблица 6

Практики финансового участия в деятельности институтов общественно полезной деятельности, в % по строке

Группы	Практики финансового участия			
	уже помогают	пока не помогают, но планируют в будущем	не помогают и не планируют в будущем	затруднились ответить
В целом	9,0	37,4	16,6	37,0
<i>Гендерные группы</i>				
Мужчины	8,5	35,7	18,5	37,3
Женщины	9,5	38,9	14,9	36,7
<i>Возрастные группы</i>				
15–17 лет	7,4	32,0	19,3	41,3
18 лет	7,3	37,5	17,2	38,0
19 лет	10,3	39,7	15,4	34,6
20–23 года	11,5	41,0	14,5	33,0
<i>Тип поселения</i>				
Региональный центр	10,1	38,3	16,9	34,7
Нестолличный город	6,8	35,7	16,1	41,4
<i>Включённость в социальную активность</i>				
Высокая	19,9	48,0	6,6	25,5
Умеренная	11,8	43,2	11,6	33,4
Отсутствует	5,1	32,2	21,6	41,1

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Практики финансового участия в институционализированных формах общественно полезной активности в наибольшей мере характеризуют жителей региональных столиц, а также представителей сравнительно старших возрастов (табл. 6). Крайне существенно влияет на рассматриваемые практики собственная социальная активность молодёжи: среди демонстрирующих высокий уровень включённости в общественно полезную деятельность актуальными или потенциальными инвесторами выступают около 70% опрошенных, в том числе 20% уже имеют опыт подобных вложений.

Практики социальной активности в контексте личностного развития и видения перспектив

После выделения и описания групп молодых людей, которые демонстрируют различный уровень включённости в массовые практики социальной активности, представляется важным охарактеризовать представителей этих групп в контексте располагаемых ими компетентностных возможностей. Использование для этого субъективных характеристик респондентов, безусловно, ограничивает полноту оценок, поскольку вряд ли можно предположить, что значительная часть опрошенных обладают экспертизой, достаточной для компетентного восприятия имеющихся возможностей с точки зрения актуальных и потенциальных запросов внешней среды. Однако мы полагаем, что молодые люди в период профессионального обучения уже накопили социальный опыт, вполне достаточный для того, чтобы спектр их самооценок был применим с точки зрения задач качественной дифференциации.

Данные, представленные в табл. 7, показывают, что студенты, характеризующиеся высокой социальной активностью, существенно более ресурсообеспечены с точки зрения накопленных компетенций. Подобная картина иллюстрирует каждую из разнообразных составляющих личностного развития опрошенных. При этом важно отметить несколько параметров, в отношении которых различия проявляются наиболее ярко: коммуникационные способности, инициативность, лидерские и организационные качества.

Таблица 7

Самооценка уровня личных компетенций (среднее значение, от 1 до 5)

Личные компетенции	В целом	Включённость в социальную активность		
		высокая	умеренная	отсутствует
Эрудиция, общие знания о мире	3,62	3,99	3,66	3,52
Владение средствами коммуникации и получения информации	3,87	4,16	3,86	3,79
Умение систематизировать и анализировать информацию	3,76	4,08	3,78	3,67
Коммуникационные способности	3,75	4,20	3,85	3,60
Владение иностранным языком	3,10	3,42	3,16	3,00
Умение выстраивать отношения в коллективе	3,83	4,15	3,92	3,69
Исполнительность, ответственность	3,88	4,19	3,97	3,76
Инициативность, креативность	3,69	4,11	3,80	3,53
Трудолюбие	3,77	4,09	3,89	3,63
Лидерские качества	3,54	4,01	3,64	3,37
Организаторские способности	3,58	4,06	3,70	3,41
Самостоятельность	4,07	4,29	4,13	3,97
Уровень здоровья	3,95	4,11	3,95	3,91

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Путём агрегирования показателей развития всех рассмотренных выше личных компетенций, авторами на основе использования стандартных статистических показателей реализовано разделение студенческой молодёжи по трём уровням компетентностной ресурсообеспеченности. Полученные результаты позволяют характеризовать представителей студенческой молодёжи, активно включённых в практики социальной активности, как группу, существенно отличающуюся от большинства. Более 40% данной группы относятся к сравнительно высокому уровню компетентностной ресурсообеспеченности, тогда как низким показателем оценивается индивидуальный потенциал лишь 14% «общественных активистов» (рис. 2). Как можно предположить, сравнительно развитый потенциал собственных возможностей объективизирует для молодых людей большую вовлечённость в общественно полезную деятельность, в ходе реализации которой, в свою очередь, происходит дальнейшее наращивание компетенций.

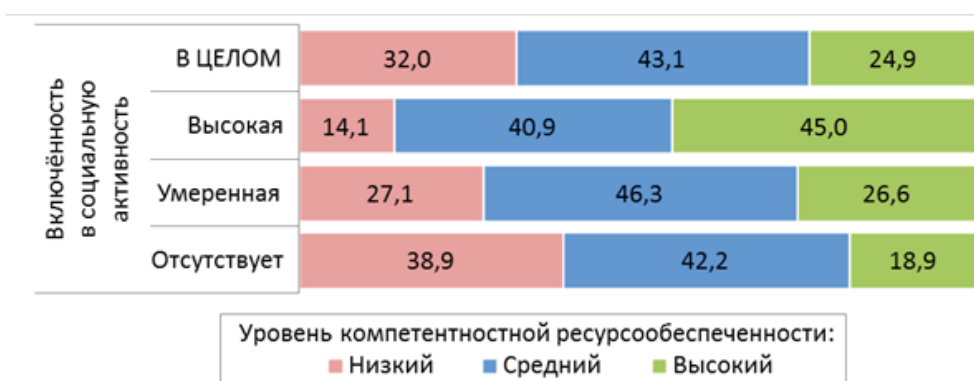

Рис. 2. Интегральный уровень компетентностной ресурсообеспеченности, по группам включённости в социальную активность, %

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Столь значительный уровень дифференциации в восприятии собственных возможностей определяет и различия в оценке молодыми людьми своих будущих перспектив. В целом, около половины студентов полагают, что на горизонте ближайшего десятилетия их профессиональная карьера будет складываться успешно. При этом среди тех, кто уже в период профессионального обучения демонстрирует высокий уровень вовлечённости в социальную активность, позитивные ожидания относительно возможностей самореализации распространяются на около двух третей опрошенных (рис. 3).

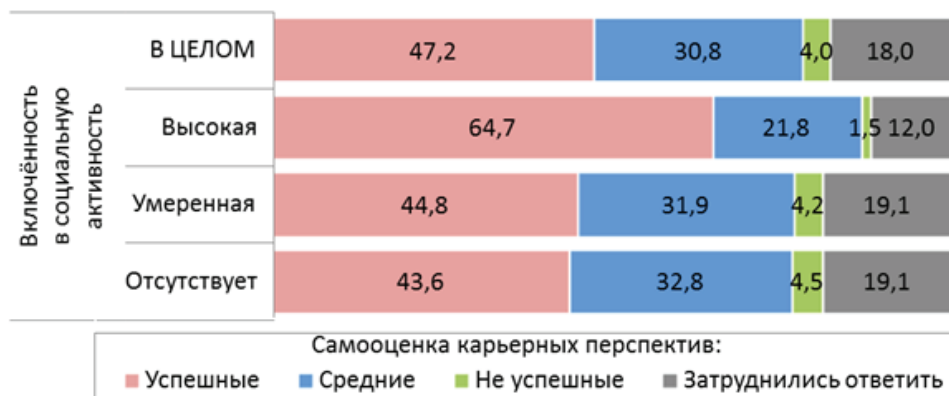

Рис. 3. Самооценка карьерных перспектив на горизонте ближайших 10 лет, по группам включённости в социальную активность, %

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Представляется важным отметить, что студенты, активно включённые в общественную деятельность и, как мы определили выше, ощущающие уверенность в будущем карьерном успехе, в наибольшей степени ориентированы на работу по найму, и особенно в государственном секторе. А молодые люди, отнесённые к социально пассивным, реже всего связывают свои профессиональные перспективы с государственными организациями и наиболее массово отдают приоритет карьере, основанной на предпринимательской инициативе.

Основные выводы

Как показало проведённое исследование, представители когорты российской молодёжи, получающей профессиональное образование, демонстрируют достаточно существенную включённость в рассматриваемые практики: 15% молодых людей характеризуются высоким уровнем включённости, а ещё около 25% — умеренным. Представляется очевидным, что и факт, и уровень социальной активности напрямую связаны с отношением к подобной деятельности в целом, наличием пространства применения личных усилий в этом направлении, а также возможностью удовлетворения значимых для себя потребностей.

Формы социальной активности, достаточно массово воспроизводящиеся молодыми людьми, разнообразны и включают в себя как связанные с деятельностью профессиональных учебных заведений, так и находящиеся в сфере внешних общественно полезных инициатив. Мотивационный спектр деятельного участия охватывает разнообразные основания. Альтруистические мотивы молодых людей выражаются в желании быть полезным, изменить мир к лучшему, а также помочь тем, кто в этом нуждается. Личные стимулы связаны как с получением прямых персональных выгод в достижении благоприятных условий обучения и лучших возможностей будущего трудоустройства, так и с ростом собственного компетентностного потенциала, расширяющего жизненные шансы в целом. Важную роль играют также коммуникативные мотивы, описывающие хорошее времяпрепровождение в сложившемся круге общения и получение новых эмоций от общения.

Группа студенческой молодёжи, демонстрирующая значительную социальную активность, характеризуется сравнительно высоким развитием собственных компетенций. Таким образом, можно предполагать, что общественно полезная деятельность является как пространством приложения уже сформированных молодыми людьми индивидуальных ресурсов, так и инструментом их дальнейшего накопления. Активность участия в рассматриваемых практиках существенно дифференцирует студенческие группы по критерию оценки будущих жизненных перспектив. Здесь важно отметить, что демонстрирующие большой оптимизм представители молодёжи, которые вовлечены в общественно полезную деятельность, чаще связывают успешное трудоустройство с наёмной занятостью, особенно в государственном секторе. Социально пассивные на этапе студенчества молодые люди, более скромно оценивающие перспективы жизненного успеха, чаще ориентированы на самореализацию через индивидуальную предпринимательскую деятельность.

Безусловно, значительная часть социальной активности российской молодёжи является разовой и ситуативной. Кроме того, будучи основанной на административном влиянии со стороны образовательных учреждений, эта активность часто выступает в симуляционных формах. Однако даже с учётом этих обстоятельств представляется важным заключить, что отмеченная достаточно массовая включённость студенческой молодёжи в практики социальной активности крайне позитивна. Проблематизация молодёжной когортой задач общественно полезной деятельности и формирование личного опыта сопричастности явным образом стимулируют продуктивную социальную динамику и расширяют возможности развития страны на горизонте ближайших десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Арутюнова Е.М. (2017). Государственно-гражданская и этническая идентичности молодёжи: общероссийский контекст и региональная специфика [Arutyunova E.M. (2017) State-civil and ethnic identities of the youth: the national context and regional specifics] // *Россия реформирующаяся*. № 15. С. 259-272.
- Викулов А.К. (2016). Социально-политические ориентации российской молодёжи: особенности формирования и развития в обществе потребления [Vikulov A.K. (2016). Socio-political orientations of Russian youth: features of formation and development in the consumer society]. – М.: Пусайнс.
- Зарубина Н.Н. (2016). Молодёжь в условиях аномии: кто примет ответственность за будущее России? [Zarubina N.N. (2016). The youth in terms of anomie: who will take the responsibility for the future of Russia?] // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 52-63.
- Зоркая Н.А. (2008). Современная молодёжь: к проблеме «дефектной» социализации [Zorkaya N.A. (2008). Contemporary youth: on an issue of imperfect socialization] // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 4 (96). С. 8-22.
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А. (2010). От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России [Kleman K., Miryasova O., Demidov A. (2010). From philistines to activists: Emerging Social Movements in Modern Russia]. – М.: Три квадрата.
- Костина Е.Ю., Орлова Н.А. (2022). Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодёжи [Kostina E.Yu., Orlova N.A. (2022). Social activity and social responsibility in the ideas and practices of modern youth] // *Вестник Института социологии*. Т. 13. № 1. С. 129-143. DOI 10.19181/vis.2022.13.1.778.
- Кривошеев В.В. (2009). Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе [Krivosheyev V.V. (2009). Short life projects: the manifestation of anomie in modern society] // *Социологические исследования*. № 3(299). С. 57-67.
- Сохадзе К.Г. (2017). Социальная активность российской молодёжи: масштабы и факторы сдерживания [Sokhadze K.G. (2017). Social activity of the Russian youth: the scope and restraining factors] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 17. № 3. С. 348-363. DOI 10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363.
- Троцук И.В., Сохадзе К.Г. (2014). Социальная активность молодёжи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе [Trotsuk I.V., Sokhadze K.G. (2014). Social activity of youth: approaches to the assessment of forms, motives and factors in the contemporary Russian society] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. № 4. С. 58-74.
- Троцук И.В., Сохадзе К.Г., Лаврушина А.И. (2016). (Не)институциональные форматы социальной активности российской молодёжи (по результатам экспертных и массовых опросов) [Trotsuk I.V., Sokhadze K.G., Lavrushina A.I. (2016). (Non)institutional forms of social activity of the Russian youth (the results of expert and mass surveys)] // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. № 6-7. С. 108-113.
- Христова И.Ч., Комаров Е.Г., Ищенко Т.В. (1972). Пути формирования социальной активности личности при социализме [Hristova I.Ch., Komarov E.G., Ishchenko T.V. (1972). Ways of formation of social activity of personality under socialism]. – М.: Мысль.
- Шереги Ф.Э. (2013). Российская молодёжь: настроение, ожидания, ценностные ориентации [Sheregi F.E. (2013). Russian youth: mood, expectations, value orientations] // *СОТИС – социальные технологии, исследования*. № 4(60). С. 20-36.

Логинов Дмитрий Михайлович

loginov-dm@ranepa.ru

Dmitry Loginov

PhD (Econ), Senior Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration. Moscow, Russian Federation.

loginov-dm@ranepa.ru

Янковская Марианна Алексеевна

yankovskaya-ma@ranepa.ru

Marianna Yankovskaya

Junior Researcher, Center of the Economics for Continuing Education, Institute of Applied Economic Research, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration. Moscow, Russian Federation

yankovskaya-ma@ranepa.ru

STUDENT YOUTH' SOCIAL ACTIVITY MASS PRACTICES

Abstract. Based on the data of the questionnaire survey among students obtaining higher and secondary vocational education held by the Center of Economy of Continuous Education of RANEPA in 2022, the prevalence of social activities' practices among Russian students has been analyzed. It has been shown that representatives of the Russian youth cohort obtaining professional education demonstrate quite significant level of engagement into social activity practices: 15% of them may be referred to socially useful activity actors and around 25% are characterized by moderate social activity. Within the intercourse of the survey there has been revealed that forms of social activity are diverse among young men and include activities as related to the activities of educational institutions as efforts involved in the sphere of external initiatives. Motivational spectrum of involvement in social activity covers altruistic motives (desire to be useful and to change the world to the better, to help to those in need), pursuit of personal goals such as receiving advantages while vocational education and entering labour market, and communicational bases too (having nice time in in the established circle of communication or the expansion of this circle). Representatives of the student youth who demonstrate significant social activity are characterized by comparatively developed competence potential and it may be assumed that engagement into corresponding practices is both the space for application of individual resources already formed by young men and a tool for further accumulation of the resources. The survey has revealed that about 10% of students provide financial assistance with varying frequency to institutions whose activities are focused on public utility. Besides, more than a third of young men do not exclude their involvement in the practice of such "social investment" in the future. According to the results of the survey it can be concluded that the revealed extent of the students' involvement into practices of social activity is positive, since the problematization of socially useful activity tasks by the youth cohort and development of personal experience of involvement explicitly stimulate productive social dynamics and enhances the opportunities of the country's development on the horizon of the nearest decades.

Keywords: *the youth, social behaviour, social activity, life values, volunteering, social development.*

JEL: Z13, J13

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Логинов Д.М., Янковская М.А. Массовые практики социальной активности студенческой молодежи // Вопросы теоретической экономики. № 1. 2023. С. 100–113. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_100_113.

FOR CITATION: Loginov D., Yankovskaya M. Student Youth' Social Activity Mass Practices // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 1. 2023. Pp. 100–113. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_100_113.

А.А. Мальцев

*д.э.н., доцент, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,*

Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург),

Университет Пикардии имени Жюль Верна (Амьен, Франция)

КАК КЛИО ПРЕВРАТИЛАСЬ В КЛИОЛЯТОРА, ИЛИ МЕТАМОРФОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

Аннотация. В статье систематизированы внешние и внутренние причины так называемой клиометрической революции в экономической истории (ЭИ). Особое внимание уделяется анализу внутридисциплинарных, а также внешних по отношению к ЭИ причин, обусловивших рост интереса экономико-исторического сообщества США к клиометрике в 1950–1960-е гг. К числу главных факторов, обусловивших переход на клиометрические принципы занятия ЭИ, автор относит: 1) сциентистские настроения молодого поколения американских экономических историков; 2) переезд в Северную Америку большого количества влиятельных европейских учёных из позитивистских кругов, оказавших мощную поддержку молодым американским коллегам в деле квантификации ЭИ; 3) трагические события первой половины XX столетия, актуализировавшие необходимость создания интеллектуальной защиты против набравшего силу тоталитаризма при помощи (в том числе) экономической истории, нуждавшейся для большей убедительности в опоре на гипотетико-дедуктивные модели и количественный анализ; 4) мрачную эпоху маккартизма, заставившую экономических историков уходить от изучения идеологически опасных «больших» вопросов в сторону малопонятных для политизированных чиновников количественных выкладок и /или маскировать свои исследования за фасадом греческих букв и математических символов. В работе показано, что несмотря на успехи клиометрической революции, говорить о её победоносном шествии по национальным сообществам экономических историков поначалу не приходилось. Для окончательной победы клиометристов понадобилось добавить в количественную экономическую историю «забытый» институциональный контекст. Именно сочетание нового институционализма с количественными исследованиями обеспечило ЭИ достаточно гостеприимный прием в Старом Свете. Особый акцент в статье сделан на анализе восприятия клиометрической революции в современной литературе. Автор доказывает, что критики клиометрики, как правило, упускают из виду несколько важных обстоятельств: 1) ренессанс интереса к экономико-исторической проблематике экономистов и других представителей социальных наук; 2) реинтеграцию ЭИ в мейнстримную экономическую науку.

Ключевые слова: *экономическая история, экономическая наука, клиометрическая революция.*

JEL: B00, N01.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_114_126.

Как считается, Великая рецессия 2007-2009 гг. и пандемия COVID-19 выступили катализаторами роста интереса к экономической истории (ЭИ). Т. Пикетти в интервью, размещённом на сайте Парижской школы экономики, так комментирует основной посыл своей последней большой книги «Капитал и идеология»: «Если бы у этой книги была одна цель, то это стало бы способствовать новому обретению гражданами экономических и исторических (курсив мой – А.М.) знаний»¹. Аналитики McKinsey прямо задаются вопросом о том, «чему история может научить нас в области экономических последствий пандемии коронавируса» [Pinkus, Ramaswamy, 2020], а их коллеги из Всемирного экономического форума не устают указывать на значимость уроков истории при анализе влияния коронакризиса на социально-экономическое развитие стран мира [Kretchmer, 2021].

В свою очередь новейшая наукометрическая статистика свидетельствует об усилении присутствия работ по ЭИ в мейнстримном дискурсе. Так, скажем, анализ М. Яремского показал, что в 2013-2018 гг. удельный вес статей по экономической истории, появившихся на страницах таких уважаемых журналов, как *American Economic Review*, *Quarterly Journal of Economics*, *American Economic Journal: Applied Economics* и *American Economic Journal: Macroeconomics* достиг 6,4% от общего объёма материалов, публикуемых в этих изданиях. Для сравнения: доля материалов по такой уважаемой дисциплине, как международная экономика, выходящих в этих флагманах мейнстримной научной периодики, составила лишь 5,0%, а по организации промышленности – и вовсе 3,3% [Jaremski, 2020. P. 171-172]. В этой связи едва ли не закономерными выглядят результаты исследования Р. Абрамицкого, показывающие, что в наши дни выпускники докторских программ по экономической истории отнюдь не выглядят бедными родственниками на академическом рынке труда, где они успешно конкурируют с обладателями учёных степеней по другим субдисциплинам современной экономической науки [Abramitzky, 2015].

Впрочем, эти внушающие оптимизм выводы не должны заслонять главного. Говоря о возвращении ЭИ в поле зрения мейнстримного сообщества, эксперты подразумевают исключительно количественно-аналитическую экономическую историю, более известную как клиометрика. Причины роста симпатий «основного русла» к квантифицированной традиции занятия ЭИ рассмотрены мной в других работах (см., например, [Мальцев, 2022]). В настоящей статье важнее установить истоки зарождения этого направления исследований, поскольку, как справедливо замечают К. Дьеболь и М. Опер, «для понимания текущего статуса и перспектив будущего экономической истории необходимо изучить её прошлое» (цит. по [Fernández de Pinedo, La Parra-Perez, Muñoz, 2022]).

На первый взгляд, подобная задача может показаться полной бессмыслицей, поскольку запрос по ключевому словосочетанию *cliometric revolution* в Google Scholar выдает свыше 8400 документов, содержащих данные слова². На фоне такого богатства литературы встает закономерный вопрос: неужели никто из специалистов за 65 лет с момента выхода в свет знаковых публикаций А. Конрада и Дж. Меира, ознаменовавших начало клиометрической революции³, не смог проанализировать факторы, обусловившие успех этого интеллектуального «мятежа»? Конечно, статьи и книги, посвящённые осмыслению клиометрического переворота, занимают немало места на полках библиотек. Однако при более внимательном их изучении выясняется, что по большей части данные исследования направлены на изучение *последствий* клиометризации ЭИ, тогда как рассмотрение истоками возникновения этого процесса в подобных работах нередко сводится к дежурным ссылкам на труды патриархов клиометрики. Из-за этого может сложиться ощущение,

¹ A Word From Thomas Piketty: “Every human society must justify its inequalities:” // <https://www.parisschoolofeconomics.eu/en/news/thomas-piketty-every-human-society-must-justify-its-inequalities/> (access date 6.01.2023).

² https://scholar.google.com/scholar?hl=en&as_sdt=0%2C5&q=cliometric+revolution&btnG=

³ См., например, [Hauptert, 2017].

будто бы клиометрика является чуть не ли внезапным озарением, посетившим пионеров клиометрической революции (КР) и в мгновение ока поменявшим характер занятия ЭИ.

При всей привлекательности подобной трактовки за её скобками остаются такие факторы возникновения клиометрики, как постепенно назревавшие изменения в теоретико-методологических предпочтениях экономических историков, а также перемены в общественной жизни, ускорившие приближение клиометрического переворота. Особенно важным изучение этих причин клиометрической революции видится для стран, ещё не полностью охваченных клиометрикой, экономические историки которых, тем не менее, связывают перспективы развития ЭИ с внедрением клиометрических стандартов [Дроздов, Погребинская, Золотарева, 2018]. В данной статье я постараюсь показать, что переход на современный – количественный – стандарт занятия ЭИ возник не по мановению волшебной палочки, а стал результатом сложного сочетания внутренних и внешних (по отношению к ЭИ) факторов. Это, на мой взгляд, должно служить предостережением от попыток принудительного обращения в клиометрическую «веру» «неверующих коллег» [McCloskey, 1995. P. 8] и поводом внимательнее отнестись к изучению истоков возникновения тех или иных интеллектуальных направлений, без осмысления которых едва ли можно надеяться на их плодотворную рецепцию.

Структура статьи выглядит следующим образом. В первом разделе рассматриваются факторы, обусловившие превращение США в 1950-1960-е гг. в колыбель клиометрической революции (КР). Во второй части статьи предложено объяснение затухания темпов КР в 1970-1980-е гг. и систематизированы факторы, обусловившие рост интереса к клиометрике на рубеже 1980-1990-х гг. в Европе, чьи экономические историки поначалу встретили КР достаточно прохладно. Завершающий раздел посвящён краткому обзору последствий «клиометризации» для развития ЭИ.

Причины клиометрической революции

Пожалуй, одним из наиболее дискуссионных явлений в историографии ЭИ является клиометрическая революция. Одни исследователи считают, что она является знаковым событием для ЭИ, «изменившим исторические исследования в целом [и открывшим эру] количественной проекции социальных наук в прошлом» [Diebolt, Haupert, 2016. P. V]. Другие специалисты пишут, что из-за победы клиометристов Клио оказалась изгнана из ЭИ, в результате чего между экономикой и историей «возник дисбаланс, пространство между историей и экономикой оказалось занято последней» [Gauthier, 2022. P. 289]. Список критических оценок итогов КР можно продолжать ещё долго. В контексте нашего разговора важнее обратить внимание на следующее: независимо от восприятия итогов количественной революции, эксперты согласны с тем, что КР ознаменовала собой появление нового историко-экономического жанра. Если до КР экономические историки делали упор на «нарративные описания и качественные исследования», то после «сосредоточились на [анализе] данных и [экономико-математических] моделях» [Diebolt, Haupert, 2022. P. 2].

Если у специалистов, как правило, нет разночтений в том, что из себя представляет клиометрика, то относительно её «родителей» такого единодушия не наблюдается. Так, по мнению одних учёных, истоки клиометрики следует искать в работах У. Митчелла и Э. Гея 1920-х гг., наглядно показавших значимость «аккуратного сбора длинных рядов данных, жизненно важных для проведения экономической политики» [Lamoreaux, 2016. P. 37]. С точки зрения других экспертов, своим появлением на свет клиометрика во многом обязана развитию «статистических и других количественных методов, а также компьютерной технологии» [Klein, 1996. P. 64]. Немало споров ведётся и о том, можно ли вообще говорить о глобальном триумфе клиометрики. Ряд исследователей настаивает на том, что тотальная

клиометризация ЭИ произошла только за океаном, тогда как в Старом Свете экономические историки по-прежнему практикуют различные способы занятия экономической историей⁴.

Признавая актуальность данных дискуссий и не принижая роль Митчелла, Гея и компьютеров в рождении клиометрики, нельзя не отметить, что за спорами о том, кто несет «персональную» ответственность за КР и почему клиометрика поначалу пришлась не ко двору европейских учёных, из поля зрения нередко выпадает целый ряд вопросов. В частности, до конца остаются не выясненными причины, сделавшие США родиной клиометрики, мало исследованы социально-политические факторы, ускорившие перерождение покровительницы историков Клио из музы, изображаемой со стилем и свитком, в «Клиолятора» (*Cliolator* – божество, вооруженное калькулятором [*Rosenzweig*, 2011. Рр. 46–47]). Не претендуя на то, чтобы дать исчерпывающие ответы на данные вопросы, попробую кратко выделить основные объяснения, позволяющие пролить свет на загадки рождения этого киборгоподобного «существа». К числу главных из них, на мой взгляд, можно отнести следующие.

Во-первых, этой трансформации способствовал переезд в США в 1910-1950-е гг. большого числа европейских учёных, вынужденных покинуть Европу, превратившуюся в первой половине XX столетия в арену разрушительных социальных экспериментов [*Мальцев*, 2018]. Профессиональное становление многих из этих академических мигрантов проходило отнюдь не в русле доминировавшей в то время среди заокеанских специалистов в области ЭИ традиции немецкой исторической школы, утверждавшей преимущество индуктивных умозаключений над логико-математическим анализом и фактически «освобождая» своих приверженцев от изучения экономической теории [*Mejía*, 2015. Р. 82]. «Мы [зачем-то] должны прийти к Кейнсу и его математическим символам, претендующим на то, чтобы считаться значимыми для измерений, но на деле являющихся проявлением человеческого недомыслия, – едко отмечал в 1949 г. влиятельный экономический историк Б. Митчелл (1892-1988 гг.), – давайте будем наслаждаться весной жизни, а не приближать зиму разочарования» (цит. по [*Kirkland*, 1949. Р. 101]). Однако недоверие старших коллег к экономико-математическим методам лишь распалило энтузиазм молодых американских учёных, жаждавших распрощаться с кажущейся им безнадежно устаревшей «старой экономической историей», дискредитировавшей себя в их глазах из-за «беспомощности в интерпретации причинно-следственных связей» [*Mejía*, 2015. Р. 82]. Впрочем, вряд ли молодым бунтарям (как их затем назовет К. Голдин, «младотуркам» [*Gauldin*, 1995. Р. 193]) удалось бы одолеть сторонников традиционной ЭИ без помощи влиятельных союзников.

Сциентистский настрой американских критиков старшего поколения американских экономических историков полностью совпадал с представлениями плеяды блестящих европейских интеллектуалов, покинувших превратившийся в арену разрушительных социальных экспериментов Старый Свет. В этом плане, например, очень трудно переоценить вклад немецкого логического позитивиста К.Г. Гемпеля (1905-1997 гг.), переехавшего в США в 1939 г. и вдохновившего молодое поколение заокеанских экономических историков своей убежденностью в «отсутствии отличий между точной наукой и историей как в предмете исследования, так и методе аргументации» [*Hamouda, Price*, 1991. Р. 39]. Не меньшую роль в популяризации необходимости овладения историками навыками количественного анализа сыграл другой выдающийся выходец из Старого Света – С. Кузнец, опубликовавший на страницах первого номера ныне одного из наиболее престижных журналов по ЭИ – *Journal of Economic History* статью «Статистика и экономическая история», ставшую своеобразным программным манифестом сторонников квантифицированной истории. «Основной предпосылкой настоящей работы, – писал в 1941 г. будущий

⁴ См., например: [*Toninelli*, 2007].

Нобелевский лауреат, – является тезис о том, что поиск общих тенденций в переменчивом историческом опыте является разумным и многообещающим начинанием, а также то, что этот поиск может и должен строиться на основе гипотез и категорий, сформулированных на основе теоретического и статистического изучения экономических истоков анализируемого явления» [Kuznets, 1941. P. 39]. О том, насколько сильно эти идеи повлияли на вектор дальнейшего развития ЭИ, красноречиво говорит формулировка Нобелевским комитетом заслуг аспиранта С. Кузнеца – Р. Фогеля, удостоенного (вместе с Д. Нортон) в 1993 г. премии памяти Альфреда Нобеля за «обновление исследований в экономической истории путём применения экономической теории и количественных методов для объяснения экономических и институциональных изменений» (цит. по [Заостровцев, 2013. С. 142]).

Во-вторых, превращение США в колыбель клиометрического переворота едва ли стало бы возможным без ускорения процесса выделения ЭИ в самостоятельную дисциплину путём издания профильных журналов и создания специализированных ассоциаций специалистов по ЭИ. Огромную роль в её «сепаратизации» сыграли и благотворительные организации. В частности, трудно переоценить вклад в развитие ЭИ Дж. Г. Уиллитса (1889–1979 гг.) – директора подразделения социальных наук Фонда Рокфеллера – и его коллеги Э. Безансона (1881–1980 гг.), усмотревших в социальных науках важную функцию интеллектуального щита, призванного защитить демократические страны от набиравших силу в 1930-е гг. радикальных идеологий. При этом большие чаяния филантропы возлагали на ЭИ как способную обеспечить не только идейную, но и научную поддержку либеральному дискурсу [De Rouvray, 2005. P. 86]. Для модернизации этого интеллектуального оружия в 1940 г. Фонд Рокфеллера выделил специально образованному Комитету по исследованиям в области экономической истории 4,5-летний грант в размере 300 тыс. долл.⁵, что составило 1/5 годовых расходов этой влиятельной филантропической структуры на социальные науки.

Плоды такой щедрости не заставили себя долго ждать. В том же 1940 г. появилась Ассоциация экономической истории (АЭИ), спустя год начал издаваться уже упоминавшийся выше *Journal of Economic History*, а число американских членов АЭИ к 1954 г. достигло 900 человек против 400 в 1940 г. [De Rouvray, 2004. Pp. 229–230, 238]. От Фонда Рокфеллера не отставали другие грантодающие организации. Скажем, уроженец Российской Империи А. Гершенкрон (1904–1978 гг.), обосновавшись в Гарварде, получил в 1958 г. грант от Фонда Форда на организацию семинара [From the Workshop..., 2008. Pp. 365–367], участникам которого ставилась задача «смотреть глазами экономистов на выпавшие из поля зрения всех прочих исследователей большие массивы количественных данных», затрагивавших широчайший спектр экономико-исторических явлений и процессов [McCloskey, 1995. P. 12]. Сила интеллектуального обаяния профессора Гершенкрона вкупе с финансовой помощью благотворителей привлекли под гарвардские знамёна целое созвездие учёных, впоследствии ставших именоваться «пионерами новой экономической истории» [Field, 1986. P. 34], впервые начавших «систематически использовать экономическую теорию и количественные методы для изучения исторического материала» (цит. по [Krul, 2018. P. 35]). Среди молодых специалистов, прошедших за 12 лет действия фордовского гранта школу Гершенкрона в Кембридже, фигурировали имена таких будущих лидеров «новой» ЭИ, как П. Дэвид, П. МакКлелланд, Д. Макклоски, Р. Силла, Б. Солоу, П. Темин, А. Фишлоу и др. [De Rouvray, 2005. P. 269].

При столь внушительном интеллектуальном подкреплении клиометристы смогли не только резко усилить натиск на «традиционную» (не содержащую изощрённых математических методов) ЭИ, но и изменить само понимание «правильного» экономико-историче-

⁵ Свыше 5,9 млн дол. в ценах 2022 г. <https://www.dollartimes.com/inflation/inflation.php?amount=1&year=1940> (access date 6.01.2023).

ского исследования. Весьма выпукло эта трансформация проявилась в изменении формата публикаций в области ЭИ. Как показали расчёты Р. Уэйплса, удельный вес исследовательских статей, публиковавшихся в *Journal of Economic History*, содержащих квантитативные выкладки, возрос с 3,9% в 1956-1960 гг. до 71,8% в 1971-1975 гг. [Whaples, 1991].

В-третьих, помимо щедрости филантропических структур, подкреплявшей желание молодого поколения американских экономических историков ускорить переход ЭИ на количественные рельсы, на рост интереса к квантифицированной ЭИ серьёзно повлияли изменения в мировой экономике, произошедшие после окончания Второй мировой войны. Ускорение распада колониальной системы и образование множества независимых государств поставили на повестку дня задачу «осмысления того, как недавно освободившимся странам следует создать преуспевающие рыночные экономики» [Lamoreaux, 2016. P. 39]. В свою очередь противостояние с возникшей мировой социалистической системой потребовало «демонстрации добродетелей капитализма» [Rojas, 2007. P. 54]. Размах задач вызвал прилив интереса к ЭИ, а пополнение арсенала специалистов по ЭИ эконометрикой и первыми ЭВМ дали дополнительный импульс «уходу экономических историков от литературных форм выражения своих взглядов» [De Rouvray, 2005. P. 42]. Наконец, еще одним триггером ускорения процессов математизации ЭИ стало обычно связываемое с именем Дж. Маккарти обострение антикоммунистических настроений в американском обществе, вылившееся в кампанию по выявлению антиамерикански настроенных элементов. Разгул маккартизма, как отмечает А.У. Коутс, заставлял экономических историков активнее прибегать к «недоступному широкой публике техническому языку» и не злоупотреблять изучением таких «широких... чувствительных тем, как история капитализма, последствия индустриализма, природа и причины бедности», заменяя их «политически безопасными упражнениями в позитивизме и строительстве ортодоксально неоклассических моделей» (цит. по [De Rouvray, 2005. P. 42]).

Временные трудности и триумф клиометристов

Так или иначе к середине 1970-х гг. стало понятно, что в схватке «новых» и «старых» экономических историков верх берут приверженцы использования количественных методов. Отныне всем, кто хотел бы примкнуть к рядам американских специалистов по ЭИ, следовало стать «знатоком неоклассической теории и статистических методов» [Rojas, 2007. P. 58]. По сути, как удачно замечает Дж. Томлинсон, триумф клиометристов ознаменовал превращение ЭИ в историческую экономику. Это привело к тому, что для овладения профессией экономического историка требовалось пройти подготовку на экономическом факультете [Tomlinson, 2014. P. 78].

Со всем тем, за пределами Соединенных Штатов сопоставимой по масштабам трансформации в сфере изучения ЭИ в 1970-е гг. не произошло. Так, упор клиометристов на поиск причинно-следственных связей не нашёл отклика во Франции, где экономическая история преимущественно изучалась в русле школы Анналов, чьи представители уделяли гораздо большее внимание сбору данных, нежели их интерпретации. С ещё большей прохладой клиометрику встретили в ФРГ. По-прежнему сильные традиции немецкой исторической школы с её скептическим отношением к математическому теоретизированию не оставляли шансов на быстрое распространение клиометрических исследований [Lyons, Cain, Williamson, 2008. P. 38]. Британские экономические историки 1970-х гг., в своём большинстве имевшие историческое, а не экономическое образование, также не смогли оценить показавшийся им слишком «узкоэкономическим» клиометрический подход [Lamoreaux, 1998. P. 71].

Однако и за океаном клиометристы не смогли почивать на лаврах. Превращение во второй половине 1970-х гг. экономических историков в «исторических экономистов», совпавшее по времени с кульминацией «формалистской революции», фетишизированной значение

математического моделирования в качестве основного способа занятия экономическими исследованиями, значительно осложнило нахождение специалистов в области ЭИ в рядах коллег-экономистов. Экономические историки, не готовые пожертвовать изучением истории во имя совершенствования навыков количественного анализа, быстро превратились в глазах представителей мейнстрима в обитателей «интеллектуальной кунсткамеры», чьи учебные курсы не заслуживали нахождения в числе обязательных предметов для изучения экономистами. На этом неприятности для клиометристов не закончились. Казалось бы, их естественные союзники – социальные историки не испытывали тогда симпатий к количественным методам и поэтому не могли стать «ни благодарной аудиторией, ни союзниками» для приверженцев изучения ЭИ при помощи экономического инструментария [Rojas, 2007. Pp. 59–60].

Непонимание коллег в ещё большей степени актуализировало необходимость смягчения ряда исходных предпосылок, лежавших в основе методологии «новой» ЭИ. В частности, многие видные американские экономические историки во второй половине 1970-х гг. начали осознавать ограниченность жёстких неоклассических постулатов. «Неоклассическая экономическая теория, с точки зрения экономического историка, – утверждал Д. Норт еще в 1974 г., – обладает двумя главными изъянами. Во-первых, она не предназначена для объяснения долгосрочных экономических изменений, и, во-вторых, ... она полностью подходит лишь для мира совершенных рынков» (цит. по [Krul, 2018. P. 35]).

Однако желание освободить ЭИ от «смирительной рубашки» неоклассики не встретило единодушной поддержки в рядах экономических историков. Это привело к фрагментации сообщества американских специалистов по ЭИ на две условные группы: поборников дальнейшего продолжения экономико-исторических исследований в концептуальных рамках, задаваемых неоклассическим подходом, и приверженцев расширения набора аналитических предпосылок изучения истории хозяйственной жизни. При этом сторонники выхода за пределы аналитических границ неоклассики не подвергали сомнению необходимость применения количественных методов, а лишь ратовали за использование «экономических моделей в качестве метода, но не догмы» и придание им большей «реалистичности и историчности» [Rojas, 2007. P. 62]. Их стараниями в экономико-исторические исследования удалось вернуть зачастую игнорируемый пионерами клиометрической революции институциональный контекст. Вероятно, включение институционального фактора в ЭИ в немалой степени обусловило рост популярности клиометрики в Европе, чья история «требовала глубокого знания институционального бэкграунда и более критического использования (нежели в Северной Америке. — А.М.) принципа максимизации прибыли...» [Dumke, 1992. P. 4]. Так или иначе, в 1990-е гг. клиометристам во многом удалось «колонизировать» Старый Свет [Drukker, 2006. P. 107]. Если на прошедшем в 1989 г. в Сантандере Втором Всемирном конгрессе по клиометрике удельный вес представителей США и Канады среди участников составлял около $\frac{1}{3}$ [Lamoreaux, 1998. P. 71], то на Третьем Всемирном конгрессе, организованном спустя восемь лет в Мюнхене, доля неамериканцев превысила 60% [Drukker, 2006. P. 106].

Пришествие Клиолятора: проклятие или благословение для ЭИ?

Автор настоящей статьи не ставит перед собой задачу раскрыть особенности развития ЭИ в первые десятилетия XXI столетия. Тем не менее разговор о клиометризации экономико-исторической профессии едва ли будет полным без хотя бы краткого обзора дискуссий, развернувшихся в последние годы вокруг последствий перерождения Клио в Клиолятора. Для начала обозначим позицию экспертов, считающих, что увлечение клиометрикой принесло ЭИ не только положительные результаты.

Здесь нужно сделать одну оговорку. По моему мнению, в широком спектре позиций «клиометрико-скептиков», наиболее любопытной представляется отнюдь не точка зрения

современных симпатизантов Ф. Редлиха (1892-1978). Несмотря на их яркую и яростную риторику⁶, в теоретико-методологическом отношении претензии подобных исследователей к клиометристам трудно назвать оригинальными. Фактически критики клиометрики в XXI в. по-прежнему повторяют претензии без малого шестидесятилетней давности. Они упрекают клиометристов в: 1) занятии «квазиисторией»; 2) подмене изучения «настоящей» ЭИ соревнованием в построении изошрённых моделей, жидущихся на безоглядной вере в позитивизм, позволяющий считать «незначимым всё, что может быть высчитано, измерено или взвешено» [Redlich, 1965. Pp. 481, 490-491].

Поэтому гораздо более интересными мне видятся соображения исследователей, изучающих институциональные последствия усиления позиций сторонников клиометрики. Так, Г. Браунлоу и К. Колвин обращают внимание на то, что в Великобритании следствием победы клиометристов в 1980-1990-е гг. стал закат эпохи самостоятельных департаментов ЭИ, вызвавший постепенный переход специалистов по ЭИ на факультеты истории. При этом новых «обитателей» встретил отнюдь не тёплый прием. «К сожалению, – замечают Браунлоу и Колвин, – студенты-историки посчитали экономическую историю... “слишком статистической” или “слишком скучной” в сравнении с другими, более гуманитарными направлениями исторических исследований. <...> Это означает, что академический рынок труда для экономических историков в Соединенном Королевстве стал гораздо уже..., чем в 1960-е и 1970-е гг.» [Brownlow, Colvin, 2022. P. 7]. Впрочем, далеко не все специалисты разделяют подобные минорные настроения. Скажем, Р. Марго, рассуждая о перспективах ЭИ в США, утверждает, что в этой стране «для них [новых экономических историков – клиометристов] <...> существует активный и эффективный рынок труда» [Margo, 2018. P. 378]. Но почему же учёные, работающие по разные стороны Атлантики, так сильно расходятся во взглядах на будущее экономической истории?

На мой взгляд, эти различия во многом связаны с тем, насколько экономические историки той или иной страны встроены в мейнстрим экономической профессии. Если в тех же Соединенных Штатах эксперты уверенно рассуждают об интеграции ЭИ в экономику [Margo, 2018], то в Старом Свете подобные тезисы пока не получили распространения. О не самом высоком уровне проникновения европейских экономических историков в «основное русло» красноречиво говорят данные новейших библиометрических исследований. Так, по расчётам М. Чиони и соавторов, из общего объёма статей по ЭИ, появившихся на страницах пяти наиболее престижных журналов по экономике⁷ в 2001-2018 гг., 78,8% вышли из-под пера американских специалистов, тогда как их коллеги из стран континентальной Европы подготовили лишь 12,7% работ [Cioni, Federico, Vasta, 2021. P.16].

При этом критически настроенные специалисты обращают внимание на то, что за «воссоединение» с экономической наукой представители ЭИ заплатили огромную цену. Якобы бурный «роман» мейнстрима с экспериментальными методами, казалось бы, возродивший интерес экономистов к истории как уникальной базе естественных экспериментов⁸, обернулся для ЭИ печальными последствиями. Исследователи, увлечённые установлением причинно-следственных связей между явлениями прошлого и современными социально-экономическими проблемами, окончательно отмахнулись от изучения исторического контекста, «мутящего воду вокруг поиска каузальных механизмов и <...> осложняющего демонстрацию эмпирического дизайна исследования» [Dippel, Leonard, 2021. P. 3]. В конечном счёте, как считают скептики, ЭИ превратилась в набор датасетов с длинными рядами данных, а экономические историки, как иронично писал ещё в 1985 г. Р. Солоу, стали «экономистами с большей терпимостью к [архивной] пыли» [Solow, 1985. P. 331].

⁶ См., например: [Boldizzoni, 2011].

⁷ American Economic Review, Econometrica, Journal of Political Economy, Quarterly Journal of Economics and Review of Economic Studies.

⁸ Подробнее см.: [Cantoni, Yuchtman, 2020].

Насколько оправданы подобные тревожные опасения? Могут ли «клиооптимисты» как-то развеять подобные настроения? Пожалуй, главный аргумент специалистов, стремящихся добавить светлые краски в мрачные картины настоящего и будущего ЭИ, рисуемые любителями обвинять приверженцев использования количественных методов в тотальной деисторизации предметной области, заключается в том, что «клиопессимисты» зачастую игнорируют изменения, происходящие не только ЭИ, но и в экономической науке в целом. В частности, отказываются / не хотят замечать, что современные экономисты всё меньше напоминают надменных затворников, запершихся в башне из слоновой кости, и избегают знакомства с достижениями представителей смежных дисциплин.

Как показывают результаты исследования Дж. Ангриста и его соавторов, базирующегося на применении методов машинного обучения к анализу структуры цитирований учёных из разных наук, в последние несколько десятилетий наблюдается «чёткая тенденция к всё более выраженной ориентации экономической науки вовне» (на цитирования работ из других дисциплин. — А.М.) [Angrist, Azoulay, Ellison, Hill, Feng Lu, 2020. P. 4]. Хотя расчёты других авторитетных специалистов не всегда полностью подтверждают выводы Нобелевского лауреата и его коллег. Никто из учёных, исследующих состояние дел в современной экономической науке при помощи современного количественного инструментария, по-видимому, не оспаривает того, что «если текущий тренд (на рост числа цитирований неэкономистов. — А.М.) продолжится, то понадобится всего лишь несколько лет, чтобы экономика превзошла другие социальные науки по среднему числу междисциплинарных цитирований» [Truc, Santerre, Gingras, Claveau, 2020. P. 28].

Однако как отражается фиксируемый при помощи библиометрических методов всё более активный выход экономистов за пределы границ своей науки на поле ЭИ? Наверное, в этом отношении одно из наиболее ярких проявлений растущей междисциплинарности экономического дискурса – возникновение двух новых экономико-исторических жанров: 1) «продолжительных исследований» (ПИ), в рамках которых экономисты занимаются поиском в прошлом истоков современных социально-экономических проблем; 2) «исследований неэкономических результатов» / non-economic outcomes studies (NEOS), предполагающих выход исследователей за пределы экономики в сторону политологии, социологии и антропологии [Cioni, Federico, Vasta, 2020].

В методологическом плане такого рода исследования базируются на трёх основных принципах: 1) «идентификация исследовательского вопроса в конкретном историческом контексте»; 2) «определение модели для его решения с помощью проверяемых гипотез»; 3) их статистическая проверка [Cioni, Federico, Vasta, 2022]. Хотя эта методологическая триада вызвала отнюдь не самую восторженную реакцию экспертного сообщества, продолжительные исследования смогли наглядно продемонстрировать, что ЭИ вовсе не пристанище любителей копать в интеллектуальной рухляди, а вполне мейнстримный предмет, развитием которого занимаются академические звёзды первой величины. Достаточно упомянуть, что в традиции ПИ работают такие учёные, как Д. Аджемоглу, А. Банерджи, О. Галор, Н. Нанн, которые, к примеру, изучали влияние Неолитической революции на генетическое разнообразие, анализировали воздействие различий в технологиях ведения сельского хозяйства на эволюцию гендерных норм и исследовали роль институтов, сложившихся в колониальную эпоху, на расхождение в уровнях социально-экономического развития стран мира.

Важно подчеркнуть, что своеобразным «цементом», скрепляющим конгломерат этих интереснейших исследований, выступает вовсе не единство теоретических взглядов их авторов, а применение изошрённой эконометрики (столь нелюбимой критиками использования в ЭИ количественных методов) и выраженное внимание к роли институтов в развитии общества. Это обстоятельство указывает на оправданность точки зрения В.М. Полтеровича, пишущего о завершении эпохи фрагментации в социальных науках и создании предпосылок для создания единой науки об обществе, скреплённой общностью

аналитического инструментария, а также единством объекта исследования – изучения проблем развития общественных институтов и поведения в их рамках человеческих коллективов [Полтерович, 2011].

Как видим, современные специалисты, интересующиеся ЭИ, находятся в авангарде процессов синтеза социальных дисциплин. Поэтому критики клиометристов, обвиняющие их в мелкотемье, игре в математический бисер и «узурпации» ЭИ, на мой взгляд, не заметили сразу две тенденции. Во-первых, клиометристы, научив экономических историков «говорить» на языке формул и греческих букв, подготовили ЭИ к возвращению на передний край современного обществоведения. Во-вторых, «чистых» клиометристов, которых критики нередко представляют в карикатурном образе не готовых к междисциплинарному сотрудничеству исследователей-аутистов, занимающихся исключительно играми в цифирь и интересными только им самим контрфактическими спекуляциями, практически невозможно встретить в нынешней ЭИ. На смену им пришли учёные, которые совместно с представителями других социальных наук ищут ответы на «большие» вопросы социальных наук (например, проблемы неравенства и бедности, соотношения роли государства и рынка). Таким образом, «история стала инструментом, при помощи которого разрешаются непрекращающиеся споры <...> и ищутся ответы на великие вопросы» [Geloso, 2018. P. 22].

* * *

Подытоживая, следует ещё раз обратить внимание на то, что клиометрика появилась на свет в результате сочетания целого ряда внутридисциплинарных и внешних по отношению к науке факторов. Высоко оценивая результаты клиометрической революции, нельзя не сделать принципиально важное, на мой взгляд, замечание – призывы во что бы то ни стало трансплантировать «количественный» стандарт занятия ЭИ без учёта особенностей развития локального сообщества экономических историков чреваты созданием карго-культа, адепты которого станут лишь имитировать современные практики экономико-исторических исследований.

Оценить всю полноту изменений, происходящих в наши дни в социальных науках, позволит только историческая дистанция, но, судя по всему, они переживают период, когда: 1) границы между дисциплинами становятся всё менее заметными; 2) одним из важнейших атрибутов подобных «путешествий» в прошлое является использование продвинутого эконометрического и IT-инструментария; 3) специалисты в поисках ответов на злободневные вызовы то и дело обращаются к изучению исторических корней той или иной проблемы. Вот почему в 2020-е гг. слова И. Валлерстайна, называвшего ЭИ «нежеланной падчерицей... университетской системы» и утверждавшего, будто бы экономисты воспринимают экономическую историю «в лучшем случае как эксцентричный каприз, а в худшем – как серьёзное нарушение принципа разумного использования ограниченных академических ресурсов» [Wallerstein, 2001. Pp. 257-258], кажутся всё менее актуальными. Гораздо более релевантной видится точка зрения другого мэтра – С. Бродберри, пишущего о том, что экономическая история «сейчас находится в лучшей форме чем когда-либо» [Jones, van Leeuwen, Broadberry, 2012. P. 245] и, возможно, несколько завышенная, но хорошо передающая оптимистичный настрой специалистов, интересующихся экономико-исторической проблематикой, оценка Р. Алленом роли ЭИ: «экономическая история – королева социальных наук» [Allen, 2011. P. 1].

Однако, радуясь тому, что спящая красавица дождалась своего принца, стоит помнить о тех, без чьих усилий пробуждение принцессы и тем более превращение её в королеву едва ли было бы возможным. В этой связи критикам количественной ЭИ не следует забывать, что демонизируемые ими клиометристы сделали очень многое для сегодняшнего ренессанса ЭИ. Поэтому давайте относиться к Клиолятору, без пришествия которого ЭИ, весьма вероятно, еще долго оставалась бы «маргинальной областью социальных наук» [Bértola, Weber, 2015. P. 2], если не с любовью, то с заслуженным уважением.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Дроздов В.В., Погребинская В.А., Золотарева В.П. (2018). Роль экономической истории в подготовке современных специалистов в области экономической теории и практики [Drozdov V.V., Pogrebinskaya V.A., Zolotareva V.P. (2018). The role of economic history in the training of modern specialists in the field of economic theory and practice] // *Экономическое возрождение России*. № 3. С. 71–77.
- Заостровцев А.П. (2013). Дуглас Норт: бегство от неоклассического мейнстрима [Zaostrovstsev A.P. (2013). Douglas North: The escape from the neoclassical mainstream] // *Общественные науки и современность*. №4. С. 140–150.
- Мальцев А.А. (2018). Диаспора экономистов и российская экономическая наука: в поисках точек соприкосновения [Maltsev A.A. (2018). Diaspora of economists and Russian economics: In search of common ground] // *Вопросы экономики*. № 4. С. 129–148. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-4-129-148>.
- Мальцев А.А. (2022). Золушка или принцесса: прошлое и настоящее экономической истории [Maltsev A. A. (2022). Cinderella or princess: Past and present of economic history] // *Вопросы экономики*. № 11. С. 24–56. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-11-24-56>.
- Полтерович В.М. (2011). Становление общего социального анализа [Polterovich V.M. (2011). The rise of general social analysis] // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 101–111.
- Abramitzky R. (2015). Economics and the modern economic historian // *Journal of Economic History*. Vol. 75. Issue 4. Pp. 1240–1251. DOI: 10.1017/S0022050715001667
- Allen R. (2011). *Global Economic History: A Very Short Introduction*. – Oxford: Oxford University Press.
- Angrist J., Azoulay P., Ellison G., Hill R., Feng Lu S. (2020). Inside Job or Deep Impact? Extramural Citations and the Influence of Economic Scholarship // *Journal of Economic Literature*. Vol. 58. No. 1. Pp. 3-52. DOI: 10.1257/jel.20181508
- Bértola L., Weber J.R. (2015). *Latin American Economic History: Looking Backwards for the Future*. Documento On Line № 37. DOI:10.13140/RG.2.1.5191.2405
- Boldizzoni F. (2011). *The Poverty of Clio: Resurrecting Economic History*. – Princeton: Princeton University Press.
- Brownlow G., Colvin C.L. (2022). Economic History and the Future of Pedagogy in Economics // *QUCEH Working Paper*. No. 22-09.
- Cantoni D., Yuchtman N. (2020). Historical Natural Experiments: Bridging Economics and Economic History // *NBER Working Paper*. No. 26754. DOI 10.3386/w26754
- Cioni M., Federico G., Vasta M. (2020). The Two Revolutions in Economic History // *EHES Working Paper*. No. 192.
- Cioni M., Federico G., Vasta M. (2021). The State of the Art of Economic History: The Uneasy Relation with Economics // *NYU Abu Dhabi Working Paper*. No. 0067.
- Cioni M., Federico G., Vasta M. (2022). Persistence Studies: A New Kind of Economic History? // *Review of Regional Research*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10037-022-00167-0> (access date: 6.01.2023).
- De Rouvray C.A. (2004). “Old” Economic History in the United States: 1939–1954 // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 26. Issue 2. Pp. 221–239. DOI: 10.1080/1042771042000219046
- De Rouvray C.A. (2005). *Economists Writing History: American and French Experience in the mid 20th Century*. PhD thesis, London School of Economics and Political Science. http://etheses.lse.ac.uk/36/1/De_Rouvray_Economists_writing_history.pdf (access date: 6.01.2023)
- Diebolt C., Hauptert M. (2016). An Introduction to the Handbook of Cliometrics // *Handbook of Cliometrics* / C. Diebolt, M. Hauptert (eds.) – Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag. Pp. V-XIV.
- Diebolt C., Hauptert M. (2022). Cliometrics and the Future of Economic History // *Essays in Economic and Business History*. Vol. 40. Pp. 1-20.
- Dippel C., Leonard B. (2021). Not-so-natural Experiments in History // *Journal of Historical Political Economy*. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–30. DOI: 10.1126/science.aaz9986
- Drukker J.W. (2006). *The revolution the bit its own tail. How economic history changed our ideas on economic growth*. – Amsterdam: Aksant Academic Publishers.
- Dumke R. H. (1992). The Future of Cliometric History – a European View // *Scandinavian Economic History Review*. Vol. 40. No. 3. Pp. 3–28. DOI: 10.1080/03585522.1992.10408263.
- Fernández de Pinedo N., La Parra-Perez A., Muñoz F-F. (2022). Recent trends in publications of Economic historians in Europe and North America (1980–2019): An empirical analysis // *Cliometrica*. <https://doi.org/10.1007/s11698-022-00245-w>
- Field A.J. (1986). The Future of Economic History // *The Future of Economic History*. / A.J. Field (ed.). – Boston: Kluwer.
- From the Workshop of Alexander Gerschenkron, *Economic Historian* (2008). *Reflections on the cliometrics revolution: Conversations with economic historians* // J.S. Lyons, L.P. Cain, S.H. Williamson (eds.). – Abingdon, New York: Routledge. Pp. 365–367.
- Gauldin C. (1995). Cliometrics and the Nobel // *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 9. No. 2. Pp. 191–208. DOI: 10.1257/jep.9.2.191
- Gauthier L. (2022). Putting Clio Back in Cliometrics // *History & Theory: Studies in the Philosophy of History*. Vol. 61. Issue 2. Pp. 289–311.

- Geloso V.J. (2018). Economics, Economic History and Historical Data // *An Economist's Guide to Economic History* / M. Blum, C.L. Colvin (eds.) – Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 21–29.
- Hamouda O.F., Price B.B. (1991). *Verification in economics and history. A sequel to "scientification"*. – Abingdon, New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203721353>
- Hauptert M. (2017). The Impact of Cliometrics on Economics and History // *Revue d'économie politique*. Vol. 127. Pp. 1059–1081. <https://doi.org/10.3917/redp.276.1059>
- Jaremski M. (2020). Today's Economic History and Tomorrow's Scholars // *Cliometrica*. Vol. 14. Pp. 169–180. <https://doi.org/10.1007/s11698-019-00188-9>
- Jones G., van Leeuwen M.H.D., Broadberry S. (2012). The Future of Economic, Business and Social History // *Scandinavian Economic History Review*. Vol. 60. No. 3. Pp. 225–253. <https://doi.org/10.1080/03585522.2012.727766>
- Kirkland E. C. (1949). The Place of Theory in Teaching American Economic History // *The Journal of Economic History*. Vol. 1. Supplement: *The tasks of economic history*. Pp. 99–102.
- Klein J.T. (1996). *Crossing Boundaries: Knowledge, Disciplinarity, and Interdisciplinarity*. – London, Charlottesville: The University Press of Virginia.
- Kretchmer H. (2021). *COVID-19 and Geopolitics – 5 Lessons from Past Pandemics*. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/01/covid-19-geopolitics-lessons-pandemics-history/> (access date: 6.01.2023)
- Krul M. (2018). *The New Institutional Economic History of Douglass C. North: A Critical Interpretation*. – London: Palgrave Macmillan.
- Kuznets S. (1941). Statistics and Economic History // *Journal of Economic History*. Vol. 1. No. 1. Pp. 26–41. doi:10.1017/S0022050700051858
- Lamoreaux N. (1998). Economic History and Cliometric Revolution // *Imagined histories: American historians interpret the past* / A. Molho, G.S. Wood (eds.) – Princeton: Princeton University Press.
- Lamoreaux N. (2016). Beyond the old and the new: Economic history in the United States. // *Routledge handbook of the global economic history* / F. Boldizzoni, P. Hudson (eds.) – London, New York: Routledge. Pp. 35–55. DOI: 10.4324/9781315734736-1
- Lyons J., Cain C., Williamson S. (2008). Cliometrics over 50 years: Retrospect and prospect // *Reflections on the cliometrics revolution. Conversations with economic historians* / J.S. Lyons, L.P. Cain, S.H. Williamson (eds.) – Abingdon, New York: Routledge. Pp. 36–43.
- Margo R.A. (2018). The Integration of Economic History into Economics // *Cliometrica*. Vol. 12. Pp. 377–406 <https://doi.org/10.1007/s11698-018-0170-8>
- McCloskey D. N. (1995). Does the Past Have Useful Economics? // *Historical Perspectives of the American Economy: Selected readings* / R. Whaples, D. Betts (eds.) – Cambridge: Cambridge University Press.
- Mejía J. (2015). The Evolution of Economic History Since 1950: From Cliometrics to Cliodynamics // *Tiempo & economía*. Vol. 2. No. 2. Pp. 79–103.
- Pinkus G., Ramaswamy S. (2020). *What History Can Teach Us About the Economic Impact of the Coronavirus Pandemic*. URL: <https://www.mckinsey.com/mgi/overview/in-the-news/what-history-can-teach-us-about-the-economic-impact-of-the-coronavirus> (access date: 6.01.2023)
- Redlich F. (1965). "New" and Traditional Approaches to Economic History and Their Interdependence // *The Journal of Economic History*. Vol. 25. No. 4. Pp. 480–495.
- Rojas A.M. (2007). Cliometrics: A market account of a scientific community (1957-2006) // *Lecturas de Economía*. Vol. 66. January-June. Pp. 47–82.
- Rosenzweig R. (2011). *Clio Wired: The Future of the Past in the Digital Age*. – New York: Columbia University Press.
- Solow R. (1985). Economic History and Economics // *The American Economic Review*. Vol. 75. Issue 2. Pp. 328–331.
- Tomlinson J. (2014). *The Politics of Decline: Understanding Postwar Britain*. – London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315837956>
- Toninelli P.G. (2007). The Atlantic divide: Methodological and epistemological differences in economic history // *University of Milan – Bicocca Working Paper*. No. 112.
- Truc A., Santerre O., Gingras Y., Claveau F. (2020). *The Interdisciplinarity of Economics*. URL: <https://francoisclaveau.openum.ca/files/sites/69/2020/12/SSRN-id3669335.pdf> (access date: 6.01.2023).
- Wallerstein I. (2001). *Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms*. – Philadelphia, PA: Temple University Press.
- Whaples R. (1991). A Quantitative History of the Journal of Economic History and the Cliometric Revolution // *The Journal of Economic History*. Vol. 51. No. 2. Pp. 289–301. doi:10.1017/S0022050700038948

Мальцев Александр Андреевич
almalzev@mail.ru

Alexander Maltsev

Doctor habilitatus in economics, associate professor, Lomonosov Moscow State University, Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia) University of Picardie Jules Verne (Amiens, France)
almalzev@mail.ru

HOW CLIO TURNED INTO A CLIOLATOR, OR A METAMORPHOSIS OF ECONOMIC HISTORY IN THE SECOND HALF OF THE XX - BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

Abstract. The article systematizes the external and internal factors of the so-called cliometric revolution in economic history (EH). Special attention is paid to the analysis of intradisciplinary, as well as external (with respect to EH) causes that led to the growing interest of the US community of economic historians in cliometrics in the 1950s–1960s. Author believes that the main factors that led to the transition to the new – cliometric – standard of studying EH were: 1) the scientific beliefs of the young generation of American economic historians; 2) the move to North America of a large number of influential European scholars from positivist circles, who managed to provide a strong support to young American colleagues in the desire to quantify the EH; 3) the tragic events of the first half of the 20th century, which put on the agenda the task of creating an intellectual defense against the growing totalitarianism with the help of “scientific” economic history, that is based on hypothetical-deductive models and quantitative analysis; 4) the gloomy era of McCarthyism, which forced economic historians to move away from the study of ideologically dangerous questions towards quantitative calculations that are obscure for politicized figures and / or disguise their research behind the facade of Greek letters and mathematical symbols.

The paper shows that, despite the success of the cliometric revolution, at first it wasn't possible to talk about its victorious march through the national communities of economic historians outside the United States. For the final victory, it was necessary to add to the quantitative economic history a “forgotten” institutional context. And it was the combination of new institutionalism with quantitative research that received a relatively friendly welcome by European economic historians. Special emphasis is placed on the analysis of the perception of the cliometric revolution in modern literature. The author proves that critics of cliometrics, as a rule, miss some important issues: 1) the renaissance of interest in economic history of economists and other representatives of the social sciences; 2) reintegration of EH into mainstream economics.

Key words: *economic history, economic science, cliometric revolution.*

JEL: B00, N01.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мальцев А.А. Как Клио превратилась в Клиолятора, или Метаморфозы экономической истории во второй половине XX – XXI начале веков // Вопросы теоретической экономики. № 1. 2023. С. 114–126. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_114_126.

FOR CITATION: Maltsev A. How Clio into a Cliolator, or A metamorphosis of economic history in the second half of the XX – beginning of the XXI centuries // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 1. 2023. Pp. 114–126. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_114_126.

М.С. Круглова

*к.иск.н., старший научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

БАНКИ, ФИНАНСЫ И РЕФОРМЫ В НАНКИНСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1928–1937): СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Аннотация. В статье рассматриваются банковская (1928г.) и денежная (1935г.) реформы в Китае в период Нанкинского десятилетия (1927-1937гг.). После формального объединения страны под руководством Чан Кайши и Гоминьдана ввиду колоссальной разрозненности всей финансовой системы, мешавшей не просто экономическому росту, а нормальной экономической деятельности, перед правительством встала необходимость проведения глубоких структурных преобразований. Ход реформ показал, что первоначальные программы экономических преобразований, разработанные такими западными экономистами, как Э. Кеммерер и А. Янг, не могли в полной мере подойти для китайских реалий. Если в начале реформ, в 1929 г., планировалось привязать китайскую финансовую систему к золотому стандарту через промежуточный серебряный, то уже в 1935 г. Нанкинское правительство полностью отказалось от привязки своей валюты к какому-либо драгоценному металлу. Основным итогом реформы банковской системы стало практически полное её подчинение национальному правительству. Автор приходит к выводу, что итогом проведённых реформ стал своеобразный синтез идей западных экономистов и интересов китайской финансовой элиты. Западные экономические теории тяжело внедрялись в устоявшиеся практики финансовой культуры Китая, тем не менее, их синтезирование с представлениями китайской бизнес- и финансовой среды позволили выстроить современную по тем временам финансовую систему.

Ключевые слова: *Китай, реформы, Нанкинское десятилетие, банки, синтез в экономической политике.*

JEL: B15, N25.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_127_141.

Введение

В 1928 г. после Северного похода против милитаристских правительств власть Чан Кайши формально распространилась почти на весь Китай. Страна находилась в экономическом упадке, в обращении находилось несколько валют, в том числе иностранных, правом денежной эмиссии обладали в том числе иностранные банки, располагавшиеся на территории как Китайской республики, так и иностранных концессий. Необходимость проведения реформ стала очевидной. Одной из основных задач, стоявших перед национальным правительством, была унификация и централизация финансовой системы. Для ускорения стабилизации в стране Нанкинское правительство стало проводить относительно новую для Китая политику регулирования финансовой системы. Чан Кайши и его политические советники считали необходимым поставить большую часть финансовых операций под государственный, а на деле — под их личный контроль. Для этого правительство провело ряд реформ.

Экономическими реформами в период Нанкинского десятилетия (1928–1937 гг.) интересовались как в России, так и за рубежом. Советский учёный В.М. Штейн в своей работе «Очерки финансового кризиса в Китае» исследовал его причины в самом начале Нанкинского

десятилетия [Штейн, 1928]. Австрийская исследователь С. Вайгелин-Швидрцик рассматривала влияние Великой депрессии на внутриэкономические процессы в Китае и пришла к выводу о том, что оно было не таким серьёзным, как на другие экономики мира [Weigelin-Schwiedrzik, 2013]. О взаимодействии Нанкинского правительства с промышленниками и торговцами писал Т. Райт. Автор подчёркивает, что если раньше государство не вмешивалось в коммерцию, то во время правления Гоминьдана на материковом Китае ситуация изменилась, государство стало напрямую поддерживать развитие промышленности [Wright, 1991]. Н. Хореш исследовал деятельность иностранных банков, расположенных в Шанхае [Horesch, 2022]. Банковская система Нанкинского десятилетия рассматривается с точки зрения влияния на неё западных стандартов и теорий [Goetzmann, Ukhov, 2001; Wang, 2020]. Развитие финансовой системы в период Нанкинского десятилетия характеризует А.Н. Карнеев [Карнеев, 2013]. Китайские авторы также не обошли вниманием реформы Нанкинского десятилетия [Zhuo, 1986; Qiu, 1997; Zhang, 2001; Li, 2009; Zhou, 2012]. Работы западных экономистов, непосредственно участвовавших в реформе, позволяют взглянуть на проблему от первого лица [Kemmerer, 1929; Young, 1971]. Синтез в экономической политике на примере современной банковской системы рассмотрен А.И. Волынским [Волынский, 2022]. Опыт адаптации «зарубежных» идей к национальным нуждам во время разработки программы экономических реформ также исследовала О.Н. Борох [Борох, 2022а; Борох, 2022б].

Каковы были реальные цели, стоявшие перед Нанкинским правительством, точно определить нельзя, мы можем лишь наблюдать итоги реформ. Целью данной статьи является попытка доказать, что, даже несмотря на помощь западных экономистов, их консультации и разработанные программы реформ, а также крайне разномастные идеи самих китайских реформаторов, преобразования проводились в основном исходя из текущей ситуации, а не в соответствии с каким-то строгим планом. Реформы были оперативной реакцией на повседневные вызовы, а также классической китайской практикой адаптации и глубокого преобразования новых пришлых идей под «китайскую специфику», своего рода синтетической политикой.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к развитию и причинам успеха китайской политики «реформ и открытости». Китайские властные элиты традиционно соблюдали преемственность, умели заимствовать лучшие практики, даже если они были реализованы их политическими оппонентами. Китайские реформы на современном этапе продолжают быть сложным процессом синтеза эффективных идей, заимствованных зарубежом, и так называемой «китайской специфики». Финансовая реформа Нанкинского десятилетия стала первым ярким примером адаптации Западных идей к национальным нуждам Китая, а если говорить точнее, их «китаизации».

Банковская система Китая до Нанкинского десятилетия

Традиционно китайские финансовая и банковская системы были довольно автономными. Местная элита располагала почти неограниченными полномочиями в местных делах и слабо зависела от центральной власти, государство почти не вмешивалось в её деятельность. Как мы писали ранее, внутренний денежный рынок сформировали институты, восходящие к XVII в. и ориентированные на денежные и финансовые операции традиционных китайских предприятий и потребителей. Они возникли как продукт местных нужд, остались независимыми от поддержки и надзора со стороны властей и создали местные саморегулируемые гильдии, которые способствовали поддержанию децентрализованного состояния и привычных методов управления и бизнеса [Круглова, 2022. С. 78].

Местные банки служили связующим звеном между традиционными китайскими финансовыми рынками и торговцами. В национальной финансовой сети существовало

взаимовыгодное разделение труда между местными банками, иностранными и новыми китайскими банками (созданными по западному типу). Ни иностранные, ни новые китайские банки не выдавали ссуды напрямую торговцам сельскохозяйственной продукцией, поскольку это являлось одной из основных функций местных банков, которые по сути оставались ключевыми институтами национальной финансовой сети. До 1933 г. финансирование международной торговли Китая контролировалось иностранными банками; внутренняя торговля находилась в руках местных банков [Ма, 2008; Круглова, 2022. С. 78].

Иностранные банки располагались в нескольких договорных портах, из которых наиболее важным финансовым центром стал Шанхай. На основании уступок имперского правительства крупным державам эти банковские учреждения освобождались от юрисдикции китайских властей и действовали под контролем иностранных правительств. Их основная деятельность заключалась в обеспечении международной торговли и присутствия международных компаний в Китае. В Шанхае банки по обмену иностранной валюты также управляли импортом и экспортом серебра и транзакциями в международной валюте. Учитывая такие правовые и экономические условия, эти банки оставались институционально отличными от остальной финансовой системы Китая [Круглова, 2022. С. 78].

На момент начала Нанкинского десятилетия финансовая система в Китае всё ещё не была централизована. В обращении находилось несколько валют, включая серебряный лян, серебряный юань, медные монеты и бумажные деньги. Кроме того, и центральное правительство, и местные органы власти, а также частные банки имели право чеканить монету. В то же время право эмиссии банкнот не ограничивалось государством — им обладали как китайские, так и иностранные банки. Кроме того, в качестве платёжного средства принимался и мексиканский серебряный доллар [Weigelin-Schwiedrzik, 2013]. Таким образом, мы наблюдаем сложную и крайне разнообразную денежную систему, а по мнению некоторых исследователей — даже отсутствие системы как таковой [Штейн, 1928. С. 67; Круглова, 2022. С. 78].

Планы и идеи реформаторов

Реформы в стране предполагалось проводить в соответствии с учением Сунь Ятсена, согласно которому новая экономическая политика не исключала иностранного участия, а наоборот, предполагала привлечение иностранных технологий и капитала. Чан Кайши считал, что Китай должен идти своим путём и опираться на собственные силы и на национальный капитал, однако на практике оказалось, что обойтись вовсе без привлечения иностранного капитала не удастся.

Экономические взгляды Чан Кайши иллюстрирует его работа «Китайская экономическая теория»¹. Одна из основных идей, которая красной нитью проходит через всю книгу, — это идея о прочной централизованной власти и необходимости установления авторитарного правительства. Чан Кайши считал, что все проблемы китайской экономики явились следствием слабого государственного аппарата, традиционно неспособного должным образом контролировать экономическое развитие в стране. Поэтому в книге центральное место отводится экономическим обязательствам государства [Chiang, 1947].

Чан Кайши писал, что, в то время как западные экономисты изучают частные предприятия и рыночные транзакции, китайская экономическая теория не замыкается на частных предприятиях и рыночных операциях, а фокусируется на взаимосвязи народного благосостояния и национальной обороны [Chiang, 1947. P. 248]. Он подчёркивал, что так

¹ Книга «Китайская экономическая теория» вышла в 1947 г., поэтому нельзя быть уверенным, что в своих преобразованиях Чан Кайши руководствовался именно этими идеями. Они могли сформироваться позже и скорее явились синтезом исходных взглядов, основанных на учении Сунь Ятсена и практического опыта реформ.

как западная экономическая теория основывается на потребностях и желаниях, в особенности на личных желаниях, на практике техника производства и защита государства не будет служить народному благосостоянию, а наоборот, поработит как людей, так и саму человеческую природу [Chiang, 1947. P. 250].

Ко всему прочему Чан Кайши прямо писал о том, что все без исключения западные экономические концепции (например, свободная торговля) не подходят для решения насущных проблем Китая [Chiang, 1947. P. 278]. Китайский торговый капитал всегда инвестировался в землю, а не во что-то другое [Chiang, 1947. P. 284]. Конечно, к такому выводу Чан пришёл уже после проведения реформ, однако даже в самом начале, при наличии программ реформ западных специалистов по финансам, принимал решения скорее исходя из конкретной ситуации, а не основываясь на какой-то западной экономической теории.

Чан Кайши предполагал, что выпуск банкнот (через центральную банковскую систему) и отмена металлических валют, таких как золото и серебро, «были тенденциями социальной эволюции», то есть неизбежными тенденциями общественного развития. На заседании национального правительства в 1941 г. он ясно дал понять, что денежная политика была «в точности той монетарной революцией, за которую выступал Сунь Ятсен, отец-основатель Китайской Республики» [Wang, 2020. P. 224].

При рассмотрении экономических реформ в период Нанкинского десятилетия нельзя ограничиваться лишь идеями Чан Кайши. Реформированием банковской и финансовой систем в период Нанкинского десятилетия занимались его ближайшие сподвижники и родственники. Самые важные советники по экономической политике Чан Кайши — Сун Цзывэнь и Кун Сянси — сыграли важную роль в разработке денежно-кредитной политики национального правительства.

Сун Цинлин, сестра Сун Цзывэня, была женой Сунь Ятсена, их сестра Сун Мэйлин — женой Чан Кайши. Следовательно, Сун Цзывэнь и Чан Кайши были не просто политическими соратниками — их связывали семейные узы². Однако Сун и Чан имели далеко не одинаковые взгляды на экономические реформы и политику в целом.

В вопросах денежно-кредитной политики Сун, как и Чан Кайши, выступал за то, что Китаю нужна единая национальная денежная система и введение современной западной системы с Центральным банком во главе [Wang, 2020. P. 225]. Что касается того, как создать институт центрального банка, у Суна изначально не было чёткого плана, но он постепенно разработал его в соответствии с развитием экономической и политической ситуации и предложениями других китайских и западных экономистов.

Самая большая разница между денежно-кредитной политикой Сун Цзывэня и Чан Кайши заключается в том, что Сун выступал против экспансионистской денежно-кредитной политики и политики ценовой инфляции, выступая за ограничение эмиссии валюты для сдерживания ценовой инфляции. В 1924 г. Сун критиковал инфляцию цен, вызванную чрезмерным выпуском банкнот в различных провинциях на юге Китая, поддерживая политику 100%-ного резервирования. Он считал, что «обращение валюты зависит от её кредита, а её кредит — это не ювелирное дело, он основан на 100%-ном резерве того, что люди сберегают» [Zhang, 2001. P. 1105].

Несмотря на то, что Сун теоретически выступал против политики инфляции, окончательное решение в правительстве принимал Чан Кайши, и Сун не смог реализовать свой план полностью. В значительной степени Сун Цзывэнь был монетаристом, подобно М. Фридману, а также финансовым учёным и политиком, придерживавшимся принципа невмешательства³.

² Об участии китайских политических элит в финансовой реформе, а также о влиянии исторических и политических условий на экономические преобразования в период Нанкинского десятилетия подробнее см. [Круглова, 2022].

³ Сун Цзывэнь после победы коммунистов в гражданской войне в 1949 г. уехал в Сан-Франциско, где и умер в 1971 г.

Впоследствии отвечать за финансовые дела национального правительства стал Кун Сянси (был женат на третьей сестре Сун Цзывэня — Сун Айлин). После того, как Сун ушёл с поста министра финансов и управляющего Центральным банком в 1933 г., эти две должности занял Кун. В 1935–1939 гг. Кун занимал пост премьер-министра национального правительства, став самым важным помощником Чан Кайши по финансовой политике и одним из идеологов, помогавших провести реформу денег в 1935 г.⁴ Подобно Чан Кайши и Сун Цзывэню, Кун Сянси также считал, что денежная реформа строилась на основе учения Сунь Ятсена о народном благосостоянии [Wang, 2020. P. 227]. В период денежной реформы Кун утверждал, что «если Китай хочет добиться финансовой стабильности и экономического развития, отвечая на нужды военного времени, он должен следовать учению Сунь Ятсена [революции бумажных денег] и полностью реформировать денежную систему». Кун утверждал: «Единый выпуск и централизованная подготовка введения фиатных денег должны решить проблему оттока серебра [...], но не для стимуляции инфляции, а для развития самофинансирования» [Wang, 2020. P. 228]. Таким образом, хотя эта точка зрения Куна согласовывалась с его пониманием поддержки 100-процентного резерва серебра, он также поддерживал политику неразменных денег с частичным резервом в серебре, что было противоречиво.

Во время его пребывания на посту министра финансов и управляющего Центральным банком Китая с 1933 – 1945 гг. просьбы Чан Кайши о дополнительном выпуске денег всегда удовлетворялись. Таким образом, можно заключить, что у Куна не было чёткой денежной теории, и на практике он потакал политике Чан Кайши. Политика Кун Сянси отличалась от более жёсткой позиции Сун Цзывэня.

Реформа банковской системы

Ещё до учреждения Центрального банка Китая в 1928 г. национальное правительство уже провело ранний эксперимент по созданию собственного центрального банка, финансирующего деятельность правительства Гоминьдана [Shiroyama, 2008. Pp. 90-91]. Чтобы финансировать Северный поход в августе 1924 г., националисты во главе с Сунь Ятсеном основали свой первый центральный банк в Гуанчжоу. Тогда же Сун Цзывэнь в соответствии с уставом центрального банка должен был выпустить банкноты номиналом 10 млн местных юаней в серебре, что являлось стандартом 100%-ного серебряного резерва. Местный юань на законных основаниях можно было обменять на серебро. Однако, чтобы справиться со всеми военными расходами, пришлось выпустить 35 млн юаней. Из-за недостаточных валютных резервов эти суммы не могли быть подведены под полный серебряный резерв к 1928 г. Другая проблема заключалась в том, что этот центральный банк не был настоящим центральным банком для всего Китая, поскольку его денежное обращение ограничивалось только провинцией Гуандун. Когда в ноябре 1928 г. национальное правительство учредило официальный Центральный банк Китая, бывший центральный банк в Гуанчжоу прекратил свою деятельность.

В 1928 г. национальное правительство вынудило Банк Китая⁵ (中國銀行, Чжунго Иньхан, Bank of China) и Банк коммуникаций⁶ (交通銀行, Цзяотун Иньхан, Bank of Communications) переместить свои штаб-квартиры из Пекина в Шанхай, увеличив доли

⁴ В ноябре 1944 г., за несколько месяцев до окончания Второй китайско-японской войны, Кун Сянси ушёл с поста министра финансов, а в июле 1945 г. ушёл с поста управляющего Центральным банком Китая. Кун оставил китайскую политику в 1947 г. и поселился в Соединенных Штатах. Он умер в Нью-Йорке в 1967 г.

⁵ Банк Китая основан 5 февраля 1912 г. путём преобразования банка Ta Ching Government Bank (Банк Великой Цин). Он является старейшим банком Китая из ныне действующих.

⁶ Банк коммуникаций основан в 1908 г. для финансирования развития транспортной инфраструктуры в Китае, в частности, выкупа у бельгийцев железной дороги Пекин–Ханькоу.

официальных акций в двух банках. 1 ноября 1928 г. Центральный банк Китая (中華民國中央銀行, Чжунхуа Миньго Чжунъян Иньхан, Central Bank of the Republic of China) был создан на месте бывшего Санкт-Петербургского Русско-Азиатского банка в Шанхае. Учреждался он исключительно на государственные деньги, без участия частного капитала⁷. Ввиду неразвитости национальной банковской системы, уставом Центрального банка предусматривалось множество функций, не свойственных центральным банкам, например, хранение сберегательных вкладов граждан. На церемонии открытия Центрального банка Китая Сун Цзывэнь объявил о трёх целях создания Центрального банка Китая: во-первых, создание унифицированной валютной системы Китая; во-вторых, воссоединение национальной валюты и казначейства; в-третьих, регулирование финансовых потоков Китая⁸ [Wang, 2020. P. 238].

Здесь следует отметить, что с точки зрения природы и исторической эволюции центральных банков, будучи первым центральным банком Китая, ЦБК не возник из коммерческого банка, а был создан правительством. Напротив, центральные банки некоторых стран, таких как Банк Англии и Банк Испании, произошли от коммерческих банков.

Валовой основной капитал центрального банка составлял 20 млн юаней, одновременно и полностью распределённых национальным казначейством, стремившихся, чтобы ЦБК имел право «выпускать банкноты, чеканить и распространять монеты, осуществлять операции с иностранной валютой, а также обслуживать государственные займы» [Shiroyama, 2008. P. 169]. В первоначальном плане центральный банк должен был иметь 60% резерва в металлах (серебре, золотых монетах или слитках), а остальные 40% в государственных облигациях или ценных бумагах [Young, 1971. P. 27].

Центральный банк определялся как «национальный банк». В соответствии с предложениями Национальной экономической конференции и первой Национальной финансовой конференции подчёркивалось, что Центральный банк является банком, управляемым национальным правительством. Акции, купленные у банка, будут ограничены максимальным размером 49% от общего капитала. Кроме большого количества филиалов и офисов в крупных городах Китая, были открыты представительства в Нью-Йорке, Берлине, Женеве, Лондоне и Париже [Weigelin-Schwiedrzik, 2013].

Поскольку Центральный банк создавался «с нуля», темпы роста его капитала были, естественно, высоки. С 1928 – 1933 г. общие активы Центрального банка увеличились почти в десять раз. Его депозиты увеличились почти в семьдесят раз, а выпуск валюты – почти в семь раз. Чистая прибыль ЦБК увеличилась в шестьдесят раз [Wang, 2020. P. 240].

В том же 1928 г. правительство начало контролировать частные банки. Правительство потребовало реорганизации Банка Китая и Банка коммуникаций. Оно стало приобретать акции, чтобы усилить своё влияние на эти банки. Оба банка перешли в полное подчинение Центробанку и были реорганизованы в банки смешанного типа путём внесения правительственного взноса – 5 млн юаней и 2 млн юаней, соответственно. Банк Китая должен был курировать внешнюю торговлю, а Банк коммуникаций получил промышленную специализацию. С учреждением Центробанка у правительства появилась возможность направлять на его счета средства от таможенных сборов и соляной монополии, которые раньше хранились в иностранных банках [Меликсетов, 1977. С. 55; Круглова, 2022. С. 79]. После 1931 г. правительство выпустило ряд законов, направленных на усиление контроля

⁷ Здесь возможны расхождения в мнениях о природе этих государственных денег. Во-первых, очень сложно говорить о какой-либо полноценной государственности в Китае в тот период, во-вторых, основной капитал шёл от существующих в Китае частных банков, с руководителями которых Чан Кайши состоял в родственных или дружеских отношениях. Вопрос, в какой момент эти деньги являлись государственными, заслуживает отдельного глубокого исследования.

⁸ Интересно, что ЦБК продолжает работать в качестве центрального банка Китайской Республики на Тайване и сегодня, после отступления правительства Китайской Республики с материка в 1949 г.

над частными банками. Через три года открылся Китайский крестьянский банк⁹ (中国农民银行, Чжунго Нунминь Иньхан, Agricultural Bank of China) с основным капиталом в 4 млн юаней [Панцов, 2019. С. 183], который стал предоставлять крестьянам дешёвые кредиты.

В результате сформировалась банковская структура, которую иногда иносказательно называют «Троецарствием» финансового рынка Китая [Cheng 2003. P. 10]: традиционные провинциальные финансовые институты, иностранные международные банки и новые банки [Kong, 2019. P. 13]. Однако есть и более подробные классификации банковской системы того времени¹⁰. Так, Шанхайская ассоциация банкиров в Bank Year Book 1936 г. выделяет шесть уровней банковской системы Нанкинского десятилетия.

1. Группа Центрального банка. Это крупные государственные банки под руководством и контролем центрального правительства. Центральному банку принадлежала часть акций этих банков. В эту группу вошли четыре банка: Центральный банк Китая, Банк Китая, Банк коммуникаций и Крестьянский банк Китая.

2. Коммерческие и сберегательные банки. Ежедневные операции этих банков охватывали коммерческие и прочие операции, включая сберегательные и инвестиционные. Банки этой категории составляли основную массу от всей банковской системы Нанкинского десятилетия.

3. Провинциальные и городские банки. Они создавались местными властями в результате политической децентрализации после падения империи Цин в 1911 г. Степень их автономии от центрального правительства варьировалась в зависимости от уровня политического контроля Гоминьдана над местными органами власти. Основные функции включали обработку и координацию денежных операций на местном уровне, таких как сбор налогов.

4. Сельскохозяйственные и промышленные банки. Финансовые учреждения, отнесённые к этой группе, представляли собой банки, деятельность которых сосредоточивалась на сельскохозяйственных и промышленных кредитах. Многие банки в этой группе создавались государством, в некоторых случаях – местными властями с целью поддержания экономики на местах.

5. Специализированные банки. Хотя спектр задач этих банков пересекался с коммерческими и сберегательными банками, они уделяли особое внимание конкретным отраслям, таким как шёлкопрядение, добыча полезных ископаемых или соли.

6. Зарубежные китайские банки. В эту группу помещались банки, владельцы которых были этническими китайцами, но их штаб-квартиры находились за пределами материкового Китая, в первую очередь в британской колонии Гонконг [Kong, 2019. P. 18; Круглова, 2022. С. 80].

В 1934 г. была создана Финансовая корпорация развития Китая, куда вошли кроме всех правительственных банков почти все крупные коммерческие банки. Уставной капитал составил 10 млн юаней.

В целях укрепления доверия вкладчиков к банкам в сентябре 1934 г. правительство издало закон о сберегательных банках, согласно которому 25% депозитов сбербанков должны храниться в Центральном банке в качестве резерва. Эти резервы в Центробанке составили к середине 1935 г. 93 млн юаней.

После проведения денежной реформы в 1935 г. капитал Центробанка был увеличен до 100 млн юаней. Банк Китая получил от государства 15 млн юаней. Банк коммуникаций

⁹ Китайский крестьянский банк основан 1 апреля 1933 г. на базе «Крестьянского банка провинций Хэнань, Хубэй, Аньхой и Цзянси».

¹⁰ Стоит оговорить, что на территории, подконтрольной коммунистам, действовала своя финансовая система. 1 февраля 1932 г. был создан Национальный банк Китайской Советской Республики во главе с Мао Цзэминем. Центральный монетный двор выпускал три вида валюты: бумажную купюру, медную монету и серебряный юань [Sandrock, undated].

увеличил капитал до 20 млн юаней. Таким образом, доля капитала государства в этих банках составила 50 и 60% [Меликсетов, 1977. С. 65].

Великая депрессия не могла не оказать негативного влияния на китайскую банковскую систему, даже после её преобразования. Ряд банков был вынужден обратиться за поддержкой к государственным банкам, некоторые оказались в прямой зависимости от ЦБ¹¹. В 1936 г. банковский капитал правительства составил 145,9 млн юаней и банковские активы в размере 3 459,6 млн юаней, что составило 49% общего капитала современных банков Китая и 61% их активов. Сберегательные банки и страховые общества к этому времени также практически находились под контролем правительства [Меликсетов, 2002. С. 500]. Значительный рост государственного и частного банковского капитала сопровождался постепенным «осовремениванием» денежного рынка, ослаблением роли традиционных кредитных институтов — меняльных контор, ломбардов, мелких банков. В предвоенное десятилетие их число сократилось в два раза [Меликсетов, 2002. С. 502; Круглова, 2022. С. 80].

Некоторые исследования показывают, что Центральный банк Китая не функционировал так же, как аналогичные учреждения в Западной Европе. Его основной целью было предоставление краткосрочных кредитов правительству. Хотя в 1928–1937 гг. открылись 128 новых банковских отделений, чаще всего в приморских районах, можно сказать, что современная банковская система в Китае была недостаточно развита. Она в основном обслуживала правительство, которое постоянно боролось с финансовыми трудностями из-за хронического бюджетного дефицита¹². Рост расходов был в основном вызван погашением кредитов и огромным увеличением расходов на вооружённые силы. Учитывая, что во второй половине 1930-х гг. в 40–50% государственных расходов шло на армию, а треть — на выплату кредитов, на другие расходы оставалось мало [Skrivan, 2011].

Ещё более активно реагировал на экономическую политику правительства китайский банковский капитал, существенно укрепивший свои позиции на китайском рынке. Общее число коммерческих банков увеличилось с 69 в 1927 г. до 174 в 1937 г. при значительном росте их активов и прибылей. Усилилась и концентрация китайского банковского капитала, выросло экономическое влияние наиболее крупных частных банков. Так, в 1935 г. на долю 14 коммерческих банков приходилось примерно 80% всех ресурсов коммерческих кредитных учреждений страны.

Денежная реформа

Власти Гоминьдана пытались построить эффективную китайскую центральную банковскую систему, используя положения теории Эдвина Кеммерера¹³ [Wang, 2020]. Одним из них была централизованная финансовая система, полностью обеспеченная золотым резервом.

¹¹ Так, в апреле 1935 г., во избежание банкротства, были вынуждены докапитализироваться за счёт правительственных средств два крупных коммерческих банка — Коммерческий сберегательный банк Нинбо и Коммерческий банк Китая. Оба разместили на своих счетах по 5 млн юаней правительственных вложений. В дальнейшем правительство увеличило свои паи и полностью взяло оба банка под свой контроль. В июне этого же года правительство взяло под контроль Банк четырёх провинций, переименованный позже в Крестьянский банк. После реорганизации капитал банка правительственная доля составила 25%. Следом под контроль государства попал и крупнейший коммерческий промышленный банк — Национальный промышленный банк Китая.

¹² Учитывая традиционную сильную автономию кантонского народа, бывший центральный банк национального правительства, созданный в 1924 г. в Гуандуне, всё ещё работал как независимый местный банк, выпуская серебряную валюту под названием «Малые деньги». «Малые деньги» были типичной валютой в обращении в провинции Гуандун с 1890-х гг. «Малые деньги» национального правительства унаследовали старые институты мелких денег в Гуандуне. Одна единица «мелких денег» стоила от 70 до 75% обычного серебряного юаня [Young, 1971. P. 28].

¹³ Эдвин Кеммерер (1875–1945) — президент Американской экономической ассоциации, профессор экономики в Принстонском университете и всемирно известный «Доктор денег», который помог построить центральные банки в различных странах Латинской Америки, Европы и Азии.

В июле 1928 г. Национальная финансовая конференция приняла решение сделать золотой стандарт основным валютным стандартом Китая. Перед принятием золотого стандарта конференция решила сделать китайский серебряный юань основной денежной единицей вместо серебряного лян при переходе от старой и очень разномастной валютной системы к будущему золотому стандарту, при этом полностью отменив стандарт серебряного лян [Young, 1971. P. 27]. Другие монеты следовало также постепенно конвертировать в серебряные юани.

Хотя национальное правительство не реформировало денежную систему полностью в 1928 г., оно работало как центральный банк и провело ещё две реформы. Первая заключалась в выкупе обесцененных банкнот, выпущенных предыдущими уханьскими националистами (во главе с Ван Цзинвэем, когда он был политическим оппонентом Чан Кайши во время Северного похода¹⁴), и перевод их в новую валютную систему на сумму 45 млн канадских долл. Вторая реформа заключалась в выпуске новой валюты на сумму 7,25 млн канадских долл. для финансирования Северного похода [Young, 1971. P. 28].

В феврале 1929 г. по приглашению национального правительства в Китай приехал специалист по денежным вопросам и профессор экономики Принстонского университета Эдвин Кеммерер, чтобы помочь разработать план денежной реформы. После девятимесячной напряжённой работы со своими коллегами Комиссия Кеммерера представила национальному правительству проект закона о постепенном введении в Китае золотого стандарта. Проект Кеммерера заложил основу реформы центрального банка Китая в 1930-е гг. [Kemmerer, 1929].

В плане предполагалось, что Китай примет новый золотой стандарт под названием «сунь», который не требовал реального обращения золота и приравнялся к 0,4 долл. США [Young, 1971. P. 179]. Комиссия Кеммерера полагала, что установление связи между ценой суня, серебряным долларом и золотом поможет Китаю в итоге принять золотой стандарт. Хотя сунь планировался как фидуциарная серебряная монета, Комиссия Кеммерера не намеревалась унифицировать валюту в серебряный стандарт, поскольку надеялась в итоге прийти к золотому стандарту, однако предполагался переходный этап частичного серебряного стандарта.

На международном уровне появление единого Китая совпало с началом «Великой депрессии» (1929–1939 гг.), и, конечно, Китай не был полностью застрахован от её последствий, но то, что денежная система Китая основывалась на серебре, а не на золоте, как в большинстве стран, стало своеобразным «барьером», ограждающим от прямого и сильного влияния «депрессии» на китайскую экономику. Из-за относительно слабых экономических институтов и производственных мощностей китайская финансовая система не подверглась сильному влиянию кризиса. Китай ощутил влияние позже [Круглова, 2022].

С целью «отменить лян и принять юань» 7 июля 1932 г. министр финансов Сун Цзывэнь провел неофициальную консультацию с шанхайским банковским сектором, объяснив необходимость унификации валютной системы под контролем государства [Weigelin-Schwiedrzik, 2013. P. 189]. 5 апреля 1933 г. закон об отмене лян вступил в законную силу, и 6 апреля Центральный политический совет национального правительства объявил, что лян упразднён, а новый юань принят по всей стране. В то же время Китай официально перешёл на серебряный стандарт [Weigelin-Schwiedrzik, 2013. P. 189].

Одновременно Министерство финансов издало постановление, требующее, чтобы во всех государственных и частных денежных операциях, включая квитанции и контрактные расписки, использовались серебряные монеты, а не серебряные ляны. Людей просили через Центральный монетный двор, Центральный банк, Банк Китая и Банк связи обме-

¹⁴ После смерти Сунь Ятсена с июня 1925 по март 1926 гг. занимал пост председателя гоминьдановского правительства в Гуанчжоу. Вступил в конфликт с Чан Кайши и возглавил левое крыло Гоминьдана. В апреле — августе 1927 г. был председателем Центрального исполнительного комитета Гоминьдана и председателем правительства в Ухане. В июне 1927 г. совершил государственный переворот, установив личную диктатуру.

нять имеющиеся у них лянны на серебряные монеты. По мере углубления кризиса, в частности в 1933 г., паника проникла во все экономики мира. В том же году президент США Ф.Д. Рузвельт инициировал ряд политических мер, направленных на преодоление кризиса. Были последовательно выпущены шестнадцать основных законов о восстановлении экономики, восемь из которых касались финансов. Среди них были Закон о банках 1933 г. и Федеральный закон о ценных бумагах [Weigelin-Schwiedrzik, 2013. P. 190].

Ещё в 1933 г. никто не ожидал, что вторая денежная реформа будет проведена всего через год и семь месяцев или что Китай откажется от серебряного стандарта в течение столь короткого периода времени. Основная причина, по которой Китаю пришлось провести вторую денежную реформу и отменить серебряный стандарт, заключается в том, что Китай был страной с довольно ограниченным производством серебра. Следовательно, спрос на деньги неуклонно рос, а вместе с ним и увеличивалась зависимость Китая от импорта серебра. Однако он был не в состоянии контролировать цену серебра на международном рынке, так как его собственный вклад в рынок был слишком мал. С введением серебряного юаня серебро стало не только валютным стандартом. Юань содержал большую долю серебра. Таким образом, серебряный юань стал не только платёжным средством, но продуктом из серебра сам по себе [Weigelin-Schwiedrzik, 2013. P. 191], которым можно было бы торговать, если он оставался на внутреннем рынке.

Если цена серебра на международном рынке была высокой, стоимость доли серебра, содержащейся в китайском серебряном юане, могла быть выше, чем номинальная ценность данной монеты как платёжного средства на китайском рынке. В этих условиях серебряный юань утекал из Китая в то время, как китайское правительство должно было постоянно импортировать серебро по высоким ценам для удовлетворения спроса на деньги внутри страны. В итоге это могло бы привести к росту цен на внутреннем рынке. Когда цена на серебро во всём мире упала, оно хлынуло в Китай и подстегнуло развитие экономики. В период с 1929 – 1932 гг. основные экономики мира отменили золотой стандарт, международный спрос на серебро снова вырос. Впоследствии Китай вступил в период рецессии, которая вынудила национальное правительство провести очередную денежную реформу, полностью отменив серебряный стандарт.

В этой ситуации «серебряная» политика правительства США оказала решающее влияние на развитие Китая. В июле 1933 г. восемь стран, в том числе США и Китай, договорились о контроле над рынком серебра. Соединенные Штаты взяли на себя обязательство не покупать более 3 500 унций серебра в год, в то время как китайское правительство обязалось не продавать серебро в течение следующих нескольких лет. После этого соглашения китайское правительство было уверено, что опора на серебряный стандарт вполне безопасна для денежной реформы 1933 г. Всего несколько месяцев спустя ситуация коренным образом изменилась. В 1934 г. Рузвельт подписал Закон о покупке серебра, согласно которому министр финансов США получил право покупать серебро в Соединенных Штатах и за границей до тех пор, пока его цена на рынке не достигнет предела в 1,29 доллара за унцию [Weigelin-Schwiedrzik, 2013. P. 192].

Во второй половине 1934 г. правительство Китая образовало Комитет по стабилизации юаня и пресечению валютных спекуляций. Проблема утечки больших объёмов серебра за рубеж, обусловленной массивированной скупкой этого металла казначейством США, ускорили осуществление давно планируемой денежной реформы.

Например, финансовый сектор и рынок недвижимости в Шанхае, которые сделали город таким богатым, находились в состоянии беспрецедентного кризиса, поскольку всё больше и больше серебра вывозилось из страны через Шанхай. Иностранные банки сыграли важнейшую роль в этом процессе, что привело к резкому сокращению запасов серебра в Китае. Только в Шанхае, финансовом центре Китая, запасы серебра сократились с 582,9 млн юаней в июне 1934 г. до 275,6 млн юаней в декабре 1935 г., что составляет убыток в размере 52,72% [Weigelin-Schwiedrzik, 2013. P. 193].

В декабре 1934 г. китайский посол в Соединенных Штатах Ши Чжаоцзи выступил с докладом перед Конгрессом США, в котором охарактеризовал последствия «серебряной» политики США для китайской экономики как «драматические».

Если бы серебро продолжало уходить из Китая, кризис стал бы неуправляемым и мог бы привести к банкротству государства [Shiroyama, 2008. P. 172]. Ситуация дошла до того, что правительству пришлось принять решение о второй денежной реформе, с помощью которой можно было решить проблему зависимости китайской экономики от серебра. Когда 2 ноября 1935 г. люди начали штурмовать банки, чтобы забрать свои сбережения, правительство размышляло всего один день, прежде чем отменить привязку китайской финансовой системы к серебру.

На самом деле, прежде чем принять решение о проведении второй денежной реформы, национальное правительство вступило в переговоры с правительством США. В феврале 1935 г. в секретной записке Гоминьдан уже проинформировал правительство США, что Китай откажется от серебряного стандарта, а новая валюта будет обмениваться по фиксированному курсу на доллар США. Китай в то же время будет снабжать Соединенные Штаты серебром. Гоминьдан предложил продать около двухсот миллионов унций серебра в 1936 г. Таким образом, несмотря на то, что финансовая политика США была причиной китайского экономического кризиса, Нанкинское правительство всё равно ориентировалось на доллар США, считая его на тот момент самой устойчивой валютой. В воскресенье 3 ноября 1935 г. министр финансов Кун Сянси выпустил «Декларацию о выпуске фаби» [Weigelin-Schwiedrzik, 2013. P. 193]. Фаби должен был стать управляемой валютой с установленными курсами обмена для доллара США и фунта стерлингов. В качестве поддержки новой валюты правительство решило продать свои запасы серебра, чтобы купить иностранную валюту.

При этой реформе единственным законным платёжным средством становились банкноты правительственных банков (Центрального, Банка Китая, Банка коммуникаций), все остальные банковские учреждения теряли право денежной эмиссии, их банкноты обменивались на банкноты Центрального банка, а их наличное серебро в монетах и слитках также подлежало обмену. Любое лицо, уличённое в незаконном владении серебром, подлежало наказанию в соответствии с законом, регулирующим акты государственной измены. Номинал банкнот, выпущенных другими банками, кроме Центрального банка, Банка Китая и Банка коммуникаций, выпуск которых ранее был разрешён Министерством финансов, не должен превышать суммы, находящейся в обращении на 3 ноября 1935 г. Банкноты этих банков постепенно должны изыматься и обмениваться на банкноты Центрального банка в сроки, определяемые Министерством финансов. Все резервы находящихся в обращении банкнот, вместе со всеми невыпущенными или изъятыми из обращения банкнотами этих банков должны быть немедленно переданы Совету по валютным резервам. Ранее санкционированные банкноты, находящиеся в процессе печати, также должны быть переданы государству после доставки из типографии. Создавался Совет по валютным резервам для контроля за выпуском и изъятием из обращения банкнот, являющихся законным платёжным средством, и для хранения резервов находящихся в обращении банкнот. С 4 ноября 1935 г. банки, фирмы и все частные и государственные учреждения и лица, владеющие сунями, серебряными юанями или серебряными слитками, должны передать их Совету валютных резервов или банкам, назначенным советом, в обмен на банкноты законного платёжного средства по номинальной стоимости в случае суней и в соответствии с чистым содержанием серебра в случае серебряного юаня или серебряных слитков. Все договорные обязательства, выраженные в серебре, должны быть исполнены путем оплаты законных платёжных векселей в номинальной сумме. В целях поддержания стабильного обменного курса китайского юаня на его нынешнем уровне Центральный банк, Банк Китая и Банк коммуникаций получили право покупать и продавать иностранную валюту в неограниченных количествах

[*Shiroyama, 2008, С. 184*]. Согласно этому плану, Центральный банк должен был монополизировать выпуск банкнот через систему фиатных денег. Кроме того, Совет валютных резервов должен был сделать ЦБ независимым от националистического правительства. Это первый случай в истории Китая, когда центральное правительство приняло закон, пытающийся монополизировать всю валютную систему с помощью центрального банка и фиатных денег.

Стоит отметить, что реформа не обошлась без помощи извне. Ещё летом 1935 г. советником правительства стал эмиссар британского кабинета Ф. Лейт-Росс. Великобритания выделила 10 млн фунтов стерлингов на осуществление реформы. А после окончания преобразований китайская валюта привязывалась к курсу британского фунта [*Карнеев, 2013. С. 258*].

Во время реформы три правительственных банка держали около 130 млн унций серебра в Шанхае, а другие банки — около 100 млн. Еще 100 млн были сосредоточены в банках по всему Китаю. Таким образом, общие запасы банка составляли около 330 млн унций серебра. Из этой суммы иностранные банки держали 43 млн [*Young, 1971. Р. 240*]. Поскольку коммерческие банки имели огромные запасы серебра, свободный обмен серебра был им выгоден. Чтобы удовлетворить банкиров, правительство объявило, что, если китайские банки предоставят своё серебро, оно поддержит их банкнотами фаби (60%) и государственными ценными бумагами (40%) — облигациями, акциями и долговыми обязательствами. Кроме того, китайские банки могли бы продолжать получать проценты от государственных ценных бумаг [*Shiroyama, 2008. Р. 185*].

Для разрешения разногласий с иностранными банками правительство Чан Кайши представило другое предложение. Правительство обеспечило бы взаимный обмен депозитами вместо предоставления им депозитов ценных бумаг, обеспечив иностранным банкам процентную ставку в размере 5% годовых, превосходящую процентную ставку для китайских коммерческих банков¹⁵ [*Wang, 2020. Р. 275*].

Реформа продолжалась два года. Она помогла стабилизировать и укрепить финансовую систему, а также укрепить роль государственных банков, на долю которых уже в 1936 г. приходилось 59% всех активов и вкладов на подконтрольной Гоминьдану территории. Уже в 1937 г. были окончательно вытеснены из денежного обращения банкноты провинциальных, иностранных, частных банков [*Меликсетов, 1977. С. 67*].

Своей денежной реформой правительство надеялось укрепить и стимулировать экономику. Эта реформа сделала государство главным действующим лицом в экономике в целом, а также в финансовом секторе. Эта группа преобразований завершила традиционную для Китая политику экономического невмешательства. Тот факт, что переход от традиционной денежной системы к современной единой валюте занял так много времени, не является, как это видят некоторые ученые [*Weigelin-Schwiedrzik, 2013*], признаком неспособности унифицировать валюту и преодолеть хаос в экономике, — это следствие сложной экономической ситуации в такой большой стране, как Китай, с таким количеством региональных различий и фундаментальной разницей между сельским и городским секторами экономики. Однако вскоре новая финансовая система оказалась неспособной справиться с этими самыми различиями.

¹⁵ Для банкиров это казалось хорошей сделкой, но, если бы банкиры и западные правительства тщательно проанализировали ситуацию, они могли бы вместе выступить против национализации серебра (Чан Кайши почти ничего не смыслил в экономике и уже имел очень плохой послужной список злоупотребления своей властью в денежно-кредитной политике). Более высокая процентная ставка для западных банков также была несправедлива по отношению к китайской экономике. Если бы правительство Гоминьдана действительно хотело, чтобы Центральный банк был независимым от других правительственных органов, тогда бы они не допустили ситуацию, при которой дискриминация процентных ставок уже нарушила законность «рынка». Наконец, некоторые иностранные банки были вынуждены сдать свое серебро китайскому правительству. Одним из примеров является гонконгский Шанхайский банк, который сдал запасы драгоценного металла под давлением британского правительства.

Заключение

Реформа, проведенная Нанкинским правительством, не была первой в истории Китая попыткой заимствования западных экономических теорий и практик управления национальной финансовой системой. Еще прежде цинское правительство в период Политики самоусиления (1861–1895 гг.) проводило политику "усвоения заморских дел". Учёный Фэн Гуйфэн (1809—1875) сумел легитимизировать на основе конфуцианской традиции саму идею восприятия достижений чуждой культуры. С его точки зрения, превосходство морально-этических принципов конфуцианства было несомненным, поэтому, допуская заимствование Западных технолигий, следовало сохранять верность конфуцианскому учению: «восточное учение — основное; западное учение — прикладное» [Меликсетов, 2002. С. 334]. Но именно реформа Нанкинского правительства стала первым успешным опытом апробации западного опыта в китайских реалиях. При этом сама практика адаптации, являлась, скорее, традиционным для китайской культуры процессом серьёзного «переваривания» и «подстраивания» новинок к близкой и привычной китайскому народу действительности, приданию новым «приобретениям» «китайского лица».

Реформа денежной и банковской систем в период Нанкинского десятилетия показала свою эффективность в краткосрочной перспективе. Правительству Гоминьдана удалось за довольно короткий срок унифицировать банковские операции, тем самым стабилизировать работу всего банковского сектора, что позволило облегчить оказание финансовых услуг промышленникам и торговцам, что в свою очередь способствовало росту китайской экономики [Круглова, 2022]. Реформы предполагалось проводить в соответствии с учением Сунь Ятсена, однако на деле какой-то последовательной программы экономических преобразований выработать не удалось, хотя попытки предпринимались. Реформы были скорее необходимой реакцией на конкретные вызовы и запросы окружающей действительности.

Развитие китайской финансовой системы можно разделить на два этапа: «свободный рынок» до 1927 г. и «государственную монополию» после 1927 г. Охарактеризовать финансовую систему после 1927 г. можно усилением центральной банковской системы, бюрократизацией коммерческих банков и ограничением свободного рынка.

Нанкинское национальное правительство с самого начала предпочло политику государственного вмешательства. Так сильное централизованное правительство могло поддерживать национальный капитал Китая, укрепить национальную оборону и подготовиться к противостоянию с Японией.

Падение курса китайской серебряной валюты в какой-то мере защитило Китай от сильных потрясений с 1929 до конца 1931 г. (за исключением северо-востока, основанного на золотой валюте, и шёлковой промышленности). Однако после того, как Великобритания и Япония в конце того же года отказались от золотого стандарта, Китай вступил в период дефляции. Началось снижение прибыли, падение производства. Только после проведения финансовой реформы с ноября 1935 г. начался устойчивый рост. Реформа положила конец двухтысячелетней истории использования Китаем драгоценных металлов в качестве валютных стандартов.

Главной особенностью новой финансовой политики стала всё возрастающая роль государства в экономическом строительстве, что получило значительную поддержку китайской общественности.

Относительно стабильные политические и экономические условия, наряду с глобальной тенденцией создания центральной банковской системы для укрепления государственной власти и национальной финансовой системы, сделали неизбежным переход Китая на централизованную банковскую систему. В соответствии с планом банковской реформы 1935 г. национальное правительство Китая должно было создать современную

центральную резервную банковскую систему, которая должна была полностью контролировать выпуск валюты. Однако начало Второй китайско-японской войны в 1937 г. задержало текущую реформу центрального банка.

Правительство Гоминьдана постепенно поставило всю финансовую систему под свой практически личный контроль. Подобное произошло впервые в китайской истории и позволило властной верхушке напрямую отдавать приказы китайским банкам о помощи в финансировании военных кампаний в борьбе с Японией, коммунистами, а затем и во время Второй мировой войны. Впоследствии созданная Чан Кайши и его советниками финансовая инфраструктура послужила базой для пришедших в 1949 г. к власти коммунистов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Borokh O.N. (2022a). Иностранцы экономисты и китайские реформы: вклад Башаньского совещания (1985 г.) в формирование стратегии преобразований [Borokh O.N. (2022a) Foreign Economists and Chinese Reforms: the Contribution of the Bashan Conference (1985) to Shaping the Strategy of Transformation] // *Вопросы теоретической экономики*. №4. С. 93–109.
- Borokh O.N. (2022b). Общий опыт, разные стратегии: Янош Корнай и китайские реформы [Borokh O.N. (2022b). Common experience, different strategies: János Kornai and Chinese reforms] // *Terra Economicus*. Т. 20. № 4. С. 59–74.
- Волынский А. И. (2022). Теория переключающегося режима воспроизводства и институционализм: возможен ли синтез? [Volynskii, A. I. (2022). The Theory of the Shifting Mode of Reproduction and Institutionalism: Is Synthesis Possible?] // *AlterEconomics*. Т. 19. № 3. С. 424–441.
- Карнеев А.Н. (2013). Нанкинское десятилетие (1928–1937). Экономика и финансы. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Том 7. Китайская Республика 1912–1949. [Nanjing Decade (1928–1937) Economy and Finance. History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI Century. Volume 7. Republic of China 1912–1949]. – М.: Наука – Вост. лит.
- Круглова М.С. (2022). Синтез в экономической политике на примере банковского сектора Китая в период Нанкинское десятилетия (1928–1937). Роль неформальных связей [Kruglova M.S. (2022). Banking sector in China during the Nanjing decade (1928–1937) as an example of synthesis in economic policy. The role of informal ties] // *Terra Economicus*. Т. 20. № 4. С. 75–86.
- Меликсетов А.В. (1977). Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949) [Meliksetov A.V. (1977). Socio-economic Policy of the Kuomintang in China (1927–1949)]. – М.: Наука.
- Меликсетов А.В. (2002). История Китая [Meliksetov A.V. (2002). History of China]. – М.: Высшая школа.
- Панцов А.В. (2019). Чан Кайши [Pantsov A.V. (2019). Chiang Kai-shek]. – М.: Молодая гвардия.
- Boecking F. (2011). Unmaking the Chinese Nationalist State: Administrative Reform among Fiscal Collapse, 1937–1945 // *Modern Asian Studies*. Vol. 45. No. 2. Pp. 277–301.
- Cheng L. (2003). *Banking in Modern China: Entrepreneurs, Professional Managers, and the Development of Chinese Banks, 1897–1937*. – Cambridge University Press.
- Chiang K. (1947). *China's destiny and Chinese economic theory. With notes and commentary by Philip Jaffe*. – Dobson London.
- Goetzmann W., Ukhov A. (2001). China and the World Financial Markets 1870–1930: Modern Lessons from Historical Globalization // *SSRN Electronic Journal Yale ICF Working Paper*. No. 00-63. University of Pennsylvania.
- Horesh N. (2022). Foreign Banks of Issue in Prewar China: The Notes of the Netherlands Trading Society, Deutsch-Asiatische Bank and the International Banking Corporation // *Histories*. Vol. 2. No. 1. Pp. 68–74.
- Kemmerer Commission. (1929). *Project of Law for the Gradual Introduction of a Gold-Standard Currency System in China, together with a Report in Support Thereof*. — The Commission of Financial Experts.
- Kong L. (2019). *Modern Chinese banking networks during the Republican era*. – Adelaide: University of Adelaide.
- Li Y. (2009). Чжунго наньцзин гоминь чжэнфу чжунъян иньхан хоби фасин чжиду шилунь и чжэнфу чжудаосядэ чжиду шэнчэн гочэн вэй шицзяо. Чжунгоши яньцзю [Национальное правительство Нанкина, Китай. История денежной системы Центрального банка с точки зрения процесса формирования государственной системы] // *Исследование китайской истории*. № 63. С. 303–322 (на китайском языке).
- Ma J. (2008). Traditional Finance and China's Agricultural Trade, 1920–1933 // *Modern China*. No. 3. Pp. 344–371.
- Qiu S. (1997). Люйэ лунь наньцзин гоминь чжэнфудэ фаби чжэнцэ чжунго шэхуэй цзинцзиши яньцзю [Краткое исследование политики Фаби Нанкинское национального правительства] // *Исследования по социальной и экономической истории Китая*. № 4. С. 79–84 (на китайском языке).
- Sandrock J. (undated). The Money of Communist China (1927–1949): Part I. // *The Currency Collector*. http://www.thecurrencycollector.com/pdfs/The_Money_of_Communist_China_1927-1949_-Part_I.pdf (дата обращения: 21.01.2023)

- Shiroyama T. (2008). *China During the Great Depression: Market, State, and the World Economy, 1929-1937*. – Cambridge: Harvard University Asia Center.
- Skřivan A. (2011). On Fiscal, Monetary, and other Economic Problems of Chiang Kaishek's Regime 1928–1949 // *West Bohemian Historical Revue*. Vol. 1. No. 1. Pp. 131–141.
- Wang H. (2020). *Central Banking in War times: China, 1927–1949*. – Madrid.
- Weigelin-Schwiedrzik S. (2013). Reappraising the Nanjing Decade (1927–1937): Modernizing China during the World Economic Crisis // *International Studies in Social History*. Vol. 21. – New York, Berghahn Books.
- Wright T. (1991). Coping with the World Depression: The Nationalist Government's Relations with Chinese Industry and Commerce, 1932–1936 // *Modern Asian Studies*. Vol. 25. No. 4. Pp. 649–674.
- Young A. N. (1971). *China's Nation-building Effort, 1927-1937: the Financial and Economic Record*. – Stanford: Hoover Press Publications, Hoover Institution Press.
- Zhang J. X. (Ed.). (2001). Чжунго хоби сысянши. Хубэй жэньминь чубаньшэ [Новая денежно-кредитная политика Китая]. – Ухань: Hubei Renmin Pres (на китайском языке).
- Zhou Z. (2012). 20 шицзи 30 няндай да сяотяо дуй чжунго хоби цзинцидэ чунци 1933-1948 нянь чжунго хоби цзинцидэ сяндай чжуаньсин, шибай цзи ци и чань. Силе гунцзо баогао. Шанхай цзиньжун фалюй яньцзююань [Влияние Великой депрессии на денежную экономику Китая в 1930-х годах: современная трансформация, провал и наследие денежной экономики Китая с 1933 по 1948 г.] // Серия рабочих отчетов. – Шанхайский институт финансов и права (на китайском языке).
- Zhuo Z. (1986). Чжунго цзиньдай бичжи гайгэши. Чжунхуа миньго гошигуань [История денежной реформы Китая]. – Тайбэй: Academia Historia (на китайском языке).

Круглова Мария Семеновна

mashakruglova999@gmail.com

Maria S. Kruglova

Ph.D. (History), Senior Researcher Institute of Economics RAS

mashakruglova999@gmail.com

BANKING, FINANCE AND REFORM IN THE NANJING DECADE (1928–1937): A SYNTHETIC ECONOMIC POLICY

Abstract. The article deals with banking (1928) and monetary (1935) reforms in China during the Nanjing Decade (1927-1937). After the formal unification of the country under the leadership of Chiang Kai-shek and the Kuomintang, due to the colossal fragmented financial system, which interfered not only with economic growth, but with normal economic activity, the government faced the need for deep structural reforms. The reforms showed that the initial programs of economic reforms developed by such famous Western economists as E. Kemmerer and A. Young could not fully suit Chinese realities. If at the beginning, in 1929 it was a plan to tie the Chinese financial system to the gold standard through an intermediate silver standard, then in 1935 the Nanjing government completely abandoned the pegging to any precious metal. The main result of the banking reform was its almost complete subordination to the National Government. The author concludes that the reforms result was a kind of synthesis of the ideas of Western economists and the interests of the Chinese financial elite. Western economic theories were hard to implement into the established practices of China's financial culture, however, their synthesis with the ideas of the Chinese business and financial environment made it possible to build a relatively modern financial system.

Keywords: *China; reforms; Nanjing Decade; banks; synthesis in economic policy.*

JEL: B15, N25.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Круглова М.С. Банки, финансы и реформы в нанкинское десятилетие (1928–1937): Синтетическая экономическая политика // Вопросы теоретической экономики. № 1. 2023. С. 127–141. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_127_141.

FOR CITATION: Kruglova M. Banking, Finance and Reform in the Nanjing Decade (1928–1937): A Synthetic Economic Policy // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. 2023. Pp. 127–141. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_127_141.

А.П. Заостровцев

*к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)*

ПОСТИГАЮЩИЕ ИСТОРИЮ: ОБЗОР КОНЦЕПЦИЙ РАЗВИТИЯ (о книге Д.Я. Травина «Как государство богатеет... Путеводитель по исторической социологии»)

Аннотация. В статье представлена рецензия на книгу, в которой её автор развернул широкую панораму теории модернизации. Это действительно очень полезная работа, раскрывающая разные взгляды на глобальную картину развития и отсталости. Изложение неплохо структурировано, что позволяет объединять в отдельных главах концепции авторов, описывающих ту или иную составляющую этой картины. Как энциклопедический справочник книга крайне необходима для всех, кто желает за короткий промежуток времени вникнуть в то, что автор именует исторической социологией. В то же время он не просто кратко излагает чужие концепции, но и даёт им свою оценку. И этот факт позволяет провести критический анализ взглядов одного из ведущих в России специалистов в области модернизации. В нём показано, что противоречивая реальность сделала не менее противоречивой и теорию. Ряд стран, которым пора бы уже становиться демократическими, упорно не хотят этого делать. Автор книги, следуя своему видению, пытается всё-таки отстоять теорию модернизации и старается обойти этот вопрос. Его аргументы в пользу сохраняющей актуальность модернизации противоречивы, но, надо признать, заставляют задуматься и искать контраргументы. В книге часто делаются выводы применительно и к России. Автор полагает, что процесс модернизации в ней раньше или позже, но успешно завершится. Он решительно отторгает определяющее влияние культуры на исторический процесс и формы его осуществления. Polemica с этим и рядом других спорных утверждений не перечёркивает его достижения в области построения эффективной структуры изложения материала, демонстрации отличной осведомлённости относительно концепций многих авторов, включая ряд ведущих экономистов-институционалистов. Книга даёт возможность быть в курсе современного положения дел в области институциональной истории как сравнительно нового направления исследований.

Ключевые слова: *историческая социология, модернизация, институты, культура, империи, революции.*

JEL: N10, N40, O10, Z13.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_142_155.

Дмитрий Травин — пожалуй, самый известный в России исследователь модернизации. В начале века вышло его (в соавторстве с Отаром Маргания) двухтомное исследование «Европейская модернизация» [Травин, Маргания, 2004]. Через несколько лет издаётся сокращённое, но обновлённое исследование той же проблемы [Травин, Маргания, 2011]. Особенности современного состояния модернизации, ставшей благодаря левым западным социологам постмодернизацией [Гидденс, Сатон, 2021. С. 33–38], рассматриваются Травиным в работе «Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России» [Травин, 2011]. Как видим из названий работ Д. Травина, их автор равнодушен к российской реальности.

Более того, проработав с ним более 10 лет в Центре исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, рецензент берётся утверждать, что Россия является конечной целью всех его исследований. В этом плане, в первую очередь, следует указать на книгу «Почему Россия отстала?» [Травин, 2021]. В ней, вопреки вытекающим из названия ожиданиям, о России сказано не так много, но вскоре последует продолжение (2-й том). При этом автор и ранее неоднократно обращался к российским проблемам. Им, например, почти целиком посвящена его монография [Травин, 2016] и совместная наша книга [Травин, Гельман, Заостровцев, 2017].

Знакомство с автором будет неполным, если не обратить внимание на его критику идеологии «особого пути» России [Травин, 2018]. Сам он придерживается преимущественно классической теории модернизации, которая при всех допускаемых её адептами оговорках строится на универсализме — признании некоего общего будущего землян, базового единства их политико-экономического и социального уклада, несмотря на сохранение ряда второстепенных различий в его организации. В этом плане марксизм можно назвать самой радикальной из всех теорий модернизации.

Какое значение имеет это вступление для характеристики рецензируемой книги? Дело в том, что, представляя собою то, что в зарубежной англоязычной литературе именуется *handbook* или *guide*, работа Травина не исчерпывается лишь систематизированным обзором взглядов видных авторов. В ней постоянно демонстрируются собственные воззрения автора. Такое случается, наверное, только в России. Хорошо это или плохо, сказать трудно. Во всяком случае, бесспорным плюсом является то, что изложение построено таким образом, когда представление собственной точки зрения, по большей части, не мешает пониманию принципиальных положений концепций других авторов.

В чём главная ценность книги? В сущности, это — первый оригинальный (в смысле не переводной) путеводитель по исторической социологии. Причём в этот разряд попадают и работы самых известных экономистов в области институциональной экономической истории (Дуглас Норт, Барри Вайнгаст, Джон Уоллис, Александр Гершенкрон, Фридрих фон Хайек, Мансур Олсон, Рональд Коуз, Нин Ван, Дарон Аджемоглу, Джеймс Робинсон, Джованни Арриги, Грегори Кларк, Эрик Райнерт, Роберт Аллен, Лоуренс Харрисон, Дипак Лал и даже Егор Гайдар с Владимиром Мау). 17 из 60 имен — экономисты (по крайней мере, по их академическому статусу). Больше четверти — это немало. Что же касается определения исследовательской области, то её, на взгляд рецензента, было бы лучше именовать просто институциональной историей. Хотя в обзоре фигурируют и отдельные авторы, которые не уделяли центральное внимание развитию институтов в историческом времени. В любом случае обилие экономистов является одним из обоснований важности рассмотрения книги Травина в экономическом журнале (сам он по образованию — экономист).

Начнём с главного достоинства книги. Она даёт ценный материал для преподавания. Вряд ли, например, курс «Институциональная экономика», где рассматриваются темы, связанные с изменением институтов в историческом ракурсе, будет полноценным без обращения внимания к ней. Если обучающемуся надо быстро получить представление о сути концепций Дугласа Норта, Мансура Олсона или Дарона Аджемоглу с Джеймсом Робинсоном, то — добро пожаловать. Не менее полезна книга и для преподавателей. Часто они плохо знакомы с работами выдающихся исследователей в смежных областях. Экономистам может мало что говорить имя Парсонса, а социологам — Норта.

Наряду с этим выделим как несомненное достоинство охват книги. Она раскрывает много разных сторон анализа развития общества, что отражено в её структуре по главам. В ней семь глав и каждая из них посвящена какой-либо большой проблеме. Начинает автор с «Великого расхождения» (отрыва Запада от остальных народов мира) и заканчивает теорией революций и борьбы. Для экономиста наибольший интерес, наверное, будет представлять третья глава — «Институциональный анализ».

Следует сразу указать на одну особенность — Травин анализирует только переведённые на русский язык книги. Это усиливает доступность его произведения, что конечно же неплохо. Ведь широкий читатель в лице любителей истории не станет искать источники на английском языке, если захочет более обстоятельно познакомиться с материалом. Тем более что в России они нередко просто ему недоступны. В то же время заметим, что из списка переведённой на русский язык литературы совсем незаслуженно выпали, как минимум, три фамилии. Это Стефан Хедлунд, Эрнандо де Сото и Дейдра Макклоски.

В первом случае мы имеем как прекрасную критику неоклассического мейнстрима (особенно применительно к проблеме экономики развития), так и не менее замечательную институциональную историю России [Хедлунд, 2015]. Во втором случае речь идёт о решающей значимости легального признания прав собственности для преодоления отсталости [де Сото, 2001; де Сото, 2008]. Что же касается Макклоски, то из трёх томов её трилогии переведён, к сожалению, только один том [Макклоски, 2018]. Однако и в нём есть весьма важное утверждение о том, что «буржуазные ценности», их признание обществом — это источник современного экономического роста. Более полно эта идея развёртывается во втором и третьем томах трилогии [McCloskey, 2010; McCloskey, 2016], но, тем не менее, и первый том имеет значение. «Моя апология капитализма, — пишет она, — строится на демонстрации буржуазных добродетелей. Я хочу убедить вас в том, что именно они являются причиной и следствием современного экономического роста и современной политической свободы» [Макклоски, 2018. С. 28].

Перечень имён показывает, что автор не ограничился зарубежными авторами. В таком случае упущением является отсутствие в путеводителе книг Рустема Нуреева и Юрия Латова [Нуреев, Латов, 2010; Нуреев, Латов, 2016]. В них на основе базовых понятий институциональной экономики (зависимость от пройденного пути, институциональная конкуренция, неформальные и формальные институты), а также развитой ими такой категории, как власть-собственность, раскрывается история России [Заостровцев, 2017]. Можно вспомнить и о работах Александра Ахиезера¹, Игоря Клямкина и Игоря Яковенко [Ахиезер, Клямкин, Яковенко, 2005], Ольги Бессоновой [Бессонова, 2015], Светланы Кирдиной [Кирдина, 2014], Николая Розова [Розов, 2011] и школы Овсея Шкаратана [Россия как цивилизация..., 2015; Нова ли новая..., 2016].

Автор рассматриваемой монографии может возразить, что большинство из перечисленных выше российских авторов (а из зарубежных — Хедлунда) он представил в своей более ранней книге [Травин, 2018]. Однако, на взгляд рецензента, ничто не мешало включить хотя бы часть из них в главу 6 «Вне мейнстрима». Особенно школу Шкаратана, о которой в книге об «особом пути» почти ничего не сказано (вскользь упоминается лишь одна статья лидера школы). При этом надо заметить, что она в своих главных воззрениях была куда ближе к истинному познанию России, чем приглашенные теории модернизации, для которых характерен не только универсализм, но и прогрессизм (неоправданный исторический оптимизм или то, что по-английски именуется *wishful thinking*²).

Пропустим главу 1, повествующую о «великом расхождении», и перейдём сразу к главе 2. Начинается она с классической теории модернизации Парсонса. Ключевой фигурой оказывается Самуэль Хантингтон (ему уделено больше всего внимания). И далее следуют Мартин Липсет и Уолтер Ростоу. Не проходит автор и мимо Габриэля Алмонда

¹ Кроме указанной автором рецензии коллективной монографии, необходимо выделить двухтомник А.С. Ахиезера — *Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта*. Т. I.: Социокультурная динамика России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. *Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта*. Т. II. Теория и методология: Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. — *Прим. ред.*

² На русский язык это словосочетание можно перевести очень точно не совсем литературным словом «хотелки».

и Сиднея Верба. Завершает главу обращение к пересмотренной теории модернизации Рональда Инглхарта³.

Из знакомства со второй главой складывается картина того, как поначалу довольно стройная теория превратилась в некий конгломерат довольно противоречивых суждений. И это превращение произошло не в силу слабости более поздних авторов в логике, а в силу давления объективных обстоятельств.

В сущности, теорию модернизации основал ещё Макс Вебер, охарактеризованный Травиным в первой главе. Это отмечает и он сам: «По сути дела, именно от концепции рационализации Макса Вебера происходит современная теория модернизации» [Травин, 2022. С. 32]⁴. Однако весь «несущий каркас» теории модернизации был сконструирован Парсонсом, что также хорошо освещено автором. Схема такова: отталкиваясь от Вебера, Парсонс определяет модернизацию как переход от традиционного общества к обществу, основанному на рациональности (ещё его называют «современным»). Рациональность требовала изгнания божественной природы власти (её легитимации за счёт обращения к богу) и построения власти, подчинённой закону. Однако закон этот должен определяться самим обществом (отсюда требование представительной власти, демократии) и защищать права человека: неприкосновенность его личности и собственности. А дальше по Парсонсу мир на основе такого закона (по-русски, лучше было бы сказать — права) идёт к развитию свободного предпринимательства с минимальным государственным контролем. Таким образом, на выходе процесса модернизации получаем конституционную демократию плюс свободный рынок.

Красивая и логичная теория. И с наступлением краха социализма казалось, что история завершается безоговорочной победой модернизации. В том смысле, что у идеологии либерального порядка (да, по большому счёту, и его практики) не осталось более никакой жизнеспособной альтернативы. «...Триумф Запада, триумф западной идеи, проявляется прежде всего в полном истощении некогда жизнеспособных системных альтернатив западному либерализму» [Фукуяма, 1990. С.85]⁵.

Далее в книге Травина интерес представляет обращение к Хантингтону. В частности, подчёркивается разделение им понятий «модернизация» и «вестернизация» (с. 86). И делается следующий вывод. В виду значимости приведу его целиком.

«Отстающие в деле модернизации цивилизации, с одной стороны, заимствуют то, что необходимо им для экономического развития, но с другой — переходят к агрессивной риторике (а иногда и к агрессивным действиям) в отношении тех, у кого они многое заимствуют. Иными словами, они берут на вооружение то, что не могут не брать, но при этом отвергают то, без чего, как им представляется, можно обойтись. Более того, они иногда стремятся даже навязать другим свое видение мира» (с. 87).

³ Некоторые представленные во второй главе исследователи опущены в этом перечне.

⁴ Далее страницы из этой работы приводятся в круглых скобках без ссылки на источник. — Прим. ред.

⁵ Вершиной теории модернизации в 90-е гг. прошлого века стала так называемая транзитивистика. Речь шла и о переходной экономике, и о переходном обществе в целом. Всемирный банк даже стал издавать регулярный бюллетень (newsletter) Transition, в России в 1990 г. был основан Институт переходной экономики (сейчас Институт экономической политики им. Е. Гайдара) и несколько позже курс «Переходная экономика» даже вписали в стандарт подготовки студентов экономических специальностей. В классификатор JEL были внесены два раздела (P2 и P3), именуемые «Социалистические и переходные экономики» и «Социалистические институты и их переход» (transition). Под словом «переход» имелся в виду, конечно, переход к рыночной экономике и демократии. К настоящему времени слово «переходный / переходная» практически полностью вышло из употребления. Дело здесь, как увидим далее, совсем не в прошедшей моде, а в реальности, которая оставляет демократии всё меньше места. Рынок же всё более и более политизируется, подпадает под государственное влияние. И этот процесс идёт в глобальном масштабе.

В этой интерпретации Хантингтона Травиным видится краткое и очень вразумительное описание того, что рецензентом было названо адаптивной модернизацией в отличие от модернизации в форме вестернизации [Заостровцев, 2020. С. 147–157]. В столкновении двух типов модернизации проявляется конфликт между тем, что в указанной монографии обозначено как два антагонистических глобальных социальных порядка — силовая цивилизация противостоит правовой цивилизации.

Однако тут сразу возникает вопрос: а что тогда остаётся от концепции модернизации по Парсонсу? Обратимся к современному Китаю. Весьма успешная адаптивная модернизация и близко не сопровождается заимствованием институтов конституционной демократии (вестернизацией). Однако внедрение этих институтов органично входит в общее определение модернизации⁶. Сторонникам классической концепции модернизации остаётся только одно: упорно утверждать, что когда-нибудь в будущем эти институты обязательно появятся. Ждите!

Включение в главу о модернизации Сеймура Липсета не связано с тем, что он писал о модернизации. Он о ней почти не писал. Он выдвинул постулат о причинной зависимости демократии от уровня благосостояния (с. 89). Однако в дальнейшем многие на Западе взяли его в качестве определения сути модернизации. Согласно им, если рост экономического благополучия ведёт к демократизации, то теория модернизации верна; если не ведёт — то нет. И далее вся полемика отталкивается от исходного признания именно такого понимания модернизации [Заостровцев, 2020. С. 58–77]. Очевидно, что исходя из него доказать наличие модернизации становится всё труднее и труднее⁷.

Как уже было сказано выше, глава о модернизации завершается концепцией Инглхарта. Называется этот раздел «Демократия как побочный продукт творчества». Автор книги почему-то не использует то определение, которое дал сам Инглхарт применительно к своей теории: пересмотренная (revised) теория модернизации. И освещает её, надо сказать, не полно. Так, почти не уделяется внимание тому факту, что веберовская рационализация сегодня на практике не работает: в большинстве стран традиционные ценности усиливают свои позиции и теснят секулярность [Инглхарт, 2018. С. 90]. Обращается внимание лишь на то, что смена ценностей выживания на ценности самовыражения (по Инглхарту) реализуется в демократии.

И тут в рассматриваемой книге делается попытка распространить этот вывод на Россию (с. 125–126). Смена поколений приведёт к демократии. Поскольку придёт новое поколение с преобладающими ценностями самовыражения. Правда, делается оговорка, что только при условии, если экономические трудности, а то и катастрофа, не закрепят в качестве доминирующих ценности выживания.

Что тут можно сказать? Вечная надежда на молодых очень характерна для старых русских либералов. Однако не пришлось бы в очередной раз разочароваться. Полезно вспомнить, как социолог Лев Гудков описывал замысел многолетнего исследовательского проекта «Человек советский», появившийся еще в перестройку и начатый Юрием Левадой: «Мы думали, что будем описывать смену поколения советских людей с соответствующими установками и вхождение в жизнь молодых людей, не знающих, что такое дефицит и партсобрание. Но уже в середине 1990-х стало ясно, что всё не так однозначно. А в 1999 г. мы поняли, что советский человек никуда не уходит» [Гудков, 2017].

⁶ Сам Травин постоянно включает демократию в одну из главных характеристик модернизации [Травин, Маргания, 2004. С. 40; Травин, 2019. С. 18].

⁷ Исследующий состояние демократии V-Dem Institute в своём докладе констатировал, что уровень демократии в мире в 2021 г. откатился на уровень 1989 г. Диктатуры находятся на подъёме и охватывают 70% населения Земли [Democracy Report, 2022]. При этом уровень жизни в мире вырос. В постоянных ценах 2017 г. по паритету покупательной способности глобальный ВВП на душу населения увеличился с \$ 9 680 в 1990 г. до \$ 16 911 в 2019 г., или на 75% [Statistics Times, 2021].

Принципиальное возражение вызывают рассуждения автора о марксизме, расизме и теории модернизации (с. 64–66). В их лице он видит три глобальных теории, объясняющих развитие и отсталость. То, что не замечается известное идейное сходство марксистской теории и теории модернизации, это ладно. Горячему апологету последней — вполне простительно. Но вот что касается расизма! «Некоторые учёные, — пишет Травин, — могли исходить из того, что есть культуры (курсив мой — А.З.), способствующие развитию, и культуры, препятствующие ему» (с. 65). Такая позиция объявляется далее наукой в кавычках и, разумеется, расистской. Нет сомнений в том, что эрудированный интеллектуал отлично знает, что такое расизм. Обвинение в духе современной левой идеологии политкорректности призвано «покончить» с оппонентами не в академической дискуссии, а посредством наклеивания ярлыков.

Что мы имеем в итоге? Все, кто не разделяют единственно верную (научную) теорию модернизации, — либо марксисты, либо расисты. «Культурные расисты», но всё равно расисты. Для того чтобы убедиться в ложности вышеприведённого утверждения Травина, не надо перелопачивать множество академических книг и статей по проблемам влияния культуры на проводимую политику, а также экономические, научные и прочие достижения. Достаточно сравнить основные показатели развития Израиля и Ирана с 1980 г. (иранской исламской революции). Разве культура тут совсем ни при чём?

В продолжение разговора о культуре уместно перейти к оценке третьей главы, где исследуется институциональный анализ. Начинается обзор с Норта и продолжается затем Аджемоглу и Робинсоном. В первом случае внимание сосредоточено на работе Норта с соавторами [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011], а в последнем — на двух наиболее известных книгах творческого тандема [Аджемоглу, Робинсон, 2015; Аджемоглу, Робинсон, 2021]. Из работы Норта, Уоллиса и Вайнгаста автор делает вывод, что культура не важна: главное, это соотношение сил внутри элиты, которое в случае их равновесия создаёт эффективные институты. Выгоднее договориться на основе компромисса, чем жрать друг друга с непредсказуемым результатом. В принципе, в этом положении есть доля истины, но остаётся не ясным, почему такое равновесие веками не складывается за пределами того, что привычно называют Западом.

Неслучайно Травин уделяет недостаточно внимания основной работе Норта (в последней указанной работе трёх авторов очевидно преобладание видения двух его соавторов) «Понимание процесса экономических изменений». В ней же Норт, в частности, пишет: «Культура общества есть кумулятивная структура правил и норм (а также убеждений), которую мы наследуем из прошлого, которая определяет наше настоящее и влияет на наше будущее» [Норт, 2010. С. 20]. Эта фраза чрезвычайно нагружена смыслами. Во-первых, в ней даётся краткое определение культуры, а во-вторых, показывается, что именно она формирует то, что в институциональной экономической теории названо зависимостью от пройденного пути или «эффектом колеи» (path dependence). Если следовать классификации теорий развития Травиным, то Норта за такое суждение точно надо зачислить в «культурные расисты».

В чём проблема понимания Норта Травиным? Она видна из его размышлений относительно соотношения значения институтов и культуры (с. 129). Норт действительно, как отмечает Травин, выводит институты на первый план (кстати, здесь присутствует единственное обращение к его индивидуальной книге), но при этом в рецензируемой монографии игнорируется нортское деление институтов на формальные и неформальные. «Институты — это правила игры — как формальные, так и неформальные, а также характеристики их применения» [North, 2008. P. 22]. Неформальные институты первичны; они более устойчивы и в значительной мере определяют институты формальные. «...Формальные институты, — отмечает Владимир Автономов, — становятся реально действующими только при легитимации неформальными, прежде всего моральными нормами, действующими в обществе» [Автономов, 2016. С. XII].

Норт не отождествляет культуру с неформальными институтами напрямую. Однако в дальнейшем такое отождествление было сделано другими авторами [*Alesina, Giuliano*, 2014]. И действительно, если вникнуть в даваемые экономистами определения культуры⁸, что же отличает ее от неформальных институтов? Можно констатировать, что ничего.

Таким образом, в представлении Травина, разделяющего институты и культуру, институты — это только формальные институты. А раз так, то полностью отбрасываются неформальные институты, суть которых и составляет всё та же культура. И он «вычищает» её всякий раз, как только обнаруживает её появление в чьих-либо рассуждениях. Аджемоглу и Робинсон критикуются за ссылку на наследие демократической культуры германцев (с. 142-144). Достается также Фукуяме за то, что он стал говорить «об идущем из глубины веков уважении европейцев к закону» (с.169). И даже культовый для Травина автор — Гайдар — подпадает под критическую оценку за некоторые положения его работы «Государство и эволюция». Речь, в частности, идёт о заявленном в ней отсутствии традиции глубокой легитимности собственности в России (с. 181).

Позволю себе всё это прокомментировать. Действительно, влияние демократической культуры германских племён на европейскую цивилизацию — вопрос дискуссионный⁹. Но это не означает, что такая гипотеза не имеет права на существование только потому, что здесь речь идёт о культурном влиянии. Аналогично можно сказать и о приведённом выше тезисе Фукуямы. Для Травина очень характерно утверждение о том, что Великая хартия вольности (1214 г.) почти не повлияла на дальнейшее развитие Англии. Почему? Поскольку в Венгрии примерно в то же время был принят похожий документ, и он ей, в конечном счете, «ничего хорошего не дал» (с. 51). Речь, как можем догадаться, идёт о Золотой булле короля Андраша (1222 г.).

Во-первых, это очень странная логика. Если реформы Мустафы Кемаля (Ататюрка) в XX в. в Турции оказались успешными (об этом можно говорить, несмотря на «ползучую исламизацию» при Реджепе Эрдогане), а несколько позже похожие реформы шаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви — нет, то отсюда не следует, что первые не оказали никакого влияния на исторический путь и современное состояние Турции.

Во-вторых, обратимся как к арбитру — к русскому философу Георгию Федотову, по своему образованию историку-медиевисту, специализировавшемуся на Западной Европе. В статье «Рождение свободы» он пишет о роли средневековых свобод как предтечей современной свободы в Европе (в отличие от России, где ничего подобного не было) и особо выделяет роль Великой хартии вольностей. Говоря о ней, он указывает на распространение со временем заложенных в ней свобод сверху вниз: «То, что было раньше привилегией сотен семейств, в течение столетий распространилось на тысячи и миллионы, пока не стало неотъемлемым правом каждого гражданина» [Федотов, 1991. С. 261].

И наконец, оценка Гайдара. Разумеется, автор волен в своих мнениях. И он прав, что между двумя книгами Гайдара («Государство и эволюция» и «Долгое время») имеется серьёзное расхождение в трактовке ряда ключевых вопросов развития. Только в отличие от Травина, есть основания считать, что это был не научный прогресс, а, напротив, отход

⁸ Под культурой Мария Харари и Гвидо Табеллини понимают «преимущественно нормативные ценности о том, что такое “правильно” и что такое “неправильно” и как “должно” себя вести в данных обстоятельствах...» [*Harari, Tabellini*, 2015. Р. 246]. Согласно Джерарду Роланду, «культура — это набор ценностей и убеждений, которые люди имеют по поводу того, как работает мир (как природный, так и социальный), а также нормы поведения, вытекающие из этих ценностей» [*Roland*, 2020. Р. 415]. Эти определения культуры, по сути, есть и определения неформальных институтов.

⁹ Интересно отметить, что совершенно независимо от Аджемоглу и Робинсона, петербургский историк Даниил Коцюбинский тоже выделяет демократическую культуру германских племён как главный фактор, породивший правовые начала европейского социума. Правда, в отличие от Аджемоглу и Робинсона, он не признаёт демократизирующего влияния древнеримской (античной) культуры [*Коцюбинский*, 2019].

с правильных позиций в угоду политико-экономическому мейнстриму. Почему он имел место, можно только догадываться.

Несмотря на столь обширный поток критических соображений в адрес автора, следует указать, что они не свидетельствуют о каких-то недоработках. Это просто принципиальное расхождение рецензента во взглядах с Травиным. В целом же, в информативном плане, глава имеет несомненную познавательную ценность. Когда излагаются чужие мысли, то делается это квалифицированно, со знанием дела и, подчеркну, очень доступно для простого ценителя такой литературы.

В четвёртой главе перечисляются те теоретики, которые видят решающие причины прорыва к современному миру не в появлении хороших институтов, но в чём-то другом. Не станем пересказывать здесь её содержание. При желании к ней можно (и даже нужно) обратиться. Укажу только на три аспекта.

Во-первых, когда автор описывает весьма оригинальную концепцию Яна де Фриса, согласно которой человечество обязано перелому в количественном и качественном росте потребления, он снова вытаскивает на свет идеологию смены поколений. «...Думается, что в свете теории Яна де Фриса Россию тоже ждут позитивные перемены по мере смены поколений» (с. 206). Смысл такой позиции заключается вот в чём: «потребительская революция» со временем вынудит привычную к удовлетворению своих возросших потребностей молодёжь оказывать давление на правительство в направлении модернизации. Иначе возникает угроза достигнутому и, с некоторых пор, уже привычному уровню потребления.

По расчётам, даже на основе новой методологии Росстата, реальные доходы населения в 2021 г. были ниже таковых в 2013 г. на 3,8%. Если же исключить 2021 г., то и на целых 6,7% [*Росстат*, 2022]. Конечно, «смена поколений» укладывается в не очень понятные временные рамки. Однако пока давления не отмечается.

Во-вторых, нельзя не согласиться с тезисом о положительной роли секуляризации, который выдвигается на основе обращения к концепции Рэндалла Коллинза. «...Доминирование бюрократизма над клерикализмом способствовало развитию» (с. 223). И относится это не только к Германии, которую анализирует Коллинз.

Применительно к современной России говорится о том, что «церковная бюрократия взяла многие недостатки бюрократии партийной и добавила к ним ещё свои собственные — те, от которых аппаратчики не страдали» (с. 224). В поддержку этого тезиса замечу от себя, что научно-техническая модернизация в СССР была относительно успешной отчасти благодаря очищению массового сознания от религиозных догм. Культ науки и техники подавлял апелляцию к высшим силам и ориентировал на познание естественных законов. И неважно, что этот культ был обусловлен потребностями милитаризации. От этого он не терял своей способности ориентировать человека исключительно на собственные возможности («никто не даст нам избавленья») и не ждать «милости небес».

В-третьих, Коллинз отмечает важную роль образования в модернизации. В ответ на это в рецензируемой книге правомерно отмечается, что образование образованию рознь. И опять обращается внимание на опыт СССР. Если естественно-научное и техническое образование было поставлено на достаточно высокий уровень, то в сфере гуманитарной наблюдался полный провал: знания подавлялись идеологией. В результате «советский человек... плохо адаптировался к переменам» (с.224). Имеется в виду переход к демократии и рынку.

Пятая глава книги названа «Вне мейнстрима» и открывает её не кто иной, как Фридрих фон Хайек. Вполне заслуженно. И в качестве его вклада в экономику развития верно отмечается его видение спонтанности перемен. Нет никакого «генерального штаба», который бы заседал и планировал модернизацию. Однако, говоря о роли идей австрийской экономической школы в понимании истории, нельзя было обойтись без Людвиг фон Мизеса и его выдающейся работы «Теория и история». Ему, в частно-

сти, принадлежит по нынешним временам абсолютно неполиткорректное, но от этого несколько не менее верное (а, скорее, именно потому и верное) определение необходимого условия успешной модернизации:

«Многие представители этих (отсталых — А.З.) народов заявляют, что они хотят скопировать только материальную культуру Запада, но даже это сделать только постольку, поскольку это не будет противоречить их местным идеологиям и не подвергнет опасности их религиозные верования и обычаи. Они не понимают, что перенимание того, что они уничижительно называют всего лишь материальными достижениями Запада, несовместимо с сохранением их традиционных обрядов и табу, а также их привычного образа жизни. Они впадают в иллюзию, что их народы могут позаимствовать технологию Запада и достигнуть более высокого материального уровня жизни без того, чтобы сначала в процессе Kulturkampf (культурной борьбы — А.З.) избавиться от мировоззрений и нравов, унаследованных от их предков» [Мизес, 2007. С. 299].

Далее Мизес подчёркивал, что «материальные и технологические достижения Запада вызваны философиями рационализма, индивидуализма и утилитаризма» [Мизес, 2007. С. 299]. Как видим, Мизес здесь бескомпромиссен: либо вы радикально меняете свою культуру, вестернизируетесь; либо ничего у вас не получится. Так что никакой «множественности» модернизаций (модной до сих пор концепции, предложенной в 60-е гг. прошлого века Шмуэлем Эйзенштадтом) [Эйзенштадт, 1998] для него не существует.

Другой вопрос, а прав ли он, занимая столь жёсткую позицию? Оппонент этой точки зрения обязательно вспомнит про Китай, но, как знать, ведь в первой половине 60-х гг. прошлого века и СССР выглядел чуть ли не глобальным технологическим лидером. Полёты в космос, атомные электростанции, водородная бомба. Тем не менее известно, чем всё это закончилось.

В полемике с Лоуренсом Харрисоном Травин прав во многих частностях, поскольку тот вставляет культуру повсеместно, куда надо и куда не надо. Это позволило ему сделать следующий общий вывод: «Культурные теории исключают (как и конспирологические) необходимость анализа множества сложных исторических фактов» (с. 247). На самом деле «культурные теории» признают только то, что культура является главной детерминантой развития и отсталости, но, конечно, далеко не единственной. Об этом говорит возможность выхода из исторической колеи. Примеры у всех на слуху, но, в первую очередь, следует выделить Тайвань. Он, кстати, полностью подтверждает мысль Мизеса.

В анализируемой части книги хватает оснований согласиться с её автором и принять практически все его аргументы, относящиеся к критике разного рода «новых левых»: Эрика Райнерта, Дэвида Гребера, Юваля Ноя Харари. В части его критического отношения к Кристиану Вельцелю можно тоже заметить много справедливого. На взгляд рецензента, ориентация на географическую среду у Вельцеля совершенно искусственно пришта к его схеме (в народе про такое говорят «белыми нитками») и его общая логика рассуждений прекрасно обошлась бы и вовсе без неё.

Всегда легче писать о том, с чем не согласен. А не согласен рецензент, во-первых, с некритическим отношением автора к теории гуманитарной революции Стивена Пинкера, во-вторых, с игрой за глобалистов против нативистов при обсуждении работы Ивана Крастева. О Пинкере рецензент впервые узнал на одной из дискуссий в Европейском университете в Санкт-Петербурге, когда в ответ на тезис его доклада о том, что дело идёт к острому конфликту силовой и правовой цивилизаций, вплоть до прямых военных столкновений, прозвучал удивлённый комментарий одной из студенток: так ведь в мире снижается уровень насилия! Сказано это было с такой убеждённо-

стью, как будто речь шла о законе всемирного тяготения. В ходе дискуссии был назван и источник такой уверенности — тот самый Пинкер. Элементарное статистическое сравнение XIX и XX вв. покажет, что его стремление вывести некий универсальный закон натолкнулось на суровую реальность. И вошло в острое противоречие с ней.

В ходе анализа концепции Крастева неизбежно встал вопрос о глобализации. И тут Травин, имея в виду глобалистов и нативистов, отмечает: «Одни ломают стены и строят современную экономику, другие возводят стены, стараясь как можно дольше уберечь от зарубежной конкуренции старые заводы и старые рабочие места» (с. 267). Глобализация и свободная торговля вместе с таким же движением капиталов, в принципе, прекрасные вещи, если только стоять на позиции чистого «экономизма» и отвлечься от реальности. А реальность такова: страны силовой цивилизации используют всё это для разрушения и подчинения альтернативной цивилизации, той, что мы привыкли называть Западом. Если предоставить полную экономическую свободу китайской фирме Huawei оснащать мобильной связью 5-го поколения страны Европы, то по истечении стольких-то лет им придётся выполнять указания ЦК КПК из Пекина. В конце концов, до поры до времени российский газ тоже был очень дешёв.

Что же касается миграции — массовому притоку мигрантов из отстающих в развитии стран в благополучные страны, то здесь Травин вроде как на стороне компромисса: принимать рабочую силу, но не её культуру. Вот только это легче сказать, чем сделать. Отделить одно от другого трудно, если не невозможно. Культура определяет самоидентификацию человека. Легче выгнать Дуньку из колхоза, чем колхоз из Дуньки. Обострение же конфликта культур по мере роста числа мигрантов — неизбежно, поскольку «иная культура — это прежде всего – *иная система ценностей*» [Пелипенко, 2014. С. 212].

И если задуматься, а так ли уж нужна массовая миграция из неблагоприятных стран в качестве пополнения рабочей силы? Тем более в эпоху автоматизации и перспектив создания машин с искусственным интеллектом, которые в перспективе смогут справиться с уборкой улиц и вывозом мусора. Представляется, что даже чисто экономическая выгода от такой миграции сомнительна, особенно с учётом дополнительной нагрузки на социальные системы от неработающих жён и многочисленных детей.

Рецензент с интересом взялся за главу «От империй к государствам», но она несколько разочаровала. Пожалуй, только содержание трудов Пола Кеннеди и, отчасти, Чарльза Тилли отвечают заявленному названию. А вот концепции мир-системщиков (Иммануила Валлерстайна, Джованни Арриги) не совсем про то. И уж совсем не вписывается сюда Ричард Лахман. В такой главе неплохо было бы проанализировать книгу Дипака Лала «Похвала империи» [Лал, 2010] тем более, что она была упомянута ранее. Самое удивительное, конечно, что в этой главе не оказалось Егора Гайдара с его «Гибелью империи» [Гайдар, 2006]. И если уж вставлять дискурс о модернизации, то как раз здесь было бы уместно показать, что она несовместима с теократическими империями. Испания никогда не стала бы современной, если бы не потеряла свои колонии.

Наконец, заключительная глава. Начинается она с Теды Скочпол (известной своими сравнительными исследованиями революций политологом) и заканчивается почти никому неизвестным австрийским историком Вальтером Шайделем. Однако на всём протяжении главы не удалось найти главное (это, скорее, вина не автора, а тех, о ком он пишет): что же такое революция? Чем она отличается от внутренних потрясений иного вида, которые революциями не называются? Но ответа на эти вопросы нет, хотя есть масса рассуждений о причинах революций. Однако, по всей видимости, прежде следовало определить само понятие. Тут бы авторский комментарий был бы к месту.

Возьмём Россию. Есть революции 1905 г., 1917 г. (февраль) и 1917 г. (октябрь). Какая у них принципиальная общность, чтобы именовать все эти события революциями? Аналогично: все ли известные французские революции были на самом деле таковыми?

Возьмём ту революцию в России, которая не вызывает сомнений в том, что это — революция. Произошёл переворот во всех составляющих общественной жизни — политике, экономике, идеологии и много в чём другом. И, кстати, можно согласиться с тем, что она была реакцией на модернизацию, как об этом пишет, например, историк Борис Миронов (с.371–372). Однако возникает следующий нерешённый вопрос: была ли она полным разрывом с прошлым или же всё-таки «эффект колеи» сохранился? Ответ на него можно попытаться дать, но он — не для рецензии

Коснёмся ещё только одной проблемы. Крах социализма в странах Балтии и последовавшее их национальное освобождение. Травин затрагивает в последней главе и это событие. И, как ни странно, обращается к культуре. «Огромное значение для демократизации имела принадлежность балтийских народов к европейской культуре, или, точнее, их самоидентификация как европейцев» (с. 379). Трудно не присоединиться к такому мнению. В то время как рассуждение на той же странице о якобы большой роли русской интеллигенции в поддержке стремления этих народов к освобождению вызывает столь же большие сомнения.

Пора подводить итог. Книга, как уже было сказано, выполнила задачу хорошего путеводителя по исторической социологии. Среди экономистов она вызовет наибольший интерес у тех, кто занимается институциональной экономической историей. Причём, естественно, привлекут их внимание обзоры работ не экономистов (с ними они и так знакомы), а социологов, политологов и историков.

Если вернуться в начало книги, то рецензент согласился бы с исходной установкой, что «в такого рода исследованиях невелико значение математики, которой современная экономическая наука уделяет большое внимание» (с. 18). Хорошим подтверждением этому тезису служат труды Аджемоглу и Робинсона. Их статьи в академических экономических изданиях по тем же темам, что они поднимают в своих последних двух книгах, буквально завалены математикой. Это и перевод общих соображений на язык теории игр, и какие-то эконометрические расчёты, если находится соответствующая тема статистика. Однако вряд ли их аргументы звучат более убедительно в специализированных изданиях, чем в упомянутых книгах, где нет ни единой формулы. В такого рода исследованиях помогают широкая эрудиция и интуиция как способность видеть в историческом прошлом исторические перспективы, но не математические инструменты и вычисления.

В то же время путеводитель неплохо показывает, что сравнительный анализ, хоть и, несомненно, полезен, не может быть главным, а тем более единственным методом в изучении институциональной истории. Его роль часто преувеличивают. Гораздо большее значение имеет погружение в социальную среду. У социологов это называется включённым наблюдением, но оно должно быть не краткосрочным экспериментом. Необходимо долговременное постижение культурно-исторического кода общества, доминирующих в нём ментальных структур изнутри. Такое постижение и будет пониманием неформальных институтов как решающих детерминант развития или отставания. Отсюда с неизбежностью следует вывод о том, что вряд ли его можно реализовать с достаточной глубиной за границами собственной культурной среды. Не случайно в книге отмечаются довольно слабые и стереотипные суждения о России ряда представленных зарубежных исследователей.

На протяжении всей книги, как неоднократно было показано выше, её автор поднимает вопрос о модернизации в своём собственном понимании, которое близко к видению основателей теории модернизации. Его главный нарратив: путь к модернизации никому не закрыт! Включая Россию. Здесь хочется, кстати, спросить автора и про Китай.

Если речь идёт о модернизации, устраняющей укоренившиеся базовые институты и заменяющей их на институты конституционной демократии, то сразу возникает желание предупредить автора об ошибке. Её источником является то, что философ Андрей

Пелипенко определил в качестве разговора «на языке просвещенческой гуманистической антропологии с её мифологией равенства и установкой на способность всех и вся подняться и “доразвиться” до “нормальных” и “правильных”, т.е. либеральных ценностей» [Пелипенко, 2014. С. 24]. На самом деле человек человеку — культурный код. Если, конечно, люди происходят из разных цивилизаций¹⁰. И сломать этот код, заменив его на противоположный, могут только такие потрясения и такие особые стечения обстоятельств, которые редко встречаются в истории.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Автономов В. (2016). От научного редактора. Путеводитель по культуре для экономистов // Бегельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. [Avtonomov V. (2016). Foreword — from the Scientific Editor. A Cultural Guide for Economists // Beugelsdijk S., Maseland R. *Culture in Economics. History, Methodological Reflections, and Contemporary Applications*]. — М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. С. IX-XIV.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. [Acemoglu D., Robinson J.A. (2015). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*]. — М.: Издательство АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Узкий коридор [Acemoglu D., Robinson J.A. (2021). *The Narrow Corridor*]. — М.: Издательство АСТ.
- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. (2005). История России: конец или новое начало? [Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. (2005). *History of Russia: The End or a New Beginning?*]. — М.: Новое издательство.
- Бессонова О. Э. (2015). Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции [Bessonova O.E. (2015). *Market and Handout in the Russian Matrix: From Confrontation to Integration*]. — М.: Российская Политическая Энциклопедия.
- Гайдар Е.Т. (2006). Гибель империи. Уроки для современной России [Gaidar E.T. (2006). *The Death of Empire. Lessons for Modern Russia*]. — М.: РОССПЭН.
- Гидденс Э., Самтон Ф. (2021). Основные понятия в социологии [Giddens A., Sutton Ph.W. (2021). *Essential Concepts in Sociology*]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Гудков Л. (2017). «Мы поняли, что советский человек никуда не уходит» [Gudkov L. (2017). *We Realized that the Soviet Man Is Not Going Anywhere*] — Источник: <https://www.levada.ru/2017/07/24/my-ponyali-chto-sovetskij-chelovek-nikuda-ne-uhodit/> (дата обращения 24.10.2022).
- Заостровцев А.П. (2017). Институциональная история России (О книге Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова «Экономическая история России: опыт институционального анализа» [Zaostrovtshev A.P. (2017). *Institutional History of Russia (About the Book by R.M. Nureev and Yu.V. Latov “Economic history of Russia: experience of institutional analysis”)*] // Вопросы экономики. № 5. С. 136-147..
- Заостровцев А.П. (2020). Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути? [Zaostrovtshev A.P. (2020). *Modernization Debate: Common Road or Special Ways?*] — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Инглхарт Р. (2018). Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир [Inglehart R. (2018). *Cultural Evolution: How People’s Motivations are Changing and How this is Changing the World*]. — М.: Мысль.
- Кирдина С.Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию [Kirdina S.G. (2014). *Institutional matrices and development of Russia. Introduction to X-Y theory*]. — М., СПб.: Нестор-история.
- Коцюбинский Д.А. (2019). Цивилизация ресентимента. Институционально-исторический анализ русской политической культуры [Kotsyubinskii D.A. (2019). *The Civilization of Resentment. Institutional and Historical Analysis of Russian Political Culture*] // Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы / Под ред. А.П. Заостровцева. — СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр». С.109–151..
- Лал Д. (2010). Похвала империи. Глобализация и порядок [Lal D. (2010). *In Praise of Empires. Globalization and Order*]. — М.: Новое издательство..

¹⁰ Основатели классического либерализма не могли даже вообразить, что модель человека, выведенная ими из видения западноевропейских перспектив того времени, будет распространена на весь мир как якобы универсальная. Совсем не случайно отцы-основатели США не замечали ничего противоречащего «Биллю о правах» в рабстве выходцев из Африки, поскольку последние не воспринимались ими в качестве личностей. Разве могли выдающиеся интеллектуалы эпохи Просвещения видеть в качестве равных людей едва ли не первобытной эпохи? Либерализм был тогда «либерализмом для своих».

- Маккроски Д. (2018). Буржуазные добродетели. Этика для века коммерции [McCloskey D. (2018). *The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce*]. — М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Мизес Л. фон. (2007). Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции [Mises L. von. (2007). *Theory and History. An Interpretation of Social and Economic Evolution*]. — Челябинск: Социум.
- Нова ли новая Россия? (2016) [*Is the New Russia New?* (2016)] / Под общ. ред. О.И. Шкаратана, Г.А. Ястребова. — М.: Университетская книга.
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. [North D. (2010). *Understanding the Process of Economic Changes*]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества [North D., Wallis D., Weingast B. (2011). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*]. — М.: Изд. Института Гайдара.
- Нуреев Р. М., Латов Ю.В. (2016). Экономическая история России (опыт институционального анализа) [Nureev R.M., Latov Yu.V. (2016). *Economic History of Russia (Experience of Institutional Analysis)*]. — М.: КНОРУС.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2010). Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития) [Nureev R.M., Latov Yu.V. (2010). *Russia and Europe: The Path Dependence Effect (The Experience of Institutional Analysis of the History of Economic Development)*]. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта.
- Пелипенко А.А. (2014). Глобальный кризис и судьбы Запада [Pelipenko A.A. (2014). *The Global Crisis and the Fate of the West*]. — М.: Издательство «Знание».
- Розов Н.С. (2011). Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке [Rozov N.S. (2011). *Track and Pass: Macrosociological Basis for Russia's Strategies in the XXI Century*]. — М.: РОССПЭН.
- Россия как цивилизация: материалы к размышлению (2015) [*Russia as a Civilization: Materials for Reflection* (2015)] / Под ред. О.И. Шкаратана, В.Н. Лексина, Г.А. Ястребова — М.: Редакция журнала «Мир России».
- Росстат (2022). Реальные денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации в % к соответствующему периоду [Rosstat (2022). *Real monetary incomes of the population by constituent entities of the Russian Federation in % of the corresponding period*]. — Источник: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397#> (дата обращения: 24.10.2022).
- Сото Э. де. (2001). Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире [Soto de. H. (2001). *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else Paperback*]. — М.: ЗАО «Олимп-Бизнес».
- Сото Э. де. (2008). Иной путь: Экономический ответ терроризму. — Челябинск: Социум. [Soto de. H. (2008). *The Other Path: The Economic Answer to Terrorism*. — Chelyabinsk: Sotsium (In Russ.)].
- Травин Д.Я. (2016). Просуществоет ли путинская система до 2042 года? [Travin D.Ya. (2016). *Will the Putin System Last until 2042?* — СПб.: Норма.
- Травин Д.Я. (2018). «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. [Travin D.Ya. (2018). *«Special way» of Russia: from Dostoevsky to Konchalovsky*. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Травин Д.Я. (2019). Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России. [Travin D.Ya. (2019). *Steep Hills of the XXI Century: Post-modernization and Problems of Russia*. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Травин Д.Я. (2022). Как государство богатеет... Путеводитель по исторической социологии. [Travin D.Ya. (2022). *How the State Gets Rich... A Guide to Historical Sociology*]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. (2017). Российский путь: Идеи, Интересы, Институты, Иллюзии [Travin D., Gelman V., Zaostrovcev A. (2017). *The Russian Way: Ideas, Interests, Institutions, Illusions*]. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Травин Д.Я., Маргания О.Л. (2004). Европейская модернизация: В 2 кн. [Travin D., Marganiya O. (2004). *European Modernization*. In 2 Vol.]. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica.
- Травин Д., Маргания О. (2011). Модернизация от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара [Travin D., Marganiya O. (2011). *Modernization from Elizabeth Tudor to Yegor Gaidar*]. — М.: АСТ: Астрель; СПб.: Terra Fantastica.
- Федотов Г.П. (1991). Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры) [Fedotov G.P. (1991). *The Fate and Sins of Russia (Selected Articles on the Philosophy of Russian History and Culture)*]. — С.-Петербург: София.
- Фукуяма Ф. (1990). Конец истории? [Fukuyama F. (1990). *The End of History?*] // Вопросы философии. № 3. С. 84-118.
- Хедлунд С. (2015). Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала [Hedlund S. (2015). *Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure*]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Эйзенштадт Ш. (1998). Новая парадигма модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций [Eisenstadt Sh. (1998). *A New Modernization*] / Под ред. Б.С. Ерасова. — М.: Аспект Пресс, С. 470-479.
- Alesina A., Giuliano P. (2014). Culture and Institutions // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 4. Pp. 898-944.

- Democracy Report 2022 (2022) Autocratization Changing Nature // https://v-dem.net/media/publications/dr_2022.pdf (Дата обращения: 24.10.2022).
- Harari M., Tabellini G. (2015). The Effect of Culture on the Functioning of Institutions // *Culture Matters in Russia — and Everywhere: Backdrop for the Russia-Ukraine Conflict* / L. Harrison, E. Yasin (eds.). — London: Lexington Books. Pp. 245–265.
- McCloskey D. N. (2010). *The Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World*. — Chicago: University of Chicago Press.
- McCloskey D. N. (2016). *The Bourgeois Equality: How Ideas, Not Capital or Institutions, Enrich the World*. — Chicago: University of Chicago Press.
- North D.C. (2008). Institutions and the Performance of Economies Over Time // *Handbook of New Institutional Economics* / C. Menard, M.M. Shirley (eds.). — Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. Pp. 21–30.
- Roland G. (2020). Culture, Institutions and Development // *The Handbook of Economic Development and Institutions* / J.-M. Baland, F. Bourguignon, J.-Ph. Platteau, Th. Verdier (eds.). — Princeton & Oxford: Princeton University press. Pp. 414–448.
- Statistics Times (2021). Gross World Product per Capita // <https://statisticstimes.com/economy/world-gdp-per-capita.php#:~:text=Gross%20world%20product%20per%20capita%20is%20obtained%20by%20adding%20the,obtained%20by%20data%20from%20IMF> (дата обращения: 24.10.2022).

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaoztrovstev

*PhD (economics), professor, National Research University – Higher School of Economics (St.-Petersburg).
zao-and@yandex.ru*

THOSE WHO COMPREHEND HISTORY: A REVIEW OF DEVELOPMENT CONCEPTS (ON D.YA. TRAVIN'S BOOK "HOW THE STATE GETS RICH... A GUIDE TO HISTORICAL SOCIOLOGY")

Abstract. The article presents a review of the book, in which its author developed a wide panorama of the theory of modernization. This is indeed a very useful work, revealing different views on the global picture of development and backwardness. The text is well structured, which makes it possible to unite in separate chapters the concepts of the authors describing one or another component of this picture. As an encyclopedic reference book, the work is extremely necessary for anyone who wants to delve into what its author calls historical sociology in a short period of time. At the same time, he not only briefly outlines other scientist's concepts, but also gives them his own assessment. And this fact allows us to conduct a critical analysis of the views of one of Russia's leading specialists in the field of modernization. It shows that the contradictory reality has made the theory no less contradictory. A number of countries, which should have already become democratic, stubbornly refuse to do so. The author of the book, following his vision, still tries to defend the theory of modernization and tries to avoid this issue. His arguments in favor of the modernization are contradictory, but, admittedly, they make you think and look for counterarguments. The book often draws conclusions in relation to Russia. Its author believes that the process of modernization in it will be completed sooner or later, but successfully. He resolutely rejects the determining influence of culture on the historical process and the forms of its implementation. The controversy with this and a number of other controversial statements does not negate his achievements in the field of building an effective structure for presenting the material, demonstrating excellent awareness of the concepts of many authors, including a number of leading institutionalist economists. The book provides an opportunity to keep abreast of the current state of affairs in the field of institutional history as a relatively new area of research.

Keywords: *historical sociology, modernization, institutions, culture, empires, revolutions.*

JEL: N10, N40, O10, Z13.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Заостровцев А.П. (2023). Постигающие историю: обзор концепций развития (О книге Д.Я. Травина «Как государство богатеет... Путеводитель по исторической социологии») // Вопросы теоретической экономики. №1. 2023. С. 142–155. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_142_155.

FOR CITATION: Zaoztrovstev A. (2023). Those Who Comprehend History: a Review of Development Concepts (On D.Ya. Travin's book "How the State Gets Rich... A Guide to Historical Sociology") // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 1. 2023. Pp. 142–155. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_142_155.